
ISSN 2225-8272

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**Культурно-просветительский
и образовательный журнал**

Выходит четыре раза в год

Том 10, № 3 2021

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история;

07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода).

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Борисов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам.зав. кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

---

Лавицкая Марина Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), e-mail: marinalv2010@yandex.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры связи с общественностью, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: nechaevv@mail.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Филонов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: filonovvi@mail.ru

Щеголева Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: natali021orel@mail

---

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Брузати Лука, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Лавицкая Марина Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), e-mail: marinalv2010@yandex.ru

---

**Editorial Council of «Journal
of Public and Municipal Administration»**

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Arabadjiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiski@nbu.bg

Astafichev Pavel, Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Bagdasaryan Vardan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Borisov Alexander, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Gorin Dmitry, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Eliseev Anatoly, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of State and Legal Disciplines and Social Security, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Zaluzhny Alexander, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Zaitsev Vladimir, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Zubarev Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Ivanov Hristo Marinov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria, Varna), e-mail: xiza@abv.bg

---

Karadzhova Milena, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Lavitskaya Marina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: marinalv2010@yandex.ru

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Maslennikov Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Melikhova Angela, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Meneguzzo Mapko, Doctor of Economics, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Mikhailchenko Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Nekhaev Victor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Nechaev Dmitry, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Ruchkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Saran Alexander, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Filonov Vladimir, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: filonovvi@mail.ru

Shchegoleva Natalia, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Dean of Faculty of Law, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: natali021orel@mail

---

Editorial Board:

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Mironenko Nadezhda, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy editor-in-chief of the magazine development (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Lavitskaya Marina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: marinalv2010@yandex.ru

---

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

- Багдасарян В. Э. Крымская война как конфликт цивилизаций: фокус Крыма в цивилизационно-ценностном измерении российской истории 12

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Цыбаков Д. Л.,
Гарина О. В. Партийно-политическое руководство системой профессионального образования сотрудников НКВД – МВД СССР (1920–1980-е гг.) 20

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

- Шапкин И. Н. Журнал «промышленность и торговля» – ведущий печатный орган российского бизнеса (1908–1918 гг.) 28
- Гелла Т. Н.,
Проконин Ф. И. Оценка англо-японского договора 1902 г. британской политической элитой и прессой 39

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Алексеева Л. А.,
Тихонович М. И. История развития американского и европейского федерализма в период нового и новейшего времени 52
- Заслонкина О. В. Проблема исторической преемственности РСКМ – ВЛКСМ и молодёжного парламентаризма в России в последней четверти XX столетия 60

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Литвинов В. П. Политика российских властей в отношении вакуфов «священных мест» в Средней Азии в дореволюционный период 69
- Антонова М. В.,
Копова М. А. Историко-краеведческие рассказы и сказания о местных иконах и святых XVII – XIX веков 78

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВА

- Тарасов С. А. Деятельность «авиационного» отдела управления кадров ЦК ВКП(б) по повышению боеспособности военно-воздушных сил Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 99
- Гребенкин А. Н. Разработка штатов управления Дворцового коменданта в 1905 году 111

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Антоненко Н. В., Савоськин А. В.	Национальная политика в советской России в 20–30-е гг. XX века и ее оценка политическими деятелями русской эмиграции	126
Наумова Н. А.	Персия в последней трети XIX – начале XX вв.: международные отношения с соседними государствами	135

CONTENTS

HISTORY OF TERRITORIES DEVELOPMENT

- Bagdasaryan V.E. The Crimean War as a conflict of civilizations: the focus of Crimea in the civilization and value dimension of Russian history 12

HISTORY AND MODERN PRACTICE OF PUBLIC ADMINISTRATION

- Tsybakov D.L.,
Garina O.V. Party and political leadership of vocational training for the staff of the People's Commissariat for Internal Affairs – the Ministry of Internal Affairs of the USSR (1920s-1980s) 20

RUSSIAN SOCIETY IN THE WORLD HISTORICAL PROCESS

- Shapkin I.N. Magazine «Industry and Trade» - the leading printing body of Russian business (1908–1918) 28
- Gella T.N.,
Prokonin F.I. Assessment of the Anglo-Japanese agreement of 1902 by the British political elite and the press 39

REFORMS AND INSTITUTIONS: HISTORY AND MODERNITY

- Alekseeva L.A
Tikhonovich M.I. The history of the development of American and European federalism in the Modern and Contemporary period 52
- Zaslonskaya O.V. The problem of the historical continuity of All-Union Leninist Young Communist LEAGUE and youth parliamentarism in Russia in the last quarter of the XX century 60

STATE, RELIGION, CHURCH

- Litvinov V.P. The policy of the Russian authorities regarding the waqfs of "holy places" in Central Asia in the pre-revolutionary period 69
- Antonova M.V.
Komova M.A. local - history stories and legends about locally venerated icons and saints of the XVII-XIX centuries 78

HISTORY OF NATIONAL SECURITY AND STATE PROTECTION

- Tarasov S.A. Activities of the "aviation" department of the Personnel Department of the Central Committee of the All-Union Communist party of Bolsheviks to improve the combat capability of the Red Army Air Forces during the Great Patriotic War 98
- Grebenkin A.N. Elaboration of the staff of the Palace Commandant's Office in 1905 111

CONTENTS

GLOBAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Antonenko N.V.	National policy in Soviet Russia in the 20-30s of the XX century and its assessment by political figures of Russian emigration	126
Naumova N.A.	Persia in the last third of the XIX – beginning of the XX century: international relations with neighbouring states	135

БАГДАСАРЯН Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, Московский государственный областной университет (Россия, Мытищи), e-mail: vardanb@mail.ru

BAGDASARYAN V.E., Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law; Moscow State Regional University (Russian Federation, Mytishchi), e-mail: vardanb@mail.ru

КРЫМСКАЯ ВОЙНА КАК КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ФОКУС КРЫМА В ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

THE CRIMEAN WAR AS A CONFLICT OF CIVILIZATIONS: THE FOCUS OF CRIMEA IN THE CIVILIZATION AND VALUE DIMENSION OF RUSSIAN HISTORY

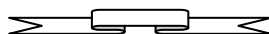
Аннотация. Цель статьи – анализ истории Крыма в ракурсе цивилизационного измерения мирового и российского исторического процесса. Указывается особая роль Крымского полуострова в качестве особого межцивилизационного буфера, что определяет особую парадигму отношений. В статье на примере Крыма раскрывается особый феномен «войны цивилизаций» с ее иллюстрацией в истории России. Как непосредственный пример столкновения цивилизаций рассматривается Крымская война. Показываются когнитивные потенциалы переосмысления Крымской войны как цивилизационного конфликта, в котором цивилизация России противостояла цивилизациям Европы и Османской империи. Применяемая методология позволяет пересмотреть ряд сложившихся в отношении Крымской войны историографических и дискурсивных стереотипов, мифов общественного сознания. Показывается особое цивилизационно образующее, осевое значение Крыма для цивилизационной истории России, её репрезентации.

Ключевые слова: Крым, война цивилизаций, Крымская война, Российская империя, Европа, Османская империя, Русская армия, цели войны.

Abstract. This article aims to consider the history of Crimea from the perspective of the civilizational dimension of the world and Russian historical process. The special role of the Crimean peninsula as a special intercivilizational buffer is indicated. It determines a special paradigm of relations. Using Crimea as an example, the article reveals a special phenomenon of the «war of civilizations» with their illustration in the history of Russia. The Crimean War is considered as a direct example of the clash of civilization.

The cognitive potentials of rethinking the Crimean War as a civilizational conflict are given. It is stressed that the Russian civilization opposed the civilizations of Europe and the Ottoman Empire. Finally it is emphasised that the applied methodology allows to revise a number of historiographic and discursive stereotypes and myths of public consciousness that have developed in relation to the Crimean War. The special civilization-forming axial significance of Crimea for the civilizational history of Russia is shown.

Keywords: Crimea, war of civilizations, Crimean War, Russian empire, Europe, Ottoman Empire, Russian army, war aims.

ВВЕДЕНИЕ

Существуют, как известно, различные классификации разворачивавшихся войн в истории человечества. В качестве одного из таких типов войн выделяется сегодня война цивилизационная. Ее распространение связывается, как правило, в обществоведческом дискурсе с авторитетом С. Хантингтона. Американский политолог использовал в действительности вместо более радикальной дефиниции «война» менее категоричную метафору – «столкновение цивилизаций». Но от этого природа соответствующего конфликта, в основе которого находились междоцивилизационные противоречия, не снималась [10].

Факт прецедентов междоцивилизационных войн не означает, что такие войны предопределены самим существованием цивилизаций. В противоположность войнам может быть вполне реализуема и установка междоцивилизационного диалога. Но сама фиксация прецедентов междоцивилизационных войн в истории отражает важные реалии развертки мирового исторического процесса, и их игнорирование означало бы его существенное искажение.

Россия как государство-цивилизация не единожды исторически вступала в междоцивилизационные конфликты, что объективно обуславливалось фактором иноцивилизационного окружения. Наиболее масштабные войны в российской истории имели либо цивилизационную парадигму, либо цивилизационные аспекты. Такое измерение конфликтов присутствовало и при отражении Александром Невским в тринадцатом столетии агрессии с Запада, и в противостояниях с Польшей как форпостом католического мира, и в борьбе с мусульманской Османской империей. Великая Отечественная война, помимо иных аспектов, имела и аспект русской (российской) цивилизации и объединенной Германией единой континентальной Европы.

«Холодная война» была также не только противостоянием социальных систем – капитализма и социализма, но противостоянием цивилизаций, в рамках которого акцентировались системные различия противников. «Новая холодная война» воспроизводит в этом отношении цивилизационную инерцию конфликта прошлого, привнося и новые аспекты, связанные с развитием надцивилизационной корпоратократии [2].

Крымский полуостров фактически на всем протяжении своей истории выступал в качестве особой зоны цивилизационного буфера. Пересечение ареалов цивилизаций приводило зачастую к борьбе за цивилизационное доминирование, что, впрочем, никогда не отменяло этнокультурную гетерогенность региона. Еще в Древнем мире Крым являлся одной из важнейших артерий цивилизационных транзитов. За доминирование в регионе исторически вели борьбу греки, римляне, скифы, персы, готы, гунны, тюркюты, хазары, монголо-татары, генуэзцы, крымские татары, турки и др. Особые геополитические претензии в отношении Крыма были продуцированы в период иностранной военной интервенции и Второй мировой войны [1].

Русская (российская) цивилизация включилась в конфликт за доминирование в Крыму в качестве цивилизационной части восточно-христианского (византийского) мира. Падение Византии – первое в начале тринадцатого и второе в середине пятнадцатого столетия – определило особую миссию русского цивилизационного утверждения на Крымском полуострове. Включение Крыма в орбиту духовного видения задавала преемство от старо-православной к новоправославной цивилизации.

Дополнительным фактором включения в борьбу являлись крымско-татарские набеги с юга и османские экспансионистские претензии. Фактически имел место конфликт цивилизаций – русско-православной и османской.

мусульманской. И до последней четверти семнадцатого века силой цивилизационного наступления выступал ислам. Османская империя – одно из сильнейших государств мира – являлась одним из главных акторов тогдашней мировой политики, имевшим еще силовое преобладание над странами Европы.

Однако в отношениях цивилизаций имеет значение особый исторический реверс – «цивилизационный маятник». Восемнадцатый век задал противоположный вектор маятникового движения, результатом которого явилось включение Крыма не только в духовную орбиту России, но и в политические границы Российской империи. К середине девятнадцатого столетия в фокусе потенциального конфликта за доминирование в Северном Причерноморье сталкивались три силы – российская цивилизация, бросившая вызов исламо-турецкой и западной цивилизационным системам; Запад, разделенный противоречиями, но единый с позиций идентичности и оппонирования христианскому Востоку; Османская империя, сохранявшая по инерции прежние амбиции, но не подкреплявшая их соответствующими модернизационными потенциалами.

Две цивилизации – западная и османская – выступили против третьей – российской. Крымская война в этом отношении являлась классическим примером цивилизационного конфликта, более очевидно выраженного, чем другие столкновения цивилизаций российского исторического нарратива.

Фактически осмысление Крымской войны в качестве столкновения Россия – Европа сложилось еще в дореволюционной военной историографии. Приводилась развернутая аргументация консолидированности антироссийских действий Запада на военном, дипломатическом и общественном уровнях. В либеральном направлении историографии и общественной мысли, напротив, делался

акцент на реакционности действий российского правительства, тогда как Европа позиционировалась в конфликте носителем духа прогресса. Штамп о прогрессивности Европы периода Крымской войны приобрел в дальнейшем характер клише, при том что о прогрессивности Наполеона III, равно как и других европейских монархов, можно было говорить в сравнении с тем же Николаем исключительно вставая на почву западничества [2].

В советской историографии при доминанции школы М. Н. Покровского линия критики реакционности самодержавия в Крымскую войну еще более усилилась. Развивалась тема российской торгово-капиталистической экспансии. Главная установка виделась в борьбе за раздел османского наследия, где России противостояли другие державы – акторы мирового капитала [5, С. 111].

Безусловным шагом вперед в советской историографии осмысления Крымской войны явились исследования Е. В. Тарле. С одной стороны, в противоречие с школой Покровского удалось преодолеть ряд ангажированных положений о политике Российской империи как наиболее агрессивной среди держав мира. Но с другой – Тарле, следуя методологии экономоцентристского анализа, акцентировал внимание в конфликте Крымской войны на столкновении экономических интересов, борьбе за рынки сбыта. Гуманитарным составляющим конфликта, таким как реваншизм Наполеона или рефлексия на победу в 1812 году, также уделялось в фундаментальном труде определенное внимание, но подчиненное факторам экономики [7].

Собственно, к возможности выхода на осмысление Крымской войны в качестве конфликта цивилизаций сложились методологические и дискурсивные предпосылки только уже в 2000-е годы. Не снимая проблематику экономического, геополитического, политического и иных конфликтов, возникает перспектива оценить ее в ракурсе кон-

фликта цивилизационно-ценностного.

Английский историк А. Дж. Тойнби, являясь не только представителем западного сообщества, но и работником МИД Великобритании, именно Западу во взаимоотношениях с Россией отводил однозначно роль агрессивной стороны. Россия давала ответ на вызов Запада, заявляя свое право на особую цивилизационную идентичность. Такое право особенно ревностно отстаивалось при Николае I, что определяет особо пристальное отношение к апогею российско-западного противостояния, пришедшегося на Крымскую войну [8].

Никогда прежде со времен Ивана Грозного русско-европейские отношения не обнаруживали столь определенно парадигму цивилизационного конфликта. В дальнейшем российской выбор в пользу модернизации был в значительной степени определен моральным потрясением российского общества, вызванным поражением в цивилизационном конфликте, что гипертрофировалось как крах ценностно-мировоззренческий, а не только проявление технологического отставания.

Генезис Крымской войны, как правило, увязывается с «восточным вопросом» в международных отношениях. Однако такая акцентировка не в полной мере отражает сущность конфликта. Ключевым в Крымской войне являлся вопрос не о разделе османских территорий, а о доминанте в европейской политике. «Восточный вопрос», являвшийся традиционным узлом европейских противоречий, оказался не причиной, а катализатором войны.

В качестве явления системы международных отношений «восточный вопрос» брал начало с XVIII века, соотносясь с упадком Османской империи и охватившими ее центробежными процессами. Вместе с этим развивался процесс формирования европейских колониальных империй второй волны (Англия, Франция). Заявляла о своей особой ро-

ли Российская империя, традиционно считавшая Балканы и Северное Причерноморье сферой своей миссии. Это обуславливало латентную эскалацию в отношениях великих европейских держав в регионе. Российская империя исторически продвигала границы к югу – в сторону Черного моря. С одной стороны, это мотивировалось необходимостью защиты южных рубежей от перманентной угрозы Османской империи и Крымского ханства. Имел место и объективный фактор миграционного продвижения русских к югу под влиянием высокой демографической динамики и соответствующего хозяйственного плодородных территорий юга Восточно-Европейской равнины. Принципиальное значение для России и политики царей имел также фактор защиты восточноевропейских народов Балкан и Закавказья, находящихся под властью Турции.

Территориальные задачи Российской империя преимущественно решила к началу XIX века. Присоединив Крым, укрепившись на Черном море, создав там мощный военноморской флот, Россия свела к минимуму угрозу со стороны Турции и обеспечила потенциалы для экономического и социального развития южных территорий. Бурное развитие Малороссии являлось прямым следствием присоединения Крыма к России, что важно зафиксировать в современных дискуссиях о российском факторе в развитии современной Украины.

Объективно актуализировался вопрос о черноморских проливах. Находилась в повестке проблема освобождения из-под турецкого ига единоверных народов.

Таким образом, политика России в «восточном вопросе» и создание опорной базы в Крыму определялись защитой жизненно важных интересов государственного развития. Но именно Крым со всем связанным с ним ареалом потенциального влияния России стал той частью мира, где она столкнулась с

наиболее жестким противоборством других ведущих европейских держав.

Правда, существовал со стороны союзников и альтернативный сценарий развертки военных действий, при котором основной театр боев не был бы связан с Крымом. Наполеон III вынашивал план вторжения в Россию через Польшу по аналогии с походом Наполеона I. Новый французский император желал исправить историю 1812 года. Но план не был реалистичным, во-первых, ввиду высокой концентрации на западном направлении русских войск, а во-вторых, по причине несогласия с ним Англии и Турции. Для них поход через Польшу был абсурден. Именно Крым объективно оказывался в середине девятнадцатого века в фокусе цивилизационного надлома.

Еще в XVII веке Англия и Франция пытались усилить свое дипломатическое и экономическое влияние на Османскую империю. Но пока та сохраняла статус мощной военной силы, такие попытки имели известные ограничения.

Ситуация изменилась в XVIII столетии при превращении Турции из субъекта в объект международной политики. Порты оказываются под все большим контролем Англии и Франции, пытавшихся через нее сдерживать рост могущества Российской империи в регионе, а при лучшем сценарии – вернуться к геополитическому раскладу конца XVII столетия, блокировав Московию в лесных массивах.

Цели войны можно интерпретировать как заговор коалиционного сдерживания России. Так, в Англии полагали, что установление российского контроля над проливами создало бы реальную угрозу господству Британии в Средиземном море, а далее – в Персии и в перспективе – в Индии. Франция традиционно к сфере своих интересов относила территорию Леванта, для контроля за которым требовалось остановить Россию в Северном

Причерноморье. Роль французских монархов в качестве покровителей католического духовенства в Палестине также при определенных обстоятельствах приводила к эскалации конфликта с Россией как покровительницы православных (хотя при должной готовности к компромиссу он не являлся неизбежным). Имела место и попытка спровоцировать конфликт с особо одиозным в восприятии значительной части французов царским режимом.

Особую роль в антироссийском альянсе заняла Австрия. С ослаблением Османской империи она всё очевиднее проявляла интерес к проникновению на Балканы, где она сталкивалась в перспективе уже не с Турцией, а с бывшим союзником – Россией. В этом отношении Крымская экспедиция союзников была явно на руку Вене. При защите Крымского полуострова Российская империя объективно ослабляла свои позиции на Балканах.

Лучше всего суть своей политики в «восточном вопросе» выразил император Австрии (впоследствии Австро-Венгрии) Франц Иосиф. В 1850 году в письме своей матери он отмечал: «Наше будущее – на востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательно незаметно для царя Николая (императора Николая), но верно мы доведем русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике нельзя иначе, а наш естественный противник на востоке – Россия...» [4, С. 433].

Поражена ли осталась Россия при основном театре цивилизационной войны в Крыму? Вопрос состоит в оценке степени понесенного ей цивилизационного поражения. На периферийных театрах боевых действий она была успешной. Но и масштаб «крымского фиаско», надо думать, оказался преувеличен. Непосредственно в Крымской войне

приняло участие только 10–15 % совокупной русской армии. Привлечь более значительные ресурсы и бросить в Крым Россия не могла, поскольку требовалось держать войска по всему периметру страны. Угроза внешнего удара исходила даже от Пруссии, занимавшей относительно сдержанную позицию.

Неожиданным было и негативное отторжение, исходящее от греческого духовенства, которое способствовало отказу в помощи антиосмански настроенным арабам. Именно Константинопольский патриарх испугался увеличению авторитета России на Востоке и всячески противился дальнейшему успеху православной духовной миссии в Иерусалиме.

Более красноречиво экспансионистские цели западных государств в Крымской войне прослеживались через предполагаемые изменения в политической картине. Так, Наполеон III планировал передать Австрии часть владений Турции на Балканах, Сардинскому королевству – Ломбардию, Британии – Кандию и Кипр. Франция должна была получить Савойю и Бельгию. Польша получила бы независимость и во главе нее встал бы наследник бельгийского монархического дома. Героизм русской армии в Крыму не позволил, как известно, реализации этих замыслов.

Крымская кампания в качестве приоритетных направлений видела усиление и увеличение антироссийских настроений. Испания вспомогательным корпусом должна была помочь союзным Наполеону войскам, привлекая в военные действия и Данию. Даже нейтралитет Швеции пошатнулся ввиду обещаний по Финляндии. Она обещала выставить против России шестидесятитысячную армию. Франция пыталась под эти дополнительные ресурсы разработать общие боевые действия. Наследник прусского престола, будущий кайзер Вильгельм, всесторонне поддерживал противорусские военизированные

настроения, бытовавшие в то время на территории государств Ганновера и Гессена. При продолжении войны интернациональный состав антироссийских сил был бы, безусловно, расширен.

Предсказуемым аспектом «...для советской историографии являлось указание, что одним из факторов русского поражения явилось противостояние отечественному парусному флоту паровых судов союзников. В действительности же паровые суда состояли и на вооружении Российской империи. Так, на рейде в Черном море находилось четыре паровых фрегата и десять паровых судов, в Балтийском море – двадцать семь. Правда, у союзников имелось больше паровых судов, но и у них парусники доминировали. Пароходы всё еще оставались тактическим, а основным средством в боевых операциях флота...» [11].

Идентичен по своей формулировке «...миф в объяснении российского поражения в Крыму фактором технологической отсталости и указывает на отставание русской армии по качеству ружей. Создателем мифа стал А. С. Меншиков, пытавшийся оправдать допущенные субъективные просчеты. Даже Н. С. Лесков в «Левше» принимал предложенное объяснение. В предисловии повести он писал о «секретной причине» военной неудачи в Крыму. В действительности же еще в ходе Крымской кампании русские ружья подверглись в основной массе модернизации. Англичане имели преимущества ружейного боя, но его не было у французов. Кроме того, фактор преимущества стрельбы оказывался часто сводим к нулю ввиду тумана, как было, например, в сражении при Инкермане. Конечно, технологический фактор имел свои негативные последствия в войне для России, но решающего значения это не имело. Были аспекты вооружения, в частности минное производство, где русская армия имела преимущества перед союзниками (ми-

ны Б. С. Якоби)....» [6; 9; 12, С. 37–43].

На случай самого негативного сценария у Николая I имелся козырь, к которому он намеревался прибегнуть – провозглашение Второй отечественной войны. До конца дней не верил в поражение и, вероятно, проживи дольше – мир бы с Европой не принял.

Как бы ни показалось странным, но важнейшее значение Крымской войны раскрывается через полный развал шаткого международного Священного союза. В этом контексте представления русских монархов о своеобразных мировых соглашениях, основанных на представлениях об универсальной христианской этике, провалились. Цивилизационный универсум заменила цивилизационная война.

Одна из основных причин поражения для России была связана с объективной необходимостью рассредоточения сил. Крымский театр фактически концентрировал Россию. Это была концентрация и военная, и духовная.

Основательный труд «Кембриджская история внешней политики Британии» доносит до читателя мысль, что по завершении Первой мировой войны политическая карта Ближнего Востока и Балкан была очень близка к критическим предложениям Николая I. Поэтому отстранённые представления всё же констатировали не столько николаевский провал, сколько возможные горизонты цивилизационного транзита.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тем не менее масштабы поражения оказались в российском обществе гипертрофированы. Их преувеличение задало инициализационный вектор трансформации последующего царствования. Под вывеской реформ, многие из которых были объективно необходимы, происходило вместе с тем фактическое отступление от констант функционирования российской цивилизационной системы.

Парадокс проигранной Крымской войны в логике цивилизационного реверса привел к прямо противоположным по отношению к итогам конфликта результатам. Россия не только не отступила из Крыма, а начала наиболее активную фазу его освоения. Развивается курортная инфраструктура. Царские резиденции в Крыму фактически означали неизбежность положения полуострова в составе Российской империи. Изменяется этнодемографическая структура населения, в которой великорусский православный компонент получает преобладание. Формируется особая крымская художественная субкультура, занявшая особое место в истории культуры России. Логика – вызов – ответ – поражение – цивилизационная рефлексия и прорыв объясняют особость крымского феномена модернизированной империи.

Библиография:

1. Багдасарян В.Э. История общественно-политической мысли. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 247 с.
2. Багдасарян В.Э. Россия – Запад: цивилизационная война. – М.: ФОРУМ, Инфра-М, 2017. – 410 с.
3. Зюзенков И.П. Морской флот России в Крымской войне 1853–1856 гг. // Труды Военно-политической академии им. В. И. Ленина. – 1940. – № 4. – С. 137.
4. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Под ред. А. Шиндлинга и В. Циглера. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.
5. Покровский М.Н. Империалистская война: сборник статей. – М.: Соцэкгиз, 1934. – 448 с.
6. Преснухин П. Ответ на замечания французских минеров о наших минных работах при обороне Севастополя // Инженерный журнал. – 1861. – № 1.
7. Тарле Е.В. Авторский сборник. Т. 9.

Крымская война. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 626 с.

8. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / Пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 318 с.

9. Фролов М.М. Минная война в Севастополе в 1854–1855 гг. под руководством генерал-адъютанта Тотлебена / составил инженер-полковник Фролов. – СПб.: Типография Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова), 1868. – 172 с.

10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

11. Шелов О.В. Оборона Кронштадта в 1854–55 гг. // Военный сборник. – 1905. – № 11-12.

12. Яковлев В.В. Краткий очерк истории подземной минной войны. – М.: ВИА РККА, 1938. – С. 37-43.

References:

1. Bagdasaryan V.E. (2020) Istoriya obshchestvenno-politicheskoy mysli [The history of social and political thought]. – М.: INFRA-M. – 247s. (In Russ.).

2. Bagdasaryan V.E. (2017) Rossiya – Zapad: tsivilizatsionnaya voyna [Russia – West: Civilizational War]. – М.: FORUM, Infra-M. – 410s. (In Russ.).

3. Zyuzenkov I.P. (1940) Morskoy flot Rossii v Krymskoy voyne 1853-1856gg. [The Russian Navy in the Crimean War of 1853-1856.] // Trudy Voenno-politicheskoy akademii im. V.I. Lenina. – №4. – S.137. (In Russ.).

4. Kayzery. Svyashchennaya Rimskaya imperiya, Avstriya, Germaniya [Kaisers. Holy Roman Empire, Austria, Germany]. Pod red. A. Shindlinga i V. Tsiglera. – Rostov na-Donu: Feniks, 1997. – 640s. (In Russ.).

5. Pokrovskiy M.N. (1934) Imperialistskaya voyna: sbornik statey [Imperialist War: Collection of Articles]. – М.: Sotsekgiz. – 448s. (In Russ.).

6. Presnukhin P. (1861) Otvet na zamechaniya frantsuzskikh minerov o nashikh minnykh rabotakh pri oborone Sevastopolya [Response to the remarks of French miners about our mine work during the defense of Sevastopol] // Inzhenernyy zhurnal. – №1. (In Russ.).

7. Tarle E.V. (1959) Avtorskiy sbornik. T.9. Krymskaya voyna [Author's collection. T.9. Crimean War]. – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. – 626s. (In Russ.).

8. Toynbi A.D. (2011) Tsivilizatsiya pered sudom istorii. Mir i Zapad [Civilization before the Court of History. The World and the West] / Per. s angl. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ. – 318s. (In Russ.).

9. Frolov M.M. (1868) Minnaya voyna v Sevastopole v 1854-1855 gg. pod rukovodstvom general-ad'yutanta Totlebena [Mine war in Sevastopol in 1854-1855 under the leadership of Adjutant General Totleben] / sostavil inzhener-polkovnik Frolov. – SPb.: Tipografiya N.Tiblena i K° (N. Neklyudova). – 172s. (In Russ.).

10. Khantington S. (2003) Stolkoveniye tsivilizatsiy [Collision of civilizations]. – М.: ООО «Izdatel'stvo AST». – 603s. (In Russ.).

11. Shelov O.V. (1905) Оборона Кронштадта в 1854-55gg. [Defense of Kronstadt in 1854-55] // Voennoy sbornik. – №11-12. (In Russ.).

12. Yakovlev V.V. (1938) Kratkiy ocherk istorii podzemnoy minnoy voyny [A brief outline of the history of the underground mine war]. – М.: ВИА РККА. – С.37-43. (In Russ.).

УДК 377/378:351.74(470)''1920/1980''

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-3-20-27

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России (Россия, Москва), e-mail: d413839@yandex.ru

ГАРИНА Оксана Вячеславовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: myopusmail@gmail.com

TSYBAKOV D.L., Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of State and municipal management, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia (Russian Federation, Moscow), e-mail: d413839@yandex.ru

GARINA O.V., Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after Lukyanov V.V. (Russian Federation, Orel), e-mail: myopusmail@gmail.com

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО СИСТЕМОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ НКВД – МВД СССР (1920–1980-Е ГГ.)

PARTY AND POLITICAL LEADERSHIP OF THE SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION OF EMPLOYEES OF THE NKVD-MINISTRY OF Internal Affairs OF THE USSR (1920-1980-ies)

Аннотация. В статье анализируется генезис практики партийного руководства системой профессионального образования советской милиции и органов государственной безопасности. Авторы исследовали историю становления структуры средних и высших учебных заведений ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ, а также МВД СССР в период от начала 1920-х до середины 1980-х гг. Обосновывается, что партийно-политический контроль над системой высшего и среднего ведомственного образования осуществлялся по двум направлениям – через институт комиссаров/заместителей по политической части, а также через первичные партийные организации ВКП(б) – КПСС. Анализируются архивные материалы, связанные с деятельностью первичной парторганизации Орловской средней специальной школы милиции МВД СССР. Заключается, что последнее по времени усиление партийно-политического контроля за деятельностью учебных заведений министерства внутренних дел связывается с нарастанием идеологического противостояния между Западом и СССР на рубеже 1960–1970-х гг.

Ключевые слова: коммунистическая партия, милиция, первичная партийная организация, ВЧК, ОГПУ, НКВД, МВД, профессиональное образование, Орловская специальная средняя школа милиции МВД СССР.

Abstract. This article aims to analyse the genesis of the practice of the party leadership of vocational training for the soviet police and State security bodies. The authors trace the process of development of the structure of secondary and higher educational institutions of All-Russian Extraordinary Commission, Joint State Political Directorate, People's Commissariat for Internal Affairs and the Ministry of State Security, as well as the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the period from the early 1920s to the mid-1980s. It argues for the idea that the party and political control over the system of secondary and higher education is carried out by the deputies for political affairs and the Communist Party of the Soviet Union. The article analyses archive materials of the primary party organization of Orel secondary special police school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. In conclusions it should be noted that the recent strengthening of the party and political control over the activities of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs is associated with increasing ideological confrontation between the West and the USSR at the turn of the 1960s and 1970s.

Keywords: Communist Party, police, primary party organization, People's Commissariat for Internal Affairs, Joint State Political Directorate, People's Commissariat for Internal Affairs, Ministry of Internal Affairs, vocational training, Orel secondary special police school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.

ВВЕДЕНИЕ

Необходимо отметить, что система профессиональной подготовки сотрудников внутренних дел и государственной безопасности в советский период прошла непростой и противоречивый путь своего развития. На первом этапе, который приходится на 1920–1930-е гг. упор делался на краткосрочные курсы ускоренной подготовки или переподготовки милиционеров и чекистов, причем срок обучения не превышал одного года, а в некоторых случаях ограничивался несколькими месяцами. Преподавателями на курсах работали почти исключительно действующие сотрудники. Таким же образом обстояло дело с контингентом обучаемых, который был представлен уже находящимися на службе милиционерами и чекистами. С течением времени такие курсы преобразовывались в специализированные школы ведомственной принадлежности, однако временной период пребывания в них оставался неизменным. Основной задачей профессионального образования в системе ОГПУ – НКВД являлось обучение профессиональным навыкам и умениям? как можно более широкого круга сотрудников милиции и государственной безопасности, для чего требовалось пропустить через специализированные курсы и школы максимальное количество действующих сотрудников, а также претендентов на службу в органах внутренних дел.

С самого начала своего существования последние рассматривались официальной идеологией не только как государственный институт, но и как один из объектов приложения политики большевистской партии [1, С. 10]. В то же время органы государственной безопасности, известные под сокращенными наименованиями ВЧК – ГПУ – НКВД – МГБ – КГБ, прямо трактовались в качестве «вооруженного/боевого отряда партии» [5, С. 122–125].

ВЕДОМСТВЕННАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ

Особенностью советской системы профессионального образования правоохранительных органов стала ведомственная специализация создаваемых курсов подготовки и учебных заведений. Первыми учреждениями такого рода стали курсы подготовки сотрудников ВЧК, которые начали работу с 1921 года и через год были преобразованы в Высшие курсы ГПУ. Спустя девять лет они переименоуются в Центральную школу ОГПУ, с 1934 года – в Центральную школу НКВД, из которой впоследствии выделяется Центральная школа Главного управления государственной безопасности НКВД, объединенная в военные годы с Высшей школой милиции.

В 1938 году образуется Школа особого назначения НКВД (в обиходе – школа № 101), предназначенная для подготовки сотрудников политической разведки. В 1943 году она стала именоваться Разведывательной школой 1-го управления Народного комиссариата государственной безопасности СССР. По своей сути учебное заведение представляло курсы подготовки, поскольку только в годы войны срок обучения в ней был увеличен с одного года до двух лет. С 1948 года она именуется Высшей разведывательной школой. Статус высшего учебного заведения присваивается только в 1968 году в связи с преобразованием в Краснознаменный институт КГБ, переименованный в 1994 году в Академию внешней разведки.

Регулярное профессиональное обучение сотрудников милиции началось только в конце 1920-х гг. 8 июля 1929 года учреждаются Высшие курсы усовершенствования старшего начальствующего состава милиции и Высшие пенитенциарные курсы, пребывающие в ведении НКВД. Первый учебный план

для них был разработан спустя год, предусматривая освоение в течении шести месяцев 23-х учебных дисциплин. Все они делились на четыре блока, включая помимо предметов собственно юридического, специального и военно-прикладного циклов еще и политическую подготовку.

Спустя год два направления высших курсов – собственно милицееское и отделение сотрудников исправительных учреждений, которые были объединены в Высшие курсы усовершенствования административных работников НКВД. Они состояли из административно-милицейского, исправительно-трудоого отделений и отделения уголовного розыска. Практически одновременно – в октябре 1930 года – в системе комиссариата внутренних дел образуется полноценное высшее учебное заведение с трехгодичным курсом обучения – Институт административного строительства НКВД. Его составляли три факультета, включая исправительно-трудоого, административно-милицейский, факультет научно-технической экспертизы и расследования. Спустя четыре месяца путем слияния института и Высших курсов усовершенствования административных работников создается единое учебное заведение, именуемое с марта 1932 года Центральной высшей школой рабоче-крестьянской милиции (ЦВШРКМ), в составе двух факультетов – милицейского и исправительно-трудоого. Однако срок обучения слушателей при этом был снижен до одного года. Только с 1936 года устанавливался двухгодичный срок обучения в ЦВШРКМ, с условием ежегодного выпуска половины слушателей. Уже к середине 1930-х гг. Центральная высшая школа рабоче-крестьянской милиции становится не только учебно-педагогическим, но и научным и учебно-методическим центром профессионального образования и специальной подготовки сотрудников НКВД.

На ее основе в августе 1940 года учреж-

дается Центральная школа милиции Народного комиссариата внутренних дел, переименованная в 1943 году в Высшую школу НКВД, непосредственно подчиненную заместителю главы этого ведомства.

С 1946 года она называлась Высшей офицерской школой МВД, которая функционировала на правах отдельного оперативного управления министерства внутренних дел. В 1953 году она была переименована в Высшую школу милиции, а в 1964-м – в Высшую школу МВД СССР. В 1974 году Высшая школа МВД преобразуется в Академию министерства внутренних дел.

Таким образом, с 1930 до конца 1940-х гг. система профессионального образования системы внутренних дел СССР прошла второй этап своего развития, отмеченный появлением полноценных высших учебных заведений, имеющих статус самостоятельного управления МВД. Причем, помимо обучения и повышения квалификации, они занимались и научными и методическими разработками, а также подготовкой преподавательского состава для средних школ милиции.

На третьем этапе, который продолжался с начала 1950-х по 1980-е гг., заметно усилились идеологическое и идейно-политическое направления в обеспечении образовательного процесса [3, С. 445–446]. Тогда же в системе профессионального образования для правоохраны и государственной безопасности начинается подготовка курсантов и слушателей для союзных СССР стран социалистической ориентации, законодательно оформляется возможность заочного обучения сроком в четыре года, а после 1957 года с целью подготовки научных кадров вводится обучение в научной адъюнктуре.

Так, фактически во всех высших учебных заведениях КГБ и МВД создаются кафедры истории коммунистической партии, марксистско-ленинской философии и основ научного коммунизма, а также кафедры политической

экономии. Необходимо отметить, что именно на конец 1960-х – начало 1980-х гг. приходится усиление идеологизации профессионального образования в системах МВД и КГБ [2, С. 5–18]. После знакомства с текстами научных работ того времени представляется очевидным, что из сотрудников правоохраны и государственной безопасности партийно-политическое руководство пыталось создать дополнительный корпус идеологических работников и пропагандистов [4, С. 5]. Несомненно, что к началу 1970-х к этому их подталкивала ситуация холодной войны. Причем, как показали события в Чехословакии 1968 года, основной эпицентр противостояния между социалистическим и империалистическим блоками переместился из военно-политической в идеологическую сферу.

Так, в постановлениях партийных съездов и Центрального комитета партии 1960-х – начала 1980-х гг. указывалось, что перед сотрудниками МВД стоят теперь более сложные задачи, связанные с поступательным общественно-политическим и научно-технологическим развитием и с наличием вызовов со стороны идеологических атак со стороны буржуазной идеологии, а также со стороны идей ревизионизма (под последними понимались попытки примирения между коммунистическими и либерально-капиталистическими идейными доктринами, предпринимаемые рядом зарубежных левых движений и правительств).

На практике это выразилось в появлении в МВД СССР сначала отдела по политико-воспитательной работе (1967 год), а затем в 1973 году – и управления с аналогичными задачами. Характерно, что в структуре государственной безопасности аналогичных управлений не было создано за весь советский период истории нашей страны. Задачи политического контроля над системой образования МВД в советский период осуществлялись по двум параллельно действующим каналам – через институт политико-

воспитательной работы и через партийные организации в высших и средних учебных заведениях, подведомственных НКВД – МГБ – МВД и КГБ СССР.

Основным поставщиком кадров для политической работы в органах внутренних дел, внутренних войсках и специализированных учебных заведениях являлось созданное в 1951 году Ленинградское военно-политическое училище МВД СССР, преобразованное в 1969-м в Высшее политическое училище со сроком обучения в 4 года. Политические работники для войск и органов государственной безопасности проходили обучение в воссозданном в том же 1969 году Высшем пограничном военно-политическом училище. За доблесть, проявленную курсантами и преподавателями его предшественника – Ново-Петергофского военно-политического училища пограничных и внутренних войск НКВД – в боях за Ленинград в 1941 году, восстановленное учебное заведение переняло титул Краснознаменного, именуясь далее Высшим пограничным военно-политическим краснознаменным училищем КГБ при Совете Министров СССР имени К. Е. Ворошилова.

Другим действенным инструментом политического контроля за системой профессионального образования в МВД и КГБ выступали первичные партийные организации ведомственных вузов, специализированных школ и курсов. В них практически полностью состоял профессорско-преподавательский состав учебных заведений, а также социально активные курсанты старших курсов. Одной из характеристик Советского государства является сращивание партийного и государственного аппаратов. В статьях Конституции СССР 1936 и 1977 годов было отражено положение коммунистической партии как монопольного обладателя политической власти.

Статья 6 Конституции СССР 1977 года закрепила характеристику Коммунистической партии Советского Союза (далее – КПСС).

Она выступала как руководящая и направляющая сила советского общества и являлась ядром политической системы, государственных и общественных организаций. Последнее положение означало создание партийных организаций в учреждениях власти, управления, образования и т.д. Их именовали первичными партийными организациями КПСС, которые формировались при наличии не менее трех членов партии по производственному или территориальному принципу (месту работы, учебы, службы, проживания коммунистов). Для ее создания было необходимо учреждение вышестоящим партийным органом. В случае реорганизации предприятия или учреждения, изменения административно-территориального деления они упразднялись, объединялись или переименовывались.

Первичная партийная организация ВКП(б) – КПСС имела свою внутреннюю структуру. Ее высшим органом являлось общее партийное собрание. На нём выбирали Президиум, включавший в себя председателя, секретаря и членов. Полномочия избранного секретаря парторганизации заключались в ведении текущей работы. В зависимости от численности коммунистов на предприятии выборным путем формировались партийное бюро (более 15 членов партии) или партийный комитет (более 300 членов партии).

Первичная парторганизация КПСС являлась политическим стержнем трудового коллектива в органах и учреждениях образования МВД. Она проводила работу по реализации директив партии в осуществлении экономического и социального развития государства, идеологической индоктринации коммунистов и повышения их социальной роли в обществе. Коммунистическая партия, Центральный комитет КПСС уделяли постоянное внимание развитию общественных наук, придавали большое значение совершенствованию системы марксистско-

ленинского образования, способствуя идейной закалке молодых специалистов МВД и формированию у них научного мировоззрения на основе материалистического понимания общественно-политических процессов [6, Л. 29].

В рамках заседаний первичной парторганизации КПСС рассматривались разнообразные вопросы. Так, на нем происходило определение граждан для участия в выборах в местные советы. Кандидатам задавали вопросы, касающиеся истории КПСС. В протоколе заседания отмечали характеристику ответа («ответил правильно», «ответил полно», «ответил частично»). Также зачитывали их характеристику и уже в ходе голосования определяли перечень лиц, которые рекомендованы для участия в процедуре выборов в местные органы власти.

Немаловажным аспектом деятельности первичной парторганизации КПСС было выявление причин некорректного поведения сотрудника или курсанта учебного заведения МВД в повседневном быту и семейной жизни.

В Орловской специальной средней школе милиции МВД СССР с начала её создания функционировала первичная организация КПСС. Материалы по ее работе размещены в Государственном архиве Орловской области, но ограничены 1980–1988 гг., так как парторганизации милиции были выведены из-под контроля территориальных комитетов КПСС и подчинены политическим управлениям МВД СССР [7, Л. 84].

В материалах доклада «О состоянии преподавания общественных наук и повышении их роли в идейно-политическом воспитании курсантов» [6, Л. 29–46] отмечались проблемы идеологической работы и определялись пути их решения. Основными её формами назывались:

- проведение различных мероприятий (Ленинский зачет, политическая информация, конференции, встречи с ветеранами и со-

трудниками органов внутренних дел, конкурсы);

– воспитание у курсантов на занятиях профессиональных качеств;

– разъяснение понятия «высокий профессионализм» как нравственное требование профессиональной этики работника ГАИ;

– внедрение ответственного отношения к эффективному надзору за дорожным движением, контролю за техническим состоянием транспорта и автомобильных дорог, предотвращению аварийных ситуаций.

– соединение на занятиях теоретического материала с практикой.

В протоколе № 2 общего открытого партийного собрания коммунистов парторганизации № 109 Орловской специальной средней школы милиции МВД СССР приведено положение о необходимости использования технических средств на занятиях: «от того, какая техника будет использована, во многом зависит качество проводимых занятий» [8, Л. 107–115]. В докладе на партийном собрании от 9 июня 1983 года «Об ответственности коммунистов школы и подготовке специалистов ДПС ГАИ» [10, Л. 44–50] отмечалась важность комплексного подхода к учебно-воспитательной деятельности.

В протоколе № 27 совместного заседания парткома и группы народного контроля Орловской ССШМ МВД СССР от 31 октября 1984 года [11, Л. 99–103] были отражены сфера деятельности группы народного контроля и результаты ее работы. «...Контролеры школы иногда вскрывают недостатки, особенно в вопросах эксплуатации транспортных средств, экономии горючесмазочных материалов и энергетических ресурсов, работы столовой, буфета, магазина и т.д.». В.Г. Капустянский, начальник школы, в своей речи отмечал, что «всё, что сделано и делается в школе по созданию благоприятных условий жизни и учёбы учащихся, нужно беречь и обращаться аккуратно, повышать чувство ответственности за сохран-

ность соц. имущества – здесь непочатый край работы народным контролерам...».

Протокол № 12 общего открытого партийного собрания Орловской специальной средней школы милиции МВД СССР от 21 августа 1985 года [12, Л. 94–104] в целом освещает участие курсантов и преподавателей в значимых общественно-политических мероприятиях всесоюзного масштаба: итоги работы школы по охране общественного порядка в период XII Международного фестиваля молодежи и студентов в г. Москве и роль коммунистов в обеспечении охраны порядка в период XXVII съезда КПСС. Личный состав Орловской ССШМ МВД СССР был задействован в работе по предупреждению дорожно-транспортных происшествий, по выявлению и пресечению нарушений правил дорожного движения, по обеспечению бесперебойного и безопасного движения транспортных средств с народно-хозяйственными грузами, по обеспечению проезда колонн с участниками и гостями фестиваля, спецпроездов, по возврату автотранспорта, не имеющего соответствующих пропусков. Их деятельность была положительно оценена, и школа завоевала первое место среди других, участвующих в охране порядка учебных заведений МВД СССР.

В свою очередь, в протоколе № 8 открытого общешкольного партийного собрания от 24 декабря 1986 года [13, Л. 157–165] отмечены меры, направленные на повышение эффективности образовательного процесса: моделирование практических ситуаций, применение технических средств обучения, разработка наглядных пособий, подготовка учебно-методических документов, проведение конференций, оборудование полигонов, привлечение к занятиям практических сотрудников. Результативность обучения напрямую взаимосвязана с созданием учебно-материальной базы образовательного учреждения. Погружение в профессиональную среду способствует подготовке специали-

стов, которые хорошо ориентируются во всех вопросах работы Госавтоинспекции и в любых ситуациях. Л.Н. Коротаев отмечал, что «перестройка – это каждому нужно критически посмотреть на свою работу, на учебу, а вернее на результаты работы, уровень знаний и умений и смело искать новые формы совершенствования работы, учебы».

В протоколе № 17 открытого партийно-комсомольского собрания школы от 18 мая 1988 года [7, Л. 71–76] обсуждались задачи личного состава Орловской ССШМ МВД СССР, которые он должен был выполнять в период празднования 1000-летия христианства на Руси, визита в Москву президента США Рейгана, во время проведения XIX Всесоюзной партийной конференции. Претендентов для участия в этих мероприятиях определяли путем проведения аттестации. В этот же период начинается привлечение личного состава учебного заведения для борьбы с межэтническими конфликтами в Закавказье и на Северном Кавказе.

Подводя итог, отметим, что деятельность первичной организации КПСС Орловской ССШМ МВД СССР затрагивала различные аспекты функционирования образовательного учреждения. В фокусе ее внимания оказывались не только учебный и воспитательный процессы, но и задачи и результаты выполнения специальных заданий правоохранительного профиля, в первую очередь в период проведения важных общественно-политических мероприятий государственного значения. Стоит сказать, что меры по совершенствованию образовательного процесса, отмеченные первичной парторганизацией Орловской ССШМ МВД СССР, актуальны до настоящего времени.

Заметим, что вовлеченность коллектива Орловской специальной средней школы милиции в общественно-политические события, регулируемая и через ресурс партийной организации учебного заведения, имела и оче-

видные практические последствия. Определенный опыт участия в политических событиях, накопленный руководством Орловской ССШМ МВД в первой половине 1980-х гг., затем способствовал формированию позиций контингента преподавателей и курсантов в судьбоносные перипетии начала 1990-х гг., от противостояния союзного руководства и руководства РСФСР в августе 1991 года до конституционного кризиса сентября-октября 1993 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с момента своего создания система специального профессионального образования НКВД – МГБ – МВД СССР находилась под регулярным политическим контролем правящей партии. Задача подготовки кадров для органов охраны правопорядка с первых лет советской власти рассматривалась правящей элитой в качестве магистрального направления всей государственной политики и была подчинена целям коммунистической идеологии. Кризисные явления в развитии СССР, назревавшие с конца 1960-х годов, вызвали усиление партийного вмешательства в процесс профессиональной социализации слушателей и курсантов учебных заведений МВД. Приобретение преподавательского состава училищ и средних специальных школ милиции к общественной деятельности в рамках первичных партийных организаций КПСС и в ходе обеспечения знаковых политических мероприятий – Олимпиады-80, фестиваля молодежи и студентов 1985 года, партийных съездов и конференций, а также участие в ликвидации межнациональных конфликтов – что способствовало освоению сотрудниками внутренних дел навыков политического участия, которые оказались, востребованы уже в постсоветской России.

Библиография:

1. Еропкин М.И. Развитие органов милиции в советском государстве. – М.: Высшая школа МООП СССР. – 1967. – 87 с.
2. Из опыта организации учебно-методической работы в учебных заведениях МВД СССР: Сборник статей. – М.: Министерство внутренних дел СССР, Управление учебных заведений, 1974. – 74 с.
3. О мерах по дальнейшему укреплению советской милиции. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров СССР от 19 ноября 1968 г. Справочник партийного работника. Вып. 9. – М., 1969. – 446 с.
4. Панина Л.С. Деятельность Коммунистической партии по идейно-политическому воспитанию личного состава средних специальных учебных заведений МВД СССР. (На материалах партийных организаций учебных заведений МВД СССР 1971–1975 гг.): диссертация ... канд. исторических наук. – Ленинград, 1983. – 198 с.
5. Рассказов В.Л. Чекистские органы как средство реализации политики и идеологии коммунистической партии. // Юристы-Правоведь. – 2013. – № 6 (61). – С. 122-125.
6. Государственный архив Орловской области. Ф. 108. Д. 1182.
7. Государственный архив Орловской области. Ф. 108. Д. 1200.
8. Государственный архив Орловской области. Ф. 108. Д. 1183.
9. Государственный архив Орловской области. Ф. 108. Д. 1186.
10. Государственный архив Орловской области. Ф. 108. Д. 1187.
11. Государственный архив Орловской области. Ф. 108. Д. 1191.
12. Государственный архив Орловской области. Ф. 108. Д. 1192.
13. Государственный архив Орловской области. Ф. 108. Д. 1194.

References:

1. Yeropkin M.I. Razvitiye organov militsii v sovetskom gosudarstve. – M.: Vysshaya shkola MOOP SSSR. – 1967. – 87s. (In Russ.).
2. Iz opyta organizatsii uchebno-metodicheskoy raboty v uchebnykh zavedeniyakh MVD SSSR. – Sbornik statey. – M.: Ministerstvo vnutrennikh del SSSR, Upravleniye uchebnykh zavedeniy, 1974. – 74 s. (In Russ.).
3. O merakh po dal'neyshemu ukrepleniyu sovetsskoy militsii. Postanovleniye Tsentral'nogo Komiteta Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz a i Soveta Ministrov SSSR ot 19 noyabrya 1968 g. Spravochnik partiynogo rabotnika, vyp.9. – M., 1969. – 446s. (In Russ.).
4. Panina L.S. Deyatel'nost' Kommunisticheskoy partii po ideyno-politicheskomu vospitaniyu lichnogo sostava srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedeniy MVD SSSR. (Na materialakh partiynykh organizatsiy uchebnykh zavedeniy MVD SSSR 1971-1975 gg.): dissertatsiya ... kand. istoricheskikh nauk. – Leningrad, 1983. – 198s. (In Russ.).
5. Rasskazov V.L. Chekistskiye organy kak sredstvo realizatsii politiki i ideologii kommunisticheskoy partii. // Yurist-Pravoved. – 2013. – №6(61). – S.122-125. (In Russ.).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. F. 108. D. 1182. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. F. 108. D. 1200. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. F. 108. D. 1183. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. F. 108. D. 1186. (In Russ.).
10. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. F. 108. D. 1187. (In Russ.).
11. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. F. 108. D. 1191. (In Russ.).
12. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. F. 108. D. 1192. (In Russ.).
13. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. F. 108. D. 1194. (In Russ.).

УДК 070.15:334.784(470)''1908/1918''

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-3-28-38

ШАПКИН Игорь Николаевич, зав. кафедрой экономической истории и истории экономических учений, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия, Москва), e-mail: lshapkin@mail.ru

SHAPKIN I.N., Doctor of Economics, Professor of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), e-mail: lshapkin@mail.ru

**ЖУРНАЛ «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ» – ВЕДУЩИЙ ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН
РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА (1908–1918 гг.)**

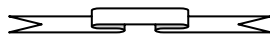
**JOURNAL «INDUSTRY AND TRADE» – THE LEADING PRINTING BODY OF RUSSIAN
BUSINESS (1908–1918)**

Аннотация. Целью статьи является анализ основных этапов и направлений деятельности журнала «Промышленность и торговля». Отмечается автором, что данный журнал являлся печатным органом всероссийской бизнес-организации, созданной в 1906 г. Журнал был призван усилить влияние предпринимательства на хозяйственные процессы в стране, на разработку экономической политики правительства, способствовать объединению членов общества, укреплению сотрудничества с другими институтами формирующегося гражданского общества. В результате исследования автор приходит к выводу, что журнал предоставлял возможность бизнесу обнародовать свою позицию по всем проблемным вопросам, связанным с развитием российского бизнеса.

Ключевые слова: предпринимательство, бизнес-союзы, Съезды представителей промышленности и торговли, журнал «Промышленность и торговля».

Abstract. The main purpose of the study is to analyze the journal «Industry and Trade» as the leading mouthpiece of Russian business in the period from 1908 to 1918. It is stressed that All-Russian business organization the Congresses of representatives of Industry and Trade is created in 1906 and the magazine «Industry and Trade» is its printing body. The article is concerned with the main stages and directions of the journal's activity. It is shown that the main function of this mouthpiece is to strengthen the influence of entrepreneurship on economic processes in the country, on the development of the government economic policy, to promote the unification of members of society and strengthening of cooperation between other institutions of the emerging civil society. In conclusion, it should be noted that the lobbying practice of the new union is reflected in the pages of the publication.

Keywords: entrepreneurship, business unions, Congresses of representatives of Industry and Trade, magazine «Industry and Trade».

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной историко-экономической науке одной из проблем, не получивших достаточного изучения, является деятельность общественных организаций. Сегодня обще-

ствоведами эти структуры рассматриваются как проявление зрелости общества, как показатель развития гражданского самосознания. К началу XX века общественная самодеятельность в России насчитывала довольно

продолжительную историю. Уже во второй трети XVIII века в стране были созданы Английский клуб (1770г.), Вольное экономическое общество (1765г.), а до середины XIX века – Вольное общество любителей словесности, наук, художеств (1803г.), Беседа любителей русского слова (1811г.), Московское общество сельского хозяйства (1820г.), Русское географическое общество (1845г.), Русское археологическое общество (1846г.) и т.д. Российское общество накопило значительный опыт в области строительства социальных организаций самого различного профиля. Сформировалась своеобразная культура общественной самоорганизации, которая была очень развита у представителей творческих профессий. В позднеимперский период российской истории в стране сложилась разветвленная система разных общественных институтов. По подсчетам американского исследователя Дж. Брэдли, накануне Первой мировой войны в стране было зарегистрировано более 10 000 добровольных обществ [7, С. 839]. Одни создавались с культурно-познавательными целями, другие стремились влиять на власть и правительственную политику. К последним относились предпринимательские союзы, количество которых превышало 150 организаций [8, С. 199]. Это были совещательные, отраслевые и региональные, работодательские объединения. Каждое имело собственные цели и задачи, каждое занимало определенную нишу в складывающейся структуре представительства российского бизнеса.

После неудачного опыта создания в 1905–1906 гг. Прогрессивной экономической партии предпринимательское сообщество учредило новую общественную организацию – Съезды представителей промышленности и торговли (далее – Съезды), которые должны были объединить существовавшие бизнес-организации, пополнить ряды организованного бизнеса новыми членами. Руководи-

тели нового союза в устных выступлениях и на страницах печати постоянно обращали внимание на его неполитический характер. «Из новой организации совершенно устранен политический элемент. Наши Съезды исключительно профессиональная организация, живущая в пределах законов, действующих в каждый данный момент. Специальность наших Съездов – практические вопросы политической экономии и экономической политики... Наш удел – вопросы хлеба насущного, вопросы скорейшего подъема производительных сил России, а не бесконечные политические споры...» [6, 1908, № 3].

Съезды создавались как координационный центр для согласования деятельности всех существовавших бизнес-организаций страны. Они были призваны не только объединить представителей деловых кругов, но и стать площадкой для обсуждения насущных экономических проблем, для разработки конкретных мер, направленных на продвижение, защиту и отстаивание интересов предпринимателей. Эти амбициозные задачи предполагалось решить разными средствами – «от создания местных отделений, регулирования отношений между владельцами предприятий и лицами наемного труда до организации конкурсов, выставок, музеев, лабораторий, школ, курсов для рабочих» [5, С. 2].

Съезды представителей промышленности и торговли – это лоббистская организация. Она создавалась для взаимодействия с органами законодательной и исполнительной власти всех уровней. В своей деятельности организация проводила энергичное, настойчивое и всестороннее давление на органы власти, используя разрешенные методы прямого и косвенного воздействия. В центре ее внимания находились хозяйственные вопросы, доставшиеся в наследство от прошлого, и проблемы уже новой эпохи. Не было ни одного сколько-нибудь значимого

вопроса, хотя бы косвенно затрагивавшего интересы бизнеса, в котором представители предпринимательского лобби не принимали бы участия.

Повышенное внимание Съезды уделяли работе с обществом. Деятели союза пытались изменить его отношение к бизнесу, привить ему «европейский взгляд на промышленно-торговый труд», повысить престиж и общественный статус представителей отечественного бизнеса [6, 1910, № 1].

Журнал «Промышленность и торговля» позиционировал себя как единственное серьезное частное издание, посвященное вопросам промышленности и торговли, а также защите интересов не только торгово-промышленного класса, но и всего экономического развития России. «Объем и разнообразие даваемого материала, – резюмировал автор программной статьи, – делают его [журнал] необходимой настольной книгой каждого руководителя крупного предприятия, всякого делового человека, присяжного поверенного, исследователя экономических вопросов и др.» [6, 1908, № 1].

В первом номере журнала, определявшего его цели и задачи, было заявлено, что журнал является маркером целей и задач совета Съездов и будет знакомить русскую промышленность и торговлю с деятельностью Съездов. Журнал должен был способствовать объединению усилий всех представителей отечественной промышленности и торговли. «Наш повременный орган надеется явиться насадителем в русском обществе здоровых экономических идей» [6, 1908, № 1].

В течение первых семи лет (1908–1914 гг.) журнал выходил без перерывов два раза в месяц, а в последующие годы (1915–1917 гг.) – еженедельно. Он стремился к всестороннему освещению вопросов хозяйственной и общественной жизни страны. Тираж журнала колебался от 600 до 2000 экз. в

год [2, С. 204]. Преимущественно он распространялся по подписке.

Значительная доля расходов приходилась на типографские услуги. Основным источником их покрытия являлись подписка и реклама. Годовая подписка на журнал составляла 12 руб., полугодовая – 7 руб., трехмесячная – 4 руб. Цена рекламного объявления учитывала его оформление и расположение. Более высокие расценки устанавливались для объявлений перед текстом и на обложке (до 50 %) или по особому соглашению. По разовым соглашениям одна строка перед текстом стоила 300 руб. в год, 225 руб. – в полгода, после текста – 200 и 150 руб., ½ строки – 160 и 120 руб., ¼ строки после текста – 120 и 90 руб., ¼ строки – 90 и 65 руб., после текста – 70 и 50 руб. Для постоянных клиентов редакция установила 50% скидку. Однако подобный маркетинговый ход не принес желаемого результата. Журнал оставался убыточным. В итоге финансовое обеспечение журнала взял на себя совет Съездов [2, С. 219–221, 224, 225].

За содержание журнала отвечал редакционный комитет. В его обязанности входили заказ и подготовка статей к изданию, написание редакционных, программных материалов, в которых была представлена позиция Съездов, мнение о объединении по важнейшим вопросам хозяйственной жизни. Эти публикации отражали настроения в предпринимательской среде, показывали проблемные зоны русской экономики.

Ответственность за выпуск журнала лежала на плечах редактора. Первым редактором журнала с 1908 по 1911 год являлся управляющий делами совета Съездов А. А. Вольский. С 1911 года эти обязанности выполнял И. Б. Гливиц¹. В 1913–1917 гг.

¹ Гливиц И.Б. (1878–1943) – горный инженер, математик, экономист, политический деятель. С 1920 г. представитель Польши в Париже. С 1922 г. первый советник, генеральный советник, а затем посол

должность редактора занимал секретарь совета Съездов Г. Х. Майдель¹, а в 1917 году с № 16 по № 46, т.е. вплоть до его закрытия, – Е. Л. Любич. В 1915–1917 гг. секретарем редакции журнала «Промышленность и торговля» состоял В. М. Штейн, в будущем известный советский экономист, китаевед. В журнале он активно печатал статьи по экономической тематике.

Для придания работе журнала единого, стандартизированного подхода редакционным комитетом была разработана инструкция для авторов, в которой определялись правила и требования к публикациям. Она устанавливала максимальный объем статьи, требовала от автора написания целостного и законченного произведения. Инструкция не допускала продолжения и предлагала в отдельных случаях публикацию цикла статей, обращала внимание на литературность изложения и легкость усвоения содержания. От

Польши в Вашингтоне. В 1925–1926 гг. директор департамента в министерстве промышленности и торговли. В 1928–1930 гг. сенатор Польши и вице-маршал сената. Экономический представитель Польши в Лиге Наций. Один из организаторов концерна «Объединение горно-рудных интересов» в Катовицах. Член контрольного совета Торгового банка. С 1931 г. преподавал экономику в Львовском университете. Арестован гестапо 9 апреля 1943 г. Покончил с собой, приняв яд. (Боханов А.Н. Деловая элита России 1914. – М., 1994. – С. 26).

¹ Майдель Г.Х. (1877–1942) – барон, инженер путей сообщения, общественный деятель, в годы Первой мировой войны управляющий делами Центрального военно-промышленного комитета. Окончил Орловский кадетский корпус. С 1905 г. принимал участие в политической жизни страны, масон. Секретарь Съездов представителей промышленности и торговли. 1920-х гг. занимал должность заведующего плановой группы «Дорстройотдела». 4 апреля 1930 г. арестован. 18 февраля 1931 г. коллегией ОГПУ приговорен к четырем годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в Казахстане, где и умер. По другим данным, в 1928 г. был сослан в Соловецкий лагерь особого назначения, где и умер в 1942 г. 10 августа 1999 г. реабилитирован. Майдель – автор научных трудов по дорожному строительству.

авторов требовалось подтверждать их положения проверенными фактами и статистическими данными. Приветствовалась наглядность и компактность подачи материала. Инструкция рекомендовала писать четко, внятно и не загромождать статьи ненужными данными. Она содержала также требования технического характера, соблюдение которых должно было облегчить обработку материала. Например, в ней говорилось об оформлении заголовков, аннотаций, излагающих основные положения материалов автора, об общепринятых сокращениях и т.д. [2, С. 227–228].

Постепенно вокруг журнала сложился устойчивый коллектив авторов, от которых редакция требовала глубокого и всестороннего анализа рассматриваемых проблем. За 10-летний период истории журнала более 100 авторов опубликовали в нем статьи и аналитические материалы.

С первого номера сформировалась структура журнала, т.е. с самого начала была определена подача материала. Она существовала все годы практически в неизменном виде. Каждый номер журнала начинался с редакционной программной статьи по наиболее актуальной хозяйственной теме. Читатели журнала отмечали: «Почти каждая... статья представляет программу в своей области. Почти каждая... редакционная статья является мотивированной программой в данной экономической области» [6, 1908, № 3].

После редакционного материала помещалось несколько статей по злободневным экономическим проблемам. Как правило, их авторами являлись ученые, известные общественные деятели, руководители Съездов. Для привлечения внимания читателей они выходили под яркими и броскими названиями. В материалах давалось четкое и недвусмысленное отношение бизнес-союза к рассматриваемому вопросу.

Затем следовали постоянные рубрики:

1) обзоры отраслевых, товарных и сырьевых рынков. Здесь публиковались сведения о состоянии всероссийского рынка и отдельных его сегментов, например хлебного, горнодобывающего, металлургического и т.д., а также статистические данные о состоянии внешней торговли России и зарубежных стран.

В этих обзорах давались цены на отдельные виды и группы товаров: пищевые продукты (хлеб, колониальные товары и спирт, мясо, рыба, молочные продукты; мануфактурные товары (хлопок, шерсть, лен, шелк); продукцию горной промышленности (железо, золото, платина, марганец, нефть, каменный уголь); лесные товары; а также другие продукты производства. В них не только приводились статистические данные, но и анализировались тенденции и перспективы развития торговли по отдельным группам товаров;

2) текущая торгово-промышленная статистика. В этом разделе сотрудниками журнала размещались сведения о деятельности Государственного банка России и ведущих иностранных банков, об операциях, курсах валют, акций и ценных бумаг Санкт-Петербургской биржи, показатели объемов железнодорожных перевозок, данные о внутренней торговле, а также другие важнейшие экономические показатели. Сотрудники, отвечавшие за эти материалы, не только анализировали текущее хозяйственное состояние страны, но и проводили сравнительный анализ с соответствующими периодами прошлого;

3) хроника. В этом разделе размещались аналитические материалы, в которых обобщалась деятельность российских законодательных и исполнительных органов власти в экономической сфере, рассматривалась деятельность совета Съездов представителей промышленности и торговли и других

представительных бизнес-организаций страны по продвижению их бизнес-интересов;

4) актуальные вопросы хозяйственной практики рассматривались в разделе «Из торгово-промышленной практики». Здесь помещались небольшие статьи и заметки по насущным проблемам, публиковались письма читателей, отчеты о съездах, межведомственных совещаниях, статьи о зарубежном хозяйственном опыте, деятельности лоббистских предпринимательских организаций, обосновывалась возможность применения иностранных практик в России. Их авторами являлись экономические аналитики или практикующие специалисты;

5) в конце журнала печатался список новых книг экономической проблематики, сообщались сведения о новых каталогах и проспектах иностранных фирм, промышленных выставках, о прошедших и будущих научных и научно-практических международных конгрессах, съездах, конференциях [6, 1911, № 11].

Основные рубрики журнала не менялись, но изменения происходили в хозяйственной и общественно-политической жизни. Поэтому сложившаяся структура журнала стала дополняться новыми рубриками. Так, во время Первой мировой войны в журнале появился раздел «Мобилизация промышленности» [6, 1912, № 1].

Журнал как орган всероссийской бизнес-организации объединял предпринимателей различных отраслей и регионов, имевших нередко отличные, иногда противоречивые взгляды на хозяйственные проблемы страны. Поэтому редакционный комитет стремился учитывать интересы и запросы всех предпринимательских групп, публиковать материалы, интересовавшие его читательскую аудиторию, – не только представителей бизнеса, но и лиц, стремившихся понять состояние и положение дел в экономике страны и мира.

Круг рассматриваемых журналом вопросов был обширен и разнообразен. Вопросы правового обеспечения деятельности бизнеса, налогового и трудового законодательства, международного права, состояние отдельных отраслей хозяйства, их потребности и нужды, развитие представительного бизнес-движения и т.д. находили отражение в журнальных материалах.

Публикации опирались на широкую фактологическую и статистическую базу. Журнал предоставлял читателям разнообразную информацию, которую можно разделить на основную, вспомогательную и справочную, а также экспертно-аналитические материалы, которые позволяли полнее понимать текущее состояние экономики и прогнозировать хозяйственное будущее страны [1, С. 12].

Издание претендовало на роль выразителя интересов всего бизнес-сообщества страны. Поэтому анализу макроэкономического, отраслевого и регионального состояния экономики редакционным комитетом уделялось первостепенное значение. Доля аналитических, проблемных статей среди всех публиковавшихся материалов была чрезвычайно велика.

Разнообразные по форме и содержанию статьи являлись своеобразной «визитной карточкой» издания. С первых дней на его страницах появились обзорные статьи, такие как, например, посвященные промышленному и ремесленному производствам – «Русская промышленность», «Сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность в России», «Мелкая промышленность и кооперация», посвященные торговой практике на Дальнем Востоке – «Порто-франко на Дальнем Востоке», таможенному тарифу – «Для кого работает наш таможенный тариф?» и т.д. [6, 1908, № 2–4].

Накануне войны значительное внимание журнал уделял ситуации на рынках, анализу новых хозяйственных тенденций, например

деятельности монополистических союзов, которые занимали всё более заметное место в хозяйственной жизни страны. В статьях «Вопросы синдикатской практики», «Посредничество синдикатов», «Трест и финансы русских железных предприятий» и целом ряде других им была дана развернутая характеристика. Проведенный анализ позволял сделать вывод о всё более усиливающейся монополизации национальной экономики.

Циклы статей определённой тематики, подборка материалов по конкретному вопросу, частота публикаций и последовательность подачи информации, издание различных по форме статей, заметок свидетельствуют о внимательном отношении редакционного комитета к рассматриваемым проблемам, а также умелой работе с читательской аудиторией.

Съезды представителей промышленности и торговли – лоббистская структура, поэтому деятельность экономического блока правительства всегда находилась в поле зрения журнала. Далеко не всегда редакционный комитет писал комплиментарные материалы о деятельности исполнительных органов власти. Довольно часто им публиковались нелестные, критические статьи о работе государственных учреждений и ведомств.

Большое недовольство бизнес-организации вызывало отсутствие у правительства разработанной долгосрочной программы хозяйственного развития страны. Крупному бизнесу, учредившему Съезды представителей промышленности и торговли, необходимо было понимать стратегию, приоритетные направления и задачи, которые ставила перед собой власть. За медлительность в формулировании задач развития правительство нередко подвергалось критике со стороны руководителей организации. Назначенный в 1908 году министром промышленности и торговли И. П. Шипов был

подвергнут критике, поскольку на встрече с представителями деловых кругов не удалось рассказать им о задачах, которые он собирается решить на министерском посту [6, 1908, № 7].

Не забывал журнал информировать читателей о принятых законах и подзаконных актах, правительственных решениях и распоряжениях, а также готовящихся документах. Им давался развернутый комментарий, и анализировались возможные последствия для участников рынка. Журналом были опубликованы большие экспертно-аналитические материалы: «Наш закон о привилегиях», «Совещание о биржевых судах», «Земство и интересы торговли и промышленности» [6, 1908, № 2-4] и т.д.

Журнал выступал за активную протекционистскую промышленную политику. В условиях ограниченности финансовых, материальных ресурсов, не емкого внутреннего рынка одним из наиболее значимых инструментов поддержки отечественного производства являлась система государственных заказов. Она оставалась важнейшим элементом протекционистской системы. Государственный заказ давал возможность компании получать гарантированную прибыль, расширить производство и закрепиться на внутреннем и внешнем рынках. Помимо этого, заказы являлись подтверждением «статусности» хозяйственной структуры, признанием ее государством.

Казенные поставки и подряды – это предмет постоянных обсуждений на съездах, собраниях и совещаниях союза. В 1909 году совет Съездов представил на рассмотрение IV съезда разработанный «особый проект Положения о казенных заготовлениях и работах» [6, 1909, № 23]. Этот проект был передан межведомственной комиссии, которая разрабатывала законопроект «О

казенных заготовлениях и хозяйственных операциях».

Эффективное развитие экономики не в последнюю очередь зависело от системы налогообложения. Редакция журнала с самого начала заявила о том, что «рабочий, железнодорожный разделы, также промыслового налогообложения являются в настоящее время кардинальными вопросами для русской промышленности и торговли» [6, 1908, № 1]. Журнал постоянно информировал читателей о готовящихся правительственных решениях в данной области. Этой проблематике были посвящены статьи «Промышленность и земское обложение», «Реформа промыслового обложения» и целый ряд других.

С первых номеров не оставлял без внимания журнал тему железнодорожной тарифной политики правительства. Авторы материалов по этой тематике доказывали, что исключительно фискальные соображения, которыми руководствовалась власть, ничего, кроме вреда, не принесут хозяйству и авторитету правительства, что стремление пополнить казну за счет повышения тарифов ухудшает положение отечественной промышленности и торговли, поскольку возможные сокращения перевозок, которыми пугали предприниматели власть, уменьшат бюджетные поступления. Свою точку зрения деятели Съездов подкрепляли ссылками на зарубежный опыт. Например, в статье «Влияние высоких тарифных ставок на работу железных дорог в США и Англии» анализировались причины, влиявшие на изменение тарифов в этих странах. Сравнительному анализу тарификационной политики в нашей стране и европейских странах была посвящена статья «Железнодорожные тарифы в России и в Западной Европе». Предложения по стабилизации положения в этой области были сформулированы в таких ма-

териалах, как «Пути к оздоровлению железнодорожных тарифов», «Простой способ устранения железнодорожных дефицитов» и т. д. [6, 1908–1910].

Значительное внимание журнал посвящал анализу состояния и перспективам развития рыночных институтов, инфраструктурному обеспечению рынка. Им публиковались проблемно-аналитические статьи о положении дел в банковской системе России и зарубежных странах, о деятельности отдельных банковских структур, о развитии отечественного страхования и иностранном опыте. По данной группе проблем были опубликованы следующие материалы: «Емкость мирового денежного рынка», «Наша финансовая политика», «Банковский вопрос в Германии», «Реформа акционерного законодательства», «Русское акционерное от огня страхования в 1906 году», «Статистика несчастных случаев с рабочими у нас и за границей» и т. д.

Отметим прием, который часто использовал союз, когда пытался добиться решения какой-либо проблемы, – ссылка на иностранный опыт. Сложившаяся зарубежная практика активно изучалась Съездами для использования в качестве доказательства собственной правоты.

Журнал стремился держать читателей в курсе последних достижений зарубежной науки и практики. Он публиковал большое количество материалов, посвященных хозяйственному состоянию и развитию зарубежных стран, анализу состояния и перспектив развития денежного, фондового, хлебного, сырьевого и прочих рынков Западной Европы и США; развитию транспорта, промышленности в целом и отдельных ее отраслей; анализу деятельности известных зарубежных компаний; работе законодательных органов власти, а также сложившейся правоприменительной практике в налоговой,

таможенной сферах в других странах. В журнале давались переводы отдельных статей и докладов из иностранных «деловых» периодических изданий.

На протяжении всего периода существования Съездов журнал знакомил своих читателей с зарубежным опытом деятельности представительных союзов и организаций бизнеса [6, 1908, № 8].

Почти в каждом номере размещались развернутые обзоры и аналитические статьи о биржевой торговле, о положении дел на внутреннем и внешних рынках, ценах на различные виды товаров внутри страны и за границей. В аналитических статьях «Россия на международном рынке», «Список русских экспортных фирм», «Наша внешняя торговля» и т. д. характеризовалось современное состояние торговли и давались прогнозы на будущее, отмечались успехи и просчеты правительства и компаний, осуществлявших торговые операции.

Журнал следил за работой водного и железнодорожного транспорта, транспортной политике государства. На страницах журнала были опубликованы: «Наше вагонное хозяйство», «Повышение пассажирского тарифа», «Как мы оборудованы железными дорогами», «Русское торговое мореплавание», «Наши портовые порты», «Портовые сборы» и множество других материалов. В них всесторонне рассматривалось состояние отрасли и давались конкретные практические рекомендации по исправлению и улучшению ситуации в транспортной сфере.

Съезды всегда заявили о себе как о «неполитической» организации, однако полностью «политику» из своей деятельности союз исключить не мог. Многие острые социально-политические проблемы самым непосредственным образом были связаны с решением экономических проблем. Одной из таких тем

являлся так называемый рабочий вопрос, который на протяжении практически всего периода существования журнала не сходил со страниц издания. Журнал обращал внимание на причины забастовочного движения, правительственную политику в области трудовых отношений, деятельность Государственной думы в сфере рабочего законодательства, а также законодательные инициативы в вопросах регулирования трудовых отношений и т.п.

К апрелю 1906 года Министерство торговли и промышленности подготовило пакет законопроектов, направленных на решение «рабочего вопроса»: о договоре найма, продолжительности и распределении рабочего времени, страховании в случае болезни, несчастного случая, сберегательных кассах, об органах надзора и фабричной инспекции, о промышленных судах, мерах поощрения строительства «дешевых и здоровых жилищ» [4].

По сложившейся к этому времени традиции законопроекты были отправлены «на согласование» предпринимательским организациям. С этого момента в журнале появились подготовленные как частными лицами, так и выражавшими мнение отдельных предпринимательских организаций различные материалы на эту тему. Правительственные проекты за излишний либерализм вызвали жесткую критику предпринимательского союза. Журнал сообщал, что «деятельно готовясь к заседаниям особого междуведомственного Совещания по рабочему вопросу, совет Съездов издал и разослал своим членам и многим отдельным предприятиям целый ряд брошюр, содержащих в себе экономические, юридические и статистические материалы, необходимые для правильного освещения столь важных для промышленности и торговли страны вопроса...» [6, 1908, № 1]. Как всегда, для придания значимости своим аргументам оппоненты правительственных проектов

обращались к иностранной практике, в первую очередь к германской. В 1908 и 1910 годах были опубликованы такие статьи, как «Роль рабочих профессиональных союзов на Западе», «Германская промышленность и рабочее законодательство», «Рабочие о рабочем дне» и т.д.

В декабре 1906 – мае 1908 гг. законопроекты были подвергнуты всестороннему обсуждению предпринимательским сообществом. В итоге чиновникам министерства пришлось пойти на уступки, о чём с гордостью сообщала «Промышленность и торговля».

Из внесённого пакета законов, в конечном счёте осталось лишь два документа – о страховании от несчастных случаев и болезней. Остальные проекты были отложены. В них были внесены существенные поправки, соответствовавшие духу времени. 25 июня 1908 года министр торговли и промышленности И. П. Шипов внес согласованные законопроекты на утверждение в Думу. Но и после этого их принятие откладывалось. Лишь в апреле 1911 года законопроекты были рассмотрены и приняты Государственной думой, а 23 июня 1912 года они стали законами.

Съезды представителей промышленности и торговли создавались как лоббистская организация. Представители Съездов – постоянные участники правительственных совещаний по экономическим вопросам. Деятельность в этой организации требовала большой подготовительной работы, согласования мнения разных предпринимательских групп, сбора данных и написания аналитических справок и материалов для участников рабочих групп и совещаний. Эта сторона деятельности союза подробно освещалась на страницах журнала.

Внутренняя жизнь организации широко отражалась журналом. Им печатались материалы о заседаниях совета Съездов, обсуждаемых на них вопросах, деятельности

структурных подразделений союзов. Не оставалась в стороне работа Съездов с государственными учреждениями и ведомствами. Анализировалась работа отраслевых и региональных предпринимательских организаций, входивших в Съезды, вопросы и запросы членов организации к руководству союза, письма и обращения, поступавшие от сторонних государственных и общественных организаций и частных лиц и т.д. Вся эта разнохарактерная и масштабная работа Съездов представителей промышленности и торговли находила отражение на страницах журнала.

История журнала «Промышленность и торговля» подтверждает вывод, сделанный отечественным источниковедением, что периодическая печать – это «вид исторических источников, представленный долговременными изданиями периодического характера, функциями которых являются организация (структурирование) общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства, информационное обслуживание экономической деятельности в сфере частного предпринимательства, установление обратной связи в системе управления» [3].

Издание, созданное ведущим российским бизнес-союзом, отличалось оперативностью, информационной насыщенностью, компетентностью подготовленных материалов и аргументированностью выводов. Размещенные в журнале материалы отличались разнообразием тем, количеством и качеством содержащихся в них сведений. Журнал давал возможность бизнесу обнародовать свою позицию по всем вопросам, представлявшим для него интерес и значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно заключить, что журнал «Промышленность и торговля» успешно выполнял уставную задачу по объединению и координации деятельности существовавших бизнес-структур, достаточно эффективно защищал

интересы российских торгово-промышленных кругов.

Библиография:

1. Архангельская И.Д. Методика применения контент-анализа при изучении материалов прессы: (На примере «Торгово-промышленной газеты». 1909–1913 гг.): автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.00 / МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1991. – 21 с.
2. Воронцова Е.А. Предпринимательские организации в России: историография, источники, история. – М.: Этерна, 2013. – 574 с.
3. Данилевский И.Н., Кабанов В.В. и др. Источниковедение. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, Институт «Открытое общество», 2004. – 701 с.
4. Материалы по пересмотру рабочего законодательства: объяснительная записка / Министерство торговли и промышленности, отдел промышленности. – Санкт-Петербург: тип. В. Киршбаума, 1906. – 50 с.
5. Положение об общеимперских съездах представителей промышленности и торговли: [Утв. Учредит. съездом в С.-Петербурге 14 апр. 1906 г.]. – Санкт-Петербург: Тип. В. Киршбаума, 1906. – 15 с.
6. Промышленность и торговля (1908–1912).
7. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. – М., РОССПЭН, 2011. – 888 с.
8. Шапкин И.Н. Из истории лоббизма в России. Представительские организации российского капитала во второй половине XIX – начале XX века. – М.: МАЭП, 1999. – 200 с.

References:

1. Arkhangel'skaya I.D. Metodika primeneniya kontent-analiza pri izuchenii materialov pressy: (Na primere «Torgovo-

Promyshlennoy Gazety». 1909-1913gg.) [Methodology for the application of content analysis in the study of press materials: (On the example of the «Trade and Industrial Newspaper». 1909-1913)]: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.00 / MGU im. M. V. Lomonosova. – M., 1991. – 21s. (In Russ.).

2. Vorontsova E.A. Predprinimatel'skiye organizatsii v Rossii: istoriografiya, istochniki, istoriya [Entrepreneurial organizations in Russia: historiography, sources, history]. – M.: Eterna, 2013. – 574s. (In Russ.).

3. Danilevskiy I.N., Kabanov V.V. i dr. Istochnikovedeniye [Kabanov V.V. and others. Source study]. – M.: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, Institut «Otkrytoye obshchestvo», 2004. – 701s. (In Russ.).

4. Materialy po peresmotru rabochego zakonodatel'stva: ob"yasnitel'naya zapiska / Ministerstvo torgovli i promyshlennosti, Otdel promyshlennosti [Materials for the revision of labor legislation: explanatory note]. – Sankt-Peterburg: tip. V. Kirshbauma, 1906. – 50s. (In Russ.).

5. Polozheniye ob obshcheimperskikh s"yezdakh predstaviteley promyshlennosti i torgovli: [Utv. Uchredit. s"yezdom v S.-Peterburge 14 apr. 1906 g.] [Regulations on all-imperial congresses of industry and trade representatives: [Approved. Will establish. Congress in St. Petersburg on April 14. 1906]]. – Sankt-Peterburg: Tip. V. Kirshbauma, 1906. – 15s. (In Russ.).

6. Promyshlennost' i torgovlya. – 1906-1912. – № 2,3,4. (In Russ.).

7. Samoorganizatsiya rossiyskoy obshchestvennosti v posledney treti XVIII – nachale XXv. [Self-organization of the Russian public in the last third of the 18th - early 20th

centuries] /otv. red. A.S.Tumanova. – M., ROSSPEN, 2011. – 888s. (In Russ.).

8. Shapkin I.N. Iz istorii lobbizma v Rossii. Predstavitel'skiye organizatsii rossiyskogo kapitala vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov [From the history of lobbying in Russia. Representative organizations of Russian capital in the second half of the 19th - early 20th centuries]. – M.: MAEP, 1999. – 200s. (In Russ.).

УДК 341.24(410+520)

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-3-39-51

ГЕЛЛА Тамара Николаевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru

ПРОКОНИН Фёдор Игоревич, аспирант исторического факультета, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: f.prokonin@gmail.com

GELLA T.N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru

PROKONIN F.I., Postgraduate Student of the Faculty of History, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: f.prokonin@gmail.com

ОЦЕНКА АНГЛО-ЯПОНСКОГО ДОГОВОРА 1902 Г. БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТОЙ И ПРЕССОЙ

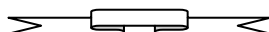
ASSESSMENT OF THE ANGLO-JAPANESE AGREEMENT OF 1902 BY THE BRITISH POLITICAL ELITE AND THE PRESS

Аннотация. *Цель статьи* – изучить общественное восприятие структурных изменений британской внешней политики в начале XX века. В центре внимания авторов находятся оценки политических кругов Великобритании, в первую очередь либерал-империалистов – правого крыла Либеральной партии. В работе представлен анализ относительно содержания и перспектив англо-японского соглашения. Особый акцент делается на изучении публикаций, содержащие оценки внешнеполитического курса Соединенного королевства в центральных, а также провинциальных печатных изданиях. Относительно внешнеполитического курса страны мнения разделились – правящая консервативная партия одобрила заключение договора, оппозиционная либеральная партия неоднозначно оценила договор 1902 года. Правые либералы в отличие от центра и левого крыла либеральной партии менее скептически отнеслись к заключенному англо-японскому союзу. В результате авторами резюмируется, что пресса в целом неоднозначно восприняла соглашение 1902 года.

Ключевые слова: Великобритания, общественно-политические круги, общественное мнение, печать.

Abstract. This study aims to investigate the public perception of the structural changes in British foreign policy at the beginning of the XX century. The authors focus on assessments of the British political circles, primarily the liberal-imperialists – the right wing of the Liberal Party. The article analyses the content and prospects of the Anglo-Japanese agreement. Particular emphasis is placed on the study of publications containing assessments of the foreign policy of the United Kingdom in the central as well as provincial print media. It should be stressed that the British political circles discorded with on the country's foreign policy course - the ruling Conservative party approved the conclusion of the treaty, but the opposition liberal party unequivocally assessed the agreement of 1902. The right-wing liberals, in contrast to the center and the left wing of the Liberal Party, were less skeptical about this Anglo-Japanese alliance. Finally, the authors draw conclusions that the press as a whole was ambivalent about the agreement of 1902.

Keywords: Great Britain, social and political circles, public opinion, press.

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX-XX веков в Европе в целом и в Англии, в частности, возросло значение такого фактора как общественное мнение. Этому способствовало, во-первых, бурное экономическое развитие, которое было сопряжено с прогрессом в сфере науки, образования и просвещения. Во-вторых, ликвидация безграмотности среди населения в свою очередь способствовала складыванию и дальнейшему развитию обширного читательского рынка, и как следствие, заметную роль в общественно-политической жизни европейцев стала играть пресса, которая воздействовала на формирование общественного мнения. В-третьих, предоставление широких избирательных прав для населения открыло возможности для участия в политике широким массам.

Растущая роль общественного мнения в иностранных делах могла принести пользу там, как пишет канадский историк М. Макмиллан, где «нужно было избавиться от нежелательных обязательств или союзов», но не всегда общественное мнение совпадало с государственными интересами [8, С.61]. Однако появление нового и непредсказуемого фактора «общественного мнения» означало, что правительства больше не смогут проводить внешнюю политику так, как им заблагорассудится» [8, С.34]. Так, что можно заключить, что к началу XX века пресса становится основным инструментом выражения общественного мнения.

Отметим, что правительство Великобритании на рубеже XIX-XX веков оказалось в критической ситуации. С одной стороны, Европа вооружалась и объединялась в союзы, с другой, агрессивная колониальная политика Англии обостряла ее отношения с другими державами. В частности, особо уязвимым стало положение Англии на Дальнем Востоке. Правительственные круги Великобритании стали обдумывать план отказа от политики «блестящей изоляции».

Интересная дискуссия на данную тему

прошла в нижней палате британского парламента весной 1898 года. В ходе обсуждения мнения разделились относительно внешнеполитического курса страны. Член палаты общин Э. Эшмид-Бартлетт выразил мнение, что бесполезно пытаться основать британскую внешнюю политику на союзе с Россией и Францией [20, vol. 54. Col. 308]. По мнению политика, противостоять России в северной части Тихого океана и в Китае можно было только в союзе с Японией и Германией [20, vol. 54. Col. 309]. Другую точку зрения выразил член нижней палаты британского парламента Т. ГирсонБоулз. Он враждебно относился к России и Германии [20, vol. 54. Col. 309-321]. У. Харкорт же считал, что Англия заинтересована в том, чтобы быть «в дружеских отношениях как с Россией, так и с Германией на Востоке и во всех частях мира» [20, vol. 54. Col. 321-322].

Эта дискуссия в палате общин наглядным образом демонстрирует отсутствие единства среди политической элиты относительно внешнеполитического курса Великобритании на международной арене. Старая традиционная политика изоляции становилась опасной, и британская дипломатия начала поиски союзников.

Тенденцию к окончательному пересмотру традиционной политики «блестящей изоляции» усилила англо-бурская война (1899-1902 гг.), которая продемонстрировала англичанам, что позиции и престиж Великобритании на международной арене не столь прочны, как прежде [1]. Так, Розбери – лидер либерал-империалистов выразил мнение, что «в конце 1898 г. престиж Англии стоял выше, чем после Ватерлоо. Я боюсь, что война разрушила часть этого престижа... Нам нужно приобрести его вновь» [12].

Дж. Чемберлен – лидер либерал-юнионистов, министр колоний в консервативном кабинете лорда Солсбери один из первых понял, что традиционная политика Англии

«блестящей изоляции» перестала соответствовать духу времени – обострилась борьба великих держав за влияние в мире, на международную арену вышли новые акторы (Германия, Соединенные Штаты и Япония), натянутыми оставались отношения с франко-русским союзом; к концу XIX века Великобритания, теснимая со всех стратегических направлений грозными конкурентами, оказалась в изоляции, но «ее положение в мире трудно было назвать особенно блестящим» [8, С. 63]. В этих условиях англичанам следовало заручиться поддержкой иностранных держав, интересы которых были ближе всего к британским. Чемберлен прилагал усилия по созданию англо-германо-японского союза и англо-германо-американского союза.

Как писала либеральная газета «The Observer», британское правительство и Чемберлен, в частности, на протяжении нескольких лет прилагали усилия, чтобы объединиться с Соединенными Штатами, Германией и Японией с целью поддержания политики открытых дверей в Китае [25, 16 Feb.]. В результате выяснилось, что только Япония одна из трех держав, которая оказалась готова выступить на стороне Великобритании и единственная из трех держав, которая оказалась готова «поддержать свою верность своим мечом» [25, 16 Feb.]. Таким образом, выбор был сделан в пользу новой азиатской империи, которая вышла из периода «тьмы и застоя» [2, С. 369]. Тем не менее Япония была сильной державой, которая обладала всеми необходимыми качествами для желанного союзника, договор с которой ознаменовал, несомненно, важную эпоху в мировой истории [22, 22 Feb.; 7, 15 Feb.]. Это, конечно же, был прорыв в британской внешней политике.

Семена будущего союза Англии и Японии были посеяны, когда в апреле 1895 года Германия, Франция и Россия объединились, чтобы помешать империи Микадо получить призы своих побед в японо-китайской войне. Анг-

лия не благоприятствовала этой коалиции. Впрочем, как справедливо отметил российский «Правительственный Вестник»: это поведение Англии было вызвано, не особым дружелюбием Великобритании к империи Микадо, а «обычной ее политикой по отношению к России», которую британцы проводили в течение минувшего столетия [11, 23 августа (5 сен.)].

Англичане на каждом шагу старались противодействовать России. В Англии опасались, что Россия может стать доминирующей державой в северной части Тихого океана. В Японии тоже появились опасения по отношению к России. Япония нуждалась в союзе с Великой державой, дабы не повторилась ситуация 1895 года. Одной из причин, заставивших Англию вступить в этот союз, было состояние вооруженных сил Японии, ее армии и флота.

Вполне естественно, что факты, относящиеся к японской армии и флоту, представляли особую ценность для державы, которая начала испытывать трудности на Дальнем Востоке. Так, у японцев преобладает система призыва, мужчины в возрасте от 17 до 40 лет призываются на военную службу. Во время войны Япония может призвать около 700 000 обученных солдат. В мирное время более 160 000 бойцов проходят постоянные тренировки с оружием, японцы отличаются выносливостью и храбростью, что дает им право на всеобщее уважение. Военно-морской флот хоть и небольшой, но эффективен. Японский броненосец «Микаса» является самым грозным боевым кораблем в составе японских ВМС. Японский флот состоит из семи линкоров, двадцати двух крейсеров и почти двухсот эсминцев, торпедных катеров и судов береговой обороны. Общий тоннаж превышает четверть миллиона. [15, 7th March].

Можно заключить на основе вышеизложенного, что в военном отношении Япония при определенных раскладах могла быть полезной Британии.

Среди прочего, следует отметить, мудрость государственных деятелей как британских, так и японских, которые смогли своевременно осознать общие интересы на шахматной доске дипломатии. Незадолго до подписания договора произошел обмен сердечных любезностей между королем Эдуардом и японским императором. Подготовка договора с Японией осуществлялась в строжайшей тайне. Подписание договора стало настоящей сенсацией – впервые западная держава вошла в сношения с азиатской страной.

Цель данной работы заключается в исследовании восприятия широкой общественностью структурных изменений британской внешней политики в начале XX века сквозь призму британской и российской прессы как центральной, так и провинциальной.

Методологической основой исследования явились принципы научного историзма, объективности и системности, методы общенаучные (анализ, синтез, обобщение, систематизация и описание), и конкретно-исторические методы (историко-генетический, проблемно-хронологический, конкретно-исторический и историко-сравнительный методы).

Итак, в начале нового XX столетия в британской внешней политике произошли перемены – Англия оказалась в ситуации, когда ей пришлось отказаться от политики «блестящей изоляции», которой придерживалась со времен окончания Крымской войны (1854-1856 гг.). По этому поводу «Вестник Европы» писал, что Великобритания отказалась от свободы действий в иностранных делах и приняла на себя обязательства союзницы империи Микадо на Дальнем Востоке [2, С.369].

Англо-японский договор состоял из преамбулы и шести статей [16, Р.114-120]. В преамбуле сообщалось, что главная цель подписантов состоит в том, чтобы обеспечить статус-кво на Дальнем Востоке и равен-

ство коммерческих возможностей для каждой нации, желающей участвовать в восточной торговле [16, Р.115].

Согласно первой статье, договор был заключен в мирных целях, однако подписанты заявили о своих специальных интересах. Но если интересы Англии распространялись на Китай, то интересы Японии главным образом были сосредоточены в Корее. Стороны, заключившие договор, также оставили возможность защиты своих интересов. Вторая и Третья статьи оговаривали права и обязанности сторон во время войны. Так, если она из держав будет вовлечена в войну, то другая не должна вмешиваться до тех пор, пока в войну не окажутся вовлечены другие державы, в этом случае необходимо было прийти на помощь союзнику [16, Р.115-117].

Четвертая статья запрещала заключение сепаратных соглашений. Пятая статья предусматривала открытые взаимные консультации в случае серьезной опасности. Шестая оговаривала возможность продления договора в условиях войны и мира [16, Р.117-118].

Также к договору прилагалась дипломатическая нота, в которой оговаривались возможности ремонта кораблей и снабжения их углем в портах стран-подписантов.

Таким образом, коротко резюмируя пункты соглашения, державы заключили между собою союз оборонительный и наступательный ради сохранения statusquo и общего мира на дальнем востоке, и, в частности, из желания поддержать независимость и территориальную неприкосновенность Китая и Кореи, и обеспечить в этих странах равные условия для торговли и промышленности всех наций [16, Р.114-120].

Официальные круги иностранных держав не протестовали по случаю создания англо-японского союза, напротив, выразили свою поддержку принципам, заявленным в договоре [19 (Third Edition), 13th Feb.; 18, 15th Feb.; 23, 21st Feb.].

Соединенные Штаты с одобрением встретили англо-японский союз. Формально договор между Англией и Японией не противоречил политике «открытых дверей» в Китае, которой придерживались американцы. Американская печать целиком и полностью поддержала новый договор. Ведущие американские газеты сообщали, что интерес Соединенных Штатов состоял лишь в том, чтобы Китай был открыт для торговли всего мира [19 (Third Edition), 13th Feb.].

В Берлине формальный союз Англии и Японии считается ценным залогом поддержания мира на Дальнем Востоке. [19 (Third Edition), 13th Feb.; 18, 15th Feb.]. Граф фон Бюлов, немецкий канцлер, в частности, выступил в рейхстаге с заявлением об англо-японском договоре – как он утверждал, альянс не изменил позиции Германии. [17, 8th March]. У Германии имелись только экономические интересы в Китае и в Корее [22, 8th March]. На Берлинской бирже соглашения приветствовали [23, 21st Feb.].

В Вене англо-японский договор был воспринят как шаг к миру [18, 15th Feb.]. Высокопоставленный чиновник австрийского министерства иностранных дел в интервью корреспонденту «Central News» выразил радость, что Англия вышла из изоляции и сделала шаг, который обеспечит мир в Азии и Европы [19 (Pink Edition), 13th Feb.]. Однако Венская биржа негативно восприняла известие о соглашении, опасаясь, что, если российская активность будет остановлена на Дальнем Востоке, она может быть перенаправлена на Ближний Восток. [23, 21st Feb.].

В Париже посчитали, что Англия намерена сделать все возможное для сохранения статус-кво на Дальнем Востоке [18, 15th Feb.]. Французские издания выразили сомнения в не агрессивности характера союза [23, 21st Feb.].

Правительство России отнеслось совершенно спокойно к заключению означенного

[англо-японского] договора [10 (часть неофициальная), 13 марта], поскольку у нее не было формального повода протестовать против соглашения мирного по букве своей. Высокопоставленные должностные лица, такие, как например, граф Кассини, посол России в Вашингтоне, а также Лессар, российский министр в Пекине оба указали, что факт заключения англо-японского союза не повлияет на политику России в отношении Китая [19 (Pink Edition), 13th Feb.; (First Edition), 25th Feb.]. Россия пыталась убедить мировое сообщество в том, что у нее нет никаких агрессивных замыслов относительно Китая.

Как показывает российский историк Е.Ю. Сергеев, англо-японский союз оказался полной неожиданностью для правящих кругов и общественности России и Европы, в самой Англии некоторые «ведущие британские политики полагали, что угроза со стороны «желтой расы» интересам «белых держав» становится все более ощутимой день ото дня» [13, С. 254.].

Общественное мнение в Японии всецело поддержало этот новый союз. В Японии прошли торжества, организованные по случаю создания англо-японского союза [6, С.653]. Политическое руководство Японии – граф Окума встретил англо-японский договор словами: «Союз, только-что заключенный, является глубоко-радостным событием не только для нашей партии, но и для всей нации. Мечта, которую мы лелеяли столько лет, теперь осуществилась» [6, С.650]. Общий тон японской печати выражает безусловную радость по поводу заключения союза с Англией [19 (Pink Edition), 14th Feb.; (Special Edition), 20th Feb.]. Виконт Хаяси, министр Японии в Лондоне, в ходе интервью лондонскому корреспонденту газеты «NeuesWienerTagblatt» сказал, что англо-японский договор был результатом необходимости [19 (Pink Edition), 12th Feb.]. Граф Мотоно (японский министр в Париже), в интервью парижской «Figaro» выра-

зил мнение, что англо-японский союз является мирным союзом [19 (Third Edition), 5th May].

Англо-японский союз вызвал много споров в английском обществе: реакция на англо-японский союз оказалась различной. Договор 1902 года вызвал неподдельный интерес у представителей общественности. 13 февраля в обеих палатах британского парламента стартовали дебаты по англо-японскому договору. Отношение к договору 1902 года со стороны политических партий Великобритании оказалось различным. Правящая с 1895 года консервативная партия Великобритании одобрила заключение договора с правительством Японии. Кранборн сказал, что Англия хочет политики открытых дверей и неприкосновенности Китая в противовес политике сфер интересов; особое положение Японии в Корее было признано Россией в 1898 году [20, vol. 102 Col. 1282-1284]. Известные деятели консервативной партии – А. Бальфур, Дж. Макдона, Г. Винсент и Г. Перси, а также маркиз Лансдаун, – привели несколько весомых аргументов в защиту договора в обеих палатах британского парламента, днем 13 февраля.

Лансдаун доказывал, что договор не агрессивен; Англия взялась поддерживать Японию дабы уберечь ее от кошмара коалиции [20, vol. 102 Col. 1177-1178; 14, 5 фев.].

Так, А. Бальфур сообщил, что этим договором Англия сделает мир более прочным, а также обеспечит «statusquo на Дальнем Востоке с равными торговыми возможностями для каждой нации, желающей принять участие в восточной торговле [20, vol. 102. Col. 1298]. Схожей точки зрения придерживался Дж. Макдона [20, vol. 102. Col. 1312]. Г. Винсент в свою очередь отметил в ходе парламентских дебатов, что этот договор гарантирует мир [20, vol. 102. Col. 1304]. Его коллега по консервативной партии Г. Перси, тоже считал, что договор 1902 года способствует

устранению угрозы миру и подавлению актов агрессии [20, vol. 102. Col. 1304, 1312].

Таким образом, известные деятели правящей консервативной партии, а также маркиз Лансдаун, скрепивший договор с Японией своей подписью, одобрили заключение договора со страной Восходящего солнца.

Либеральная оппозиция в парламенте крайне неоднозначно оценила договор 1902 года. Правые либералы в отличие от центра и левого крыла либеральной партии менее скептически отнеслись к заключенному англо-японскому союзу.

Правый либерал Дж. Уолтон открыто поддержал авантюрную политику консерваторов. Благожелательно-нейтральную оценку дал англо-японскому договору лидер правых либералов в палате лордов лорд Розбери, который заявил, что его первое впечатление «без ущерба», он поздравил [консервативное] правительство с заключением договора [20, vol. 102. Col. 1178]. Однако Розбери не одобрял англо-японский договор, хотя открыто он против него не высказался [3, С. 179.]. Правый либерал Г. Норман нейтрально отнесся к договору: он не желал ни осуждать договор, ни выступать против него [20, vol. 102. Col. 1281]. Однако анализ его выступления в палате общин показал, что Г. Норман был не вполне удовлетворен этим соглашением. Он, в частности, опасался, что Англия может быть втянута в войну не по своей воле. Отсюда он задавался вопросами: насколько это было разумным и необходимым [20, vol. 102. Col. 1281]. Вдобавок, Г. Норман порицал консервативное правительство за то, что оно не попыталась договориться с Россией о Маньчжурии прежде, чем вступить в союз с Японией – официальный орган Консервативной партии в Южном Уэльсе «The Carmarthen Journal and South Wales Weekly Advertiser» назвал Г. Нормана сочувствующий русским [23, 21 Feb.]. Таким образом, можно заключить, что, во-первых,

среди правых либералов не было единства во взглядах касательно договора 1902 года. Во-вторых, правые либералы (по крайней мере) прямо не осуждали договор и не отрицали его значение.

Центр и левое крыло либеральной партии дали менее благоприятные оценки англо-японскому соглашению. Враждебно-нейтральную позицию в отношении договора занял лорд Спенсер, британский политик от либеральной партии, друг У. Гладстона и главная опора Г. Кэмпбелл-Банермана, возглавлявшего центр либеральной оппозиции в палате общин. Лорд Спенсер заявил в палате лордов: «я не собираюсь никоим образом высказываться против подобных союзов; но я твердо убежден, что мы [англичане] не должны вступать в такие союзы, если для этого нет очень веских и неотложных причин» [20, vol. 102. Col. 1173].

С критикой выступил Г. Кэмпбелл-Банерман, он находил, что Япония получила по договору гораздо больше гарантий, чем Англия [3, с. 177]. Г. Кэмпбелл-Банерман полагал, что Англия должна находится в дружественных отношениях с Россией. Одновременно с этим, указывал Г. Кэмпбелл-Банерман, «мы [англичане] хотим присоединиться <...> к японцам, к которым <...> есть определенные сильные симпатии» [20, vol. 102. Col. 1294].

Еще одним критиком англо-японского союза являлся У. Харкорт, лидер левых либералов, он упрекал правительство консерваторов за договор, от которого отныне зависел «мир и будущее индийской империи» [20, vol. 102. Col. 1301.]. У. Харкорт также заявил об угрозе полномасштабной войны с Россией [20, vol. 102. Col. 1301].

Анализ стенографических отчетов парламентских дебатов показывает о различном отношении британской правящей элиты к англо-японскому союзу. Оппозиционная Либеральная партия в британском парламенте

по-разному оценила договор Англии и Японии. Так, либералы негодовали по поводу неравномерного распределения обязанностей союзников, Англия могла сделать гораздо больше для Японии, чем Япония по отношению к Англии в случае европейской войны. Кроме того, англо-японский союз являлся препятствием для достижения англо-франко-русского соглашения. Наконец, от «варварской Японии» зависел мир Англии с другими иностранными державами [3, С.178]. Однако не вся либеральная оппозиция столь скептически относилась к англо-японскому союзу – правые либералы в отличие от центра и левого крыла либеральной партии менее скептически отнеслись к заключенному англо-японскому союзу.

Так, анализируя позиции представителей политического истеблишмента на рубеже XIX-XX вв. касательно внешнеполитических интересов Великобритании, можно проследить определенную трансформацию во взглядах представителей политических кругов Англии – с их стороны уже не было резких выступлений по части англо-японского соглашения. Реальной становилась угроза изоляции для Англии на международной арене. В Англии осознавали, что нельзя исключать угрозу создания антибританской коалиции, в этом случае Англия оказалась бы невыгодном положении на международной арене [5, С.335-336; 9, С.20].

Англо-японский союз мог упрочить британские позиции в дальневосточном регионе, а также ослабить влияние других держав, стремящихся к расширению своего влияния [3, С.182]. Правые либералы критиковали договор за неравномерное распределение обязательств, которые приняли на себя Англия и Япония, а также за то, что до подписания этих обязательств Великобритания не предприняла еще одной попытки, чтобы договориться с Россией, критические замечания также касались конкретных условий союза с Японией [3, С.182].

Ведущие торговцы оружием Манчестера с Дальним Востоком заявили о своем полном удовлетворении новым англо-японским соглашением [19 (Pink Edition), 12th Feb.].

Сэр Эдвард Сэсун, чья фирма имеет обширные банковские и деловые интересы в Китае и в Индии, полагал, что договор во многом будет способствовать продвижению коммерческих интересов [19 (First Edition), 13th Feb.].

Генеральный суперинтендант в Суонси сказал, что новый договор Англии и Японии, несомненно, будет способствовать развитию коммерческих отношений между двумя странами. [21, 28th Feb.]. Тем не менее было высказано опасение о том, что однажды Япония сделается развитой страной как Америка [19 (Pink Edition), 12th Feb.; 21, 28th Feb.].

Г-н Чаплин, экс-председатель Совета местного самоуправления, считал этот договор отличным шагом – правильным. [19 (First Edition), 13th Feb.].

Г-н Ербург президент Китайской лиги, охарактеризовал англо-японское соглашение всего одним словом – великолепно [24, 19th Feb.].

Викарий из Аберпергвм (член Японского общества) писал, что обнародованный договор 1902 года, вероятно, будет способствовать защите национальных интересов на Дальнем Востоке, может быть предметом споров, но все поклонники Японии в Англии не могут не быть рады, что правители, убедились в том, что такое соглашение принесет пользу обеим странам и обеспечит безопасность для сохранения мира в Тихом океане [19 (Special Edition), 15th Feb.].

Консервативная печать приветствовала известие о союзе, с восторгом, как блестящий успех министерства Солсбери, как победы британской дипломатии на Дальнем Востоке. Со своей стороны органы оппозиции указывают на то, что не совсем ясны ни цели договора, ни положение, им созданное. По-

скольку одна из договаривающихся сторон дает гораздо больше другой [14, 14 фев.]. Пресса в целом неоднозначно восприняла соглашение 1902 года.

Консервативно-джингоистская «Daily Mail» писала, что невозможно отрицать, что нация восприняла эпохальные новости о союзе с Японией с чувством безграничного удовлетворения. Верно, что этот союз знаменует собой далеко идущие изменения в британской политике. «Блестящая изоляция» ушла навсегда. Теперь государства, чьи интересы идентичны, будь то в сфере бизнеса или политики, не могут стоять в стороне друг от друга, апеллируя к бессмысленным традициям ушедшей эпохи, когда условия были существенно другими [19 (Special Edition), 13th Feb.].

Другая консервативно-джингоистская «Daily Express» сообщала, что объявление о создании англо-японского союза, конечно, удивило страну. Вообще сам союз, безусловно, удивил страну. Он воплощает в себе и воплощает в жизнь симпатию и общность интересов, которые были признаны общим чувством в обеих странах в течение некоторого времени, и представляет собой одновременно мощный инструмент как для поддержания мира, так и на случай возможной войны [19 (Extra Special Edition), 13th Feb.].

Радикальная «Morning Leader» отмечала, что новый союз с Японией, вероятно, окажется не последним. Нужны убедительные аргументы, чтобы оправдать столь резкий отход от принципов, которыми руководствовалась британская внешняя политика со времен Крымской войны. Англичане должны первыми приветствовать идею сотрудничества с Японией. Либералы подготовили почву для этого союза [19 (Extra Special Edition), 13th Feb.].

Как писала либеральная «Daily News», указывает ли договор на наличие антибританской коалиции на Востоке, означает ли

это разрыв англо-германского договора, является ли визит принца Генриха в Америку ответом на новый военно-морской союз – это предмет спекуляций. Правительство, не теряя времени, должно разъясняет ситуацию, чреватую самыми серьезными последствиями» [19 (Fifth Edition), 12th Feb.].

«Daily News» разместила письма корреспондентов, негодующих тем, что христианская нация ищет опоры в Японии. «Если, – говорит один из них, – наша дипломатия торжествует победу, то эта победа отбрасывает Англию ко временам Франциска I, заключившего союз с турками против Карла V» [14, 19 фев.].

«Daily News» критикует этот союз и находит, что договор 1902 года связывает руки Англии в ее сношениях с другими державами, не говоря уже о том, что он может иметь своим последствием немедленную войну. Может, ведь, наступить такой момент, когда Англия пожелает выказать дружбу России: тогда союзный договор станет ей поперек дороги. Новому союзу было принесено в жертву Вей-Ха-Вей, какие ещё жертвы придется принести Англии? [13, 19 фев.]

Газета считает наиболее опасной третью статью договора. Так если Япония начнет войну с Россией и к последней присоединится ее союзник Франция; Англии в этом случае придется вести войну в различных уголках земного шара с франко-русским союзом, при этом, у Великобритании может и не быть никаких разногласий с Францией и Россией [14, 19 фев.].

Независимая «Daily Telegraph» утверждала, что в любом случае договор является как бы гарантией сохранения политики «открытых дверей» или, как ее иначе описывают, политики «входа торговца», которая якобы является политикой остального цивилизованного мира. Однако по другим причинам это будет приветствоваться населением этой страны, потому что оно ставит наши отноше-

ния с Японией, которые всегда были дружественными, на основу формального союза [19 (Fifth Edition), 12th Feb.].

Царица газетного мира «The Times» не стесняясь, утверждала, что Англия с большим удовлетворением воспримет важное соглашение между Великобританией и Японией, которое позволит сохранить мир во всем мире [27, 12 Feb.].

Консервативные газеты Уэльса – «The County Observer», а также «The Carmarthen Journal» (официальный орган Консервативной партии Южного Уэльса) охарактеризовали англо-японский союз как важный этап в мировой истории; договор является величайшим, возможно, потому что это самый смелый дипломатический подвиг [18, 15 Feb.; 23, 21 Feb.].

По мнению либеральной газеты «The Observer», сложившийся союз Англии и Японии – не такой уж и плохой результат, поскольку сам факт того, что две державы передового ранга вступили в союз, является, несомненно, событием, которое должно привести к общему миру в целом [25, 16 Feb.].

Либеральная «Manchester Guardian», высказываясь против англо-японского союза, между прочим, советует иметь ввиду, что Япония может поддержать британцев только на Дальнем Востоке, между тем как Россия имеет полную возможность дать Англии почувствовать свою силу в других областях» [14, 19 фев.].

Интерес, представляет позиция британского еженедельника «The Spectator» – органа либерал-юнионистов относительно англо-японского договора 1902 года. Первая реакция на союз Англии и Японии была достаточно жесткой. Еженедельник возражал не только потому, что он враждебен по отношению к России, но и потому что он ставит отношения Великобритании с Россией и Францией в зависимость от Японии [26, 15 Feb.]. Однако после шквала критики в адрес консерватив-

ного правительства за договор, в котором все преимущества оказались только на стороне Японии, «The Spectator» в скором времени признал важность заключенного соглашения для Англии [26, 22 Feb.].

Критика англо-японского союза основывалась, главным образом, на смене внешнеполитической парадигмы и отчасти на непонимании новых современных тенденций в области внешней политики. Недовольство было вызвано также и по другому поводу, так, союз объективно был направлен против России, что затрудняло установление дружеских отношений с русским «колоссом», но также и с Францией [26, 15 Feb.].

Так, можно заключить, что договор 1902 года, с одной стороны, приветствовали и защищали в прессе и парламенте, а с другой, критиковали за очевидные недостатки.

Сотрудничество Англии и Японии в военно-политической сфере было выгодно обеим державам – Япония могла рассчитывать на поддержку Великобритании в случае большого количества противников, в свою очередь англичане могли рассчитывать на поддержку со стороны японского флота на Дальнем Востоке – почти все корабли были построены на британских верфях.

Негативным следствием англо-японского договора стало дальнейшее ухудшение отношений между Англией и франко-русским союзом. Россия и Франции по поводу заключения англо-японского союза 1902 года подписали декларацию по делам Дальнего Востока. Эта декларация 1902 года была представлена как своего рода противовес англо-японскому союзу. Министр иностранных дел Третьей французской республики Т. Делькассе, отвечая на запрос о франко-русской декларации относительно Дальнего Востока, сказал, что «на Дальнем Востоке нет противодействующих сил, а есть сочетания сил, направленное к одной цели – поддержанию statusquo и общего мира; эта именно идея и

легла в основание франко-русской декларации» [14, 16 марта].

Однако Франция с тревогой наблюдала за дальневосточной политикой России, такая политика могла в конечном итоге ослабить и снизить эффективность франко-русского союза, направленного против Германии. Кроме того, в случае обострения русско-японских отношений, существовала угроза ухудшения британо-французских отношений. В то же самое время англо-японский договор не ознаменовал окончательное решение всех внешнеполитических проблем для Англии, это был локальный по своему характеру договор, следовательно, как указывает отечественный историк В.Ю. Лукьянов, Великобритании «предстояло определить свои позиции в отношении противостоящих друг другу Франко-русского и Тройственного союзов» [7, С.107].

Англо-японский союз 1902 года означал изменение внешнеполитического курса Британии в пользу пересмотра традиционной политики «блестящей изоляции». Следующий шаг на шахматной доске дипломатии был сделан в пользу старого конкурента Англии – Третьей французской республики [4, С.24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует указать, что, во-первых, открытая враждебность со стороны франко-русского союза и нежелание Германии следовать в фарватере английской политики вынуждало британское правительство действовать более решительно на международной арене – отсутствие какой-либо реальной альтернативы и крайняя необходимость в союзнике толкало Англию в объятие Японии, переживавшей свой подъем на мировой арене.

Во-вторых, договор 1902 года вносил серьезные изменения в международные отношения того времени, Англия отказалась от традиционной политики «блестящей изоля-

ции». Однако англо-японский договор не ознаменовал окончательное решение всех внешнеполитических проблем Великобритании. Ей предстояло выработать дальнейшую стратегию относительно противостоящих друг другу Франко-русского и Тройственного союзов. Англо-японский союз был продолжением антироссийской политики, которую проводили консерваторы с конца XIX века, перенеся традиционное недоверие к русским в новый XX век.

В-третьих, англо-японский союз был оценен крайне неоднозначно в Англии – оценки были даны в широком диапазоне от прямо позитивных до негативных. Британская общественность, оказалась не готова моментально принять новую объективную реальность, ведь серьезные изменения самым неожиданным образом произошли во внешней политике Великобритании: положение державы на мировой арене оказалось далеко не блестящим, учитывая тот факт, что страна обратилась за помощью к азиатской державе. Общественности нужно было время, чтобы осознать внезапные перемены и приспособиться к ним, особенно если учитывать консерватизм британского общества. Можно также заключить, что мировое сообщество в целом одобрительно отозвалось о новом договоре, который по букве своей был миролюбив.

Библиография:

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Ф. 133, Оп. 470, Д.64, 1901 г., Л. 43.
2. Вестник Европы. – 1902. – Т.214.
3. Гелла Т.Н. Империалистическое течение в английской либеральной партии в конце XIX – начале XXв.: Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 1984.
4. Гелла Т.Н., Прокопин Ф.И. К вопросу об оценке англо-французского соглашения 1904г. британской политической элитой и

прессой // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2020. – №1(86). – С. 24 –28.

5. Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг. – М.: РОССПЭН, 2004. – 494с.

6. Исторический Вестник. – 1902. – №88.

7. Лукьянов В.Ю. Внешняя политика Великобритании конца XIX – начала XX веков. От «Блестящей изоляции» к соглашению 8 апреля 1904 года. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – СПб., 2000.

8. Макмиллан М. Война, которая покончила с миром. Кто и почему развязал Первую мировую. – М.: Центрполиграф, 2016. – 717с.

9. Морозов Е.В. Колониальный фактор в формировании англо-французской Антанты: конец XIX – начало XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – СПб., 2008.

10. Орловские губернские ведомости. – 1902.

11. Правительственный Вестник. – 1905.

12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Ф.1390, Оп.2, Д.20, Л.44.

13. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научного издания КМК, 2012. – 453с.

14. Сибирская жизнь. – 1902.

15. Barry Herald. – 1902.

16. British Documents on the Origins of the War 1898-1914. vol. II The Anglo-Japanese Alliance and the Franco-British Entente. – L., 1927.

17. Cheshire Observer. – 1902.

18. County Observer and Monmouthshire Central Advertiser Abergavenny and Raglan Herald Usk and Pontypool Messenger and Chepstow Argus. – 1902.

19. Evening Express. – 1902.

20. HPD. 4 Ser. 1902.
21. The Cambrian. – 1902.
22. The Cardiff Times. – 1902.
23. The Carmarthen Journal and South Wales Weekly Advertiser. – 1902.
24. The Chester Courant and Advertiser for North Wales. – 1902.
25. The Observer. – 1902.
26. The Spectator. – 1902.
27. The Times. – 1902.

References:

1. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of the foreign policy of the Russian Empire] (AVPRI), F. 133, Op. 470, D.64, 1901 g., L. 43. (In Russ.).
2. VestnikYevropy [Bulletin of Europe]. – 1902. – T.214.(In Russ.).
3. Gella T.N. Imperialisticheskoye techeniye v angliyskoy liberal'noypartii v kontse XIX – nachale XX v. [The imperialist trend in the British Liberal Party in the late 19th - early 20th centurie]: Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. ist. nauk. – M., 1984. (In Russ.).
4. Gella T.N., Prokonin F.I. K voprosu o botsenkeanglo-frantsuzskogo soglasheniya 1904g. britanskoy politicheskoy elitoy i pressoy [On the question of evaluating the Anglo-French agreement of 1904. by the British political elite and the press] // Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – №1 (86). – S. 24-28. (In Russ.).
5. Degoyev V.V. Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnyye sistemy: 1700-1918 gg. [Russian Foreign Policy and International Systems: 1700-1918]. – M.: ROSSPEN, 2004. – 494s.
6. IstoricheskiyVestnik[Historical Bulletin]. – 1902. – №88. (In Russ.).
7. Luk'yanov V.YU. (2000) Vneshnyaya politika Velikobritanii kontsa XIX – nachala XX vekov. Ot «Blestyashcheyizolyatsii» k soglasheniyu 8 aprelya 1904 goda [Foreign poli-
cy of Great Britain in the late XIX - early XX centuries. From «Glittering Isolation» to the April 8, 1904 Agreement]: Dissertatsiya na soiskaniyeuchenoy stepeni kand. ist. nauk. – SPb. (In Russ.).
8. Makmillan M. (2016) Voyna, kotoraya pokonchila s mirom. Kto i pochemu razvyazal Pervuyu mirovuyu [The war that ended the world. Who and why unleashed the First World War]. – M.: Tsentrpoligraf. – 717s. (In Russ.).
9. Morozov Ye.V. (2008) Kolonial'nyy faktor v formirovanii anglo-frantsuzskoy Antanty: konets XIX – nachalo XX vv. [The colonial factor in the formation of the Anglo-French Entente: late 19th - early 20th centuries]: Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. – Spb. (In Russ.).
10. Orlovskiy gubernskiy vedomosti [Oryol Provincial Gazette]. – 1902. (In Russ.).
11. Pravitel'stvennyy Vestnik [Government Gazette]. – 1905. (In Russ.).
12. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archives of Literature and Art] (RGALI), F.1390, Op.2, D.20, L.44. (In Russ.).
13. Sergeev Ye.YU. (2012) Bol'shayaigra, 1856-1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii [The Big Game, 1856-1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. – M.: Tovarishchestvonauchnogoizdaniya KMK. – 453s. (In Russ.).
14. Sibirskayazhizn' [Siberianlife]. – 1902. (In Russ.).
15. Barry Herald. – 1902. (In Engl.).
16. British Documents on the Origins of the War 1898-1914. vol. II The Anglo-Japanese Alliance and the Franco-British Entente. – L., 1927. (In Engl.).
17. Cheshire Observer. – 1902. (In Engl.).
18. County Observer and Monmouthshire Central Advertiser Abergavenny and Raglan Herald Usk and Pontypool Messenger and Chepstow Argus. – 1902. (In Engl.).

19. Evening Express. – 1902. (In Engl.).
20. HPD. 4 Ser. 1902. (In Engl.).
21. The Cambrian. – 1902. (In Engl.).
22. The Cardiff Times. – 1902. (In Engl.).
23. The Carmarthen Journal and South
Wales Weekly Advertiser. – 1902. (In Engl.).
24. The Chester Courant and Advertiser for
North Wales. – 1902. (In Engl.).
25. The Observer. – 1902. (In Engl.).
26. The Spectator. – 1902. (In Engl.).
27. The Times. – 1902. (In Engl.).

УДК 342.24:94(73+4)

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-3-52-59

АЛЕКСЕЕВА Лилия Алексеевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: Lllilia@mail.ru

ТИХОНОВИЧ Мария Игоревна, старший преподаватель кафедры ОПД ОВД в ОУ, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: Tihonovich.ru@mail.ru

ALEKSEEVA L.A., Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after Lukyanov V.V. (Russian Federation, Orel), e-mail: Lllilia@mail.ru

TIKHONOVICH M.I., Senior lecturer of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies, Orel Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation named after Lukyanov V.V. (Russian Federation, Orel), e-mail: Tihonovich.ru@mail.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В ПЕРИОД НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

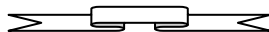
THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF AMERICAN AND EUROPEAN FEDERALISM IN THE MODERN PERIOD

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении истории становления теории и практики федерализма. Раскрывается генезис становления идей построения федеративных государств в Европе и Северной Америке в эпоху Нового времени. Авторы анализируют практику территориального строения государств Античности, Средневековья, обращая особое внимание на развитие европейской и американской политико-правовой мысли Нового времени. Обобщается фактическое закрепление принципов федерализма в нормативных актах, также указывается специфика образования и развития федеративных государств.

Ключевые слова: Новое время, Новейшее время, федерация, федерализм, федералисты, Йоханнес Альтузиус, Д. Адамс, А. Гамильтон, Д. Мэдисон.

Abstract. This article aims to consider the history of the theory and practice of federalism. In this context, the process of development of the ideas of building federal states in Europe and North America in the Modern period is presented. The authors analyse the practice of the territorial structure of the states of antiquity and the Middle Ages. Much attention is given to the development of European and American political and legal thought of the Modern period. As a result, it summarizes the normative consolidation of the principles of federalism. Special features of the formation and development of federal states are noted.

Keywords: Modern period, Contemporary period, federation, federalism, federalists, Johannes Althusius, J. Adams, A. Hamilton, J. Madison.

ВВЕДЕНИЕ

Федерализм представляет собой один из самых трудных для определения понятий

историко-политических феноменов, попытки осмыслить которого предпринимались с древнейших времен. Федерализм выступает

следствием модернизации общественных отношений в области государственного строительства, а идеи федерализма, внедренные на практике, свидетельствуют о происходящих в конкретном обществе демократических процессах. Федеративное устройство государства – это всегда поиск оптимального баланса между интересами составляющих государство территорий, распределение суверенитета между центром и субъектами. Постоянный поиск наиболее эффективной федеративной модели обуславливает актуальность настоящей тематики и заставляет исследователей обращаться к историческому и зарубежному опыту построения федеративных государств. Как справедливо подчеркивается в исторической литературе, «федеративные отношения постоянно развиваются, и до настоящего времени имеются проблемы в сфере регулирования федерализма» [3, С. 60].

Имеет место точка зрения, что в своей эволюции федерализм преодолел три этапа.

На первом этапе формировались соответствующие государственные структуры, к числу которых можно отнести симмахии – военно-политические союзы федеративного типа, заключаемые между полисами в Древней Греции, а именно: Пелопоннесский союз, Делосская симмахия, Ахейская симмахия и другие. Для подобного рода объединений был присущ ряд признаков, свойственных и современным федерациям, такие как общие денежные единицы, общее гражданство, общие законы, общность вооруженных сил. Подобные союзы в указанный период не отличались стабильностью и, как правило, распались после устранения тех причин, которые приводили их к объединению. Идеалом древних греков оставалась автаркия полиса [7, С. 13].

Подобного рода образования имели место и в Древнем Риме. Сам Рим в составе тридцати латинских полисов входил в состав

Латинской федерации.

Второй этап формирования федерализма связан с осмыслением его в рамках протестантизма и механистического детерминизма.

В эпоху Возрождения и Реформации формируются новые федеративные структуры, происходит осмысление различного рода взаимоотношений между личностью и обществом, между различными негосударственными (в частности, церковными) и государственными структурами. Всё чаще мыслители обращаются к идее суверенитета, который, например, в работах Йоханнеса Альтузиуса именуется народным и предполагает право на объединение посредством договоров [9, С. 247].

Идеи федерализма имеют место также в работах Канта и Монтескье. При этом, последний приходит к выводу о том, что именно федерация представляет собой идеальную форму государственного устройства. В свою очередь, Кант предпринимает в своих работах попытки обосновывать необходимость возникновения всемирной федерации.

Близкие по духу мысли высказывали и анархисты, в числе которых Ж. Прудон, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин.

Третий этап – существование федерализма в качестве элемента американизма. Конец XVIII века ознаменован образованием США, что стало знаковым событием и практическим воплощением теоретически обоснованных идей федерализма. Идеи федерализма нашли свое отражение в законодательстве, символике, особенностях взаимоотношений органов власти, построении правовой системы, мировосприятии населения США и определении его национальной идентичности.

Идеология США, пропагандирующая его исключительность во всех сферах общественной жизни, декларирует и исключительность американского федерализма. Отчасти соглашаясь с этим суждением, можно отме-

титель, что именно американская федерация продемонстрировала историческую стабильность, чего нельзя сказать об античных и средневековых образованиях. И именно, пожалуй, с США федеративное устройство стало набирать всё большую популярность в мире.

По мнению немецкого, профессора Х. Кильпера, в настоящее время свыше 70 % государств Земли в той или иной мере организованы на основе федерализма. Несмотря на кажущуюся очевидность определения понятия, федерализм является одним из самых трудных для определения феноменов. Учитывая то, что само понятие федерализма является многоаспектным, неудивительно, что существуют различные точки зрения на его семантику. Говоря о происхождении термина, стоит отметить, что федерализм образован от латинского *foedus* – «союз, договорные отношения». Таким образом, выражение концепции федерализма заключается в принципах договора, партнерства, добровольного согласия [2, С. 128]. Термин «федерализм» – понятие плюралистичное. Ученые на сегодняшний день относят его не только к форме государственного территориального устройства, но и к концептуальному политическому движению за федеративное устройство в исторической перспективе.

Д. Тэпс считает, что федерализм зарождается при взаимодействии государства и гражданского общества, являясь своеобразной свободой прав гражданского общества, выступающей основанием демократизма [8, С. 5]. Автор считает подход наделения термина «федерализм» многофункциональным содержанием довольно перспективным.

Обобщая существующие в современной литературе точки зрения, можно отметить, что «федерализм» упоминается в следующих аспектах:

1. Федерализм может пониматься как комплексное общественное явление, синте-

зирующее социально-юридическую, политическую, экономическую и духовно-культурную сферы.

Н. М. Добрынин указывает, что федерализм – это явления и отношения, связанные с федеративной формой государства [4, С. 16]. А британский геоэтнограф Грэм Смит под федерализмом понимает определённое мировоззрение, отражающее идеальную форму организации жизнедеятельности людей, предполагающее единство общенационального и регионального [6, С. 38].

2. Федерализм может пониматься в качестве базового принципа государственного устройства. В. А. Черепанов отмечает, что федерализм в качестве правовой категории следует отделять от иных неправовых явлений, имеет место необходимость ограничивать объем понятия. Таким образом, автор выделяет своё видение термина «федерализм», называя его принципом, лежащим в основе государственного устройства и позволяющим обеспечить государству его единство и целостность [11, С. 17]. Именно практическая реализация принципа федерализма позволяет урегулировать разногласия и объединить людей на государственном уровне.

3. Федерализм может рассматриваться не только как принцип, но и как реализованная, практически существующая модель территориального устройства государства [1, С. 9].

4. Федерализм может рассматриваться в качестве процесса урегулирования конфликтов между центром и регионами посредством нормативного закрепления и фактической организации их взаимодействия. В этом ключе федерализм можно рассматривать в качестве наиболее эффективного набора методов управления [12, С. 31].

5. Федерализм рассматривается в качестве режима и формы государственного устройства, которые определяют разделение власти по вертикали, что обеспечивает эффективность и демократизм публичной вла-

сти в том или ином государстве.

Существование целого конгломерата подходов к определению понятия «федерализм» предопределило достаточно большое количество концепций федерализма, имеющих своих сторонников-федералистов. Концепция в общем представляет собой совокупность взглядов на какой-то объект, которые в комплексе формируют определенную точку зрения касаясь того или иного явления. Несмотря на то, что зачатки федерализма имели место и в Древней Греции, и в Древнем Риме, его родиной принято называть США.

Новаторские идеи относительно государственного устройства были отражены в журнале «Федералист», включавшем серию статей А. Гамильтона, Д. Мэдисона и других. А. Гамильтон принадлежал к числу наиболее влиятельных лидеров федералистов, пытаясь донести американскому народу, что федерация просто необходима для их государства. Сама федерация представляет собой ассоциацию нескольких штатов в один штат. Он сравнивал ее с неким барьером, который будет препятствием для внутригосударственных конфликтов и народных восстаний. Кроме того, именно федеративное устройство, по его мнению, поможет обеспечить свободу штатов. Взгляды Гамильтона сформировались под влиянием идей Монтескье о необходимости разделения властей и устройства государства на конституционной основе.

Федералисты считали, что федеративное устройство не приведет к деспотии, а способно преодолеть слабость конфедерации США. Сторонники концепции федерализма отмечали, что только сильная центральная власть – первый шаг к авторитетному государству. Данные деятели фактически являлись представителями крупной торговой и промышленной буржуазии. Именно буржуазные круги стояли за такими полярными по

своему содержанию и противоречивыми друг другу идеологическими доктринами Нового времени, как федерализм, национализм, милитаризм [10, С. 86].

Также важную роль в разработке концепции федерализма сыграл Джеймс Мэдисон, автор Билля о правах 1791 года, один из составителей текста американской Конституции. В целях наиболее полной реализации прав граждан Джеймс Мэдисон предложил реализовать ряд гарантий: федеративная форма государственного устройства, представительная демократия; срочность полномочий представительных органов и должностных лиц. Именно федеративное устройство, по его мнению, вдвойне гарантирует права народа, поскольку правительства будут надзирать друг за другом и каждое за собой.

Характерной отличительной особенностью американского федерализма является закрепленное в Билле о правах право граждан на хранение и ношение оружия. Данная поправка в законодательство США, как никакая другая, вызывает в обществе наибольшие дискуссии. В 2010 году Верховный Суд США вынес историческое решение, подчеркивающее право граждан на ношение оружия и использование его в целях самообороны, запретив правительствам штатов превышать пределы запретов, установленных федеральным правительством. Подобное решение еще раз подчеркнуло договорный характер федерации, в соответствии с которым имеет место четкое, основанное на договоре и закрепленное в Конституции разграничение предметов ведения.

В свою очередь Джон Адамс поднял вопрос о необходимости обособления трех отраслей власти при наличии сильной исполнительной власти, находящейся в равновесной системе с другими ветвями. Несмотря на то, что мнений и взглядов федералистов достаточно большое количество, всё их разнообразие сводится к двум основным кон-

цепциям – дуалистического и кооперативного федерализма. Конечно, существуют и другие теории, но они, как правило, выведены из основных положений вышеуказанных концепций, то есть выступают их производными.

Как уже было сказано ранее, родина федерализма – США, обе концепции возникли именно в Соединенных Штатах.

Концепция дуалистического федерализма стала формулироваться в 30-е годы XX века. Выделяют основные черты данной теории: во-первых, это формат отношений в процессе взаимодействия центра и субъектов (он носит исключительно договорный характер). Во-вторых, добровольность объединения участников федеративного государства. В-третьих, дифференциация полномочий между центром и субъектами. Важно, что при этом сохраняется суверенитет сторон. Дуалистический федерализм – это исключение иерархической системы подчинения. В данном случае прослеживается социально-экономическая и политическая самостоятельность, определенная самодостаточность участников данных правоотношений. Учитывая вышесказанное, регионы, как правило, не обращаются к федеральному центру за помощью. Федеральный центр в свою очередь акцентирует силы на реализации собственных ресурсов.

Концепция кооперативного федерализма берет свое начало в 1938 году. Первые идеи, которые были основаны на поиске оптимальных конструкций сотрудничества между центром и регионами, а также на их взаимодействии для благополучия государства, были сформулированы американкой Дж. Кларк. То есть, в отличие от дуалистического федерализма, где можно было выделить два уровня власти, в данной концепции мы наблюдаем объединение участников для реализации общих нужд. В указанной теории приемлемо вмешательство центра в дела субъектов.

Изучение американских концепций, как

правило, происходит по историческим этапам. К первому этапу относятся лишь попытки разделения власти, определения полномочий. Второй период – рассвет дуалистического федерализма. К третьему периоду относят уже известный нам кооперативный федерализм. Несмотря на то, что выше было указано наличие двух основных концепций, выделяют четвертый период, который характеризуется появлением нового федерализма. Данная концепция напрямую связана с именем республиканца Р. Никсона.

Никсон вложил в основу концепции теорию прав штатов, в которой отражалась самостоятельность и независимость штатов как административных образований. Особенность истории развития концепций федерализма заключается в том, что при появлении одной теории, через какое-то время на основе ее базовых позиций появляется другая, более совершенная.

Важным вопросом выступают не только концепции организации федераций, но и их классификация. Существуют различные классификации федераций.

Например, по способу образования федерации, разделяют на союзную (например, СССР, который был основан на договоре) и децентрализованную (например, РСФСР, где в основу заложен правовой акт, принятый на уровне центральной власти).

В зависимости от характера и степени взаимосвязанности субъектов федерации выделяется дуалистический и кооперативный федерализм. Дуалистический федерализм предполагает разделение функций и полномочий между центром и регионами. Кооперативный – строится на принципах солидарной власти, децентрализации, совместности выполняемых всеми субъектами функций и совместной ответственности.

В зависимости от однородности субъектов выделяют симметричный, асимметричный и симметричный с элементами асиммет-

рии федерализм. Симметричные федерации включают в себя юридически равные административные единицы, как, например, в США и Германии. В асимметричных федерациях субъекты могут по-разному именоваться и иметь различия в полномочиях, как, например, в России [5, С. 122].

Помимо классификации существующих федераций и концепций федерализма стоит рассмотреть подробно понятие федерации, её основные признаки и особенности, а также существующие на сегодняшний день федеративные государства. Федерация – это, прежде всего, государство, а точнее, форма его территориального устройства, где субъекты имеют определенную самостоятельность в плане властных отношений. Федерациям свойственны действие единой конституции на территории страны, наличие федеральных органов власти, а также единое гражданство и общая валюта. Но важно то, что одновременно с этим члены федерации могут иметь собственные конституции и высшие органы власти субъектов – это одна из отличительных черт федерализма.

Центральные органы власти и власть субъектов государства делят между собой властные полномочия, определяют предметы ведения, которые регламентированы в основном законе страны.

Федерация, так же, как и любое явление, обладает рядом отличительных признаков: 1) территория включает в себя отдельные субъекты. Это могут быть штаты, провинции, республики и области, а также эмираты и земли; 2) наличие двухуровневой системы органов государственной власти. Данный признак говорит о том, что наряду с федеральным правительством и парламентом существуют органы власти на уровне субъектов; 3) помимо основного закона страны – конституции, субъекты издаются региональные учредительные акты – конституции, уставы, основные законы; 4) субъекты могут обла-

дать собственным институтом гражданства, столицей, гербом и т. п.; 5) вся собственность поделена между субъектами и федерацией. Субъекты не суверенны и не могут выступать в качестве субъектов международных отношений. Этим федерация отличается от конфедерации – союза суверенных государств. В международных отношениях государство представляют федеральные органы.

К современным федерациям относятся Соединенные Штаты Америки. Состоят из 50 штатов и одного федерального округа – Колумбия. Штаты наделены широкими полномочиями. Высший орган законодательной власти в США – двухпалатный Конгресс, который состоит из Палаты представителей и Сената. Еще один пример – Российская Федерация, включающая в себя 85 субъектов. Субъекты России представлены в виде республик, краев, областей, автономных округов и области, а также трех городов федерального значения. Следующий пример федерации в современном мире – Федеративная Республика Германия (ФРГ), которая состоит из 16 федеральных земель, обладающих юридически равным статусом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно отметить, что федерация – одна из форм государственного территориального устройства. Федерация основывается на принципе соглашения, договора и партнерства. Концепция федерализма – предмет множества дискуссий среди современных учёных-правоведов, публицистов. Но, несомненно, одно – именно концепция федерализма отвечала демократическим преобразованиям, происходящим в период Нового времени в Европе и Северной Америке. Федерация обладает рядом признаков, которые отличают ее от других форм территориального устройства. И только федерация, как никакая другая форма устройства, позволяет найти баланс между интересами центра и регионов, не просто механически

объединить, а именно максимально учесть различные потребности, вытекающие из исторических, языковых и иных особенностей того или иного региона. Именно в период Нового времени федерализм рассматривается учёными и мыслителями не только как форма государства, но и как определенная идеология, мировоззрение, политическое направление.

Библиография:

1. Андерсон Дж. Федерализм: введение / пер. с англ. А.Куряева, Т.Даниловой. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2009. – 121 с.
2. Большаков А.Г. Современный федерализм и кризис федералистских проектов в странах Центральной и Восточной Европы // Динамика политических систем и международных отношений: Вып. 1. – Казань: Издательство КГУ, 2006. – 53 с.
3. Гарина О.В. Отдельные аспекты российского федерализма // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3 (183). – С. 60-62.
4. Добрынин Н.М. Российский федерализм: становление, современное состояние и перспективы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 426 с.
5. Киселева А.В. Теория федерализма / А.В. Киселева, А.В. Нестеренко. – М.: Издательство Московского университета, 2002. – 304 с.
6. Миронюк М.Г. Современный федерализм: Сравнительный анализ: учебное пособие. – М.: РОССПЭН, 2008. – 276 с.
7. Родионов А.Б. Элементы теории федерализма. Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2006. – 23 с.
8. Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. – 202 с.
9. Философский энциклопедический словарь. – М.: Инфра-М., 1997. – 576 с.

10. Цыбаков Д.Л. Гражданский милитаризм и его проявления в современном политическом процессе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 86-91.

11. Черепанов В.А. Теория российского федерализма: учебное пособие. – М.: МЗ-ПРЕСС, 2005. – 320 с.

12. Чиркин В.Е. Современный федерализм: сравнительный анализ. – М.: Издательство ИНИОН РАН, 1995. – 71 с.

References:

1. Anderson Dzh. (2009) Federalizm: vvedeniye [Federalism: an introduction] / per. s angl. A. Kuryayeva, T. Danilovoy. – M.: ZAO Izdatel'stvo «Ekonomika». – 121s. (In Russ.).
2. Bol'shakov A.G. (2006) Sovremennyy federalizm i krizis federalistskikh proyektov v stranakh Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy [Modern federalism and the crisis of federalist projects in the countries of Central and Eastern Europe] // Dinamika politicheskikh sistem i mezhdunarodnykh otnosheniy: Vyp. 1. – Kazan': Izdatel'stvo KGU. – 53s. (In Russ.).
3. Garina O.V. (2020) Otdel'nyye aspekty rossiyskogo federalizma [Certain aspects of Russian federalism] // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – №3 (183). – S.60-62. (In Russ.).
4. Dobrynin N.M. (2005) Rossiyskiy federalizm: stanovleniye, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy [Russian federalism: formation, current state and prospects]. – Novosibirsk: Nauka. – 426s. (In Russ.).
5. Kiseleva A.V. (2002) Teoriya federalizma [The theory of federalism] / A.V. Kiseleva, A.V. Nesterenko. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. – 304s. (In Russ.).
6. Mironyuk M.G. (2008) Sovremennyy federalizm: Sravnitel'nyy analiz: uchebnoye posobiye [Modern Federalism: A Comparative Analysis]. – M.: ROSSPEN. – 276s. (In Russ.).

7. Rodionov A.B. (2006) Elementy teorii federalizma [Elements of the theory of federalism]. Avtoref. dis... kand. jurid. nauk. – Tambov. – 23s. (In Russ.).

8. Teps D. (2002) Kontseptual'nyye osnovy federalizma [Conceptual foundations of federalism]. – SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press. – 202s. (In Russ.).

9. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. – M.: Infra-M., 1997. – 576s. (In Russ.).

10. Tsybakov D.L. (2009) Grazhdanskiy militarizm i yego proyavleniya v sovremennom politicheskom protsesse [Civil militarism and its manifestations in the modern political process] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki. – №1(9). – S. 86-91. (In Russ.).

11. Cherepanov V.A. (2005) Teoriya rossiyskogo federalizma: uchebnoye posobiye [The theory of Russian federalism: textbook]. – M.: MZ-PRESS. – 320s. (In Russ.).

12. Chirkin V.Ye. (1995) Sovremennyy federalizm: sravnitel'nyy analiz [Modern Federalism: A Comparative Analysis]. – M.: Izdatel'stvo INION RAN. – 71s. (In Russ.).

ЗАСЛОНКИНА Ольга Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: zaslunkina11@mail.ru

ZASLONKINA O.V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian languages, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after Lukyanov V.V. (Russian Federation, Orel), e-mail: zaslunkina11@mail.ru

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РКМ – ВЛКСМ И МОЛОДЁЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ

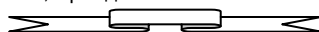
THE PROBLEM OF THE HISTORICAL CONTINUITY OF ALL-UNION LENINIST YOUNG COMMUNIST LEAGUE AND YOUTH PARLIAMENTARISM IN RUSSIA IN THE LAST QUARTER OF THE XX CENTURY

Аннотация. Основная цель статьи заключается в анализе исторического опыта в становлении и развитии российского молодёжного парламентаризма. Автором исследуется возможность преемственности организации и функций между консультативно-совещательными органами молодых парламентариев постсоветской России и институтами коммунистического союза молодёжи, существовавшего в Советской России и Советском Союзе в 1918–1991 гг. Делается вывод о принципиальных различиях между деятельностью РКМ – ВЛКСМ и молодёжным парламентаризмом новейшей российской истории. Обосновывается, что они заключаются в несовпадении идеологических установок, организационного строения и функционального предназначения рассматриваемых субъектов. Наряду с этим определена историческая преемственность постсоветского молодёжного парламентаризма по отношению к коммунистическому союзу молодёжи времен СССР определяется в однотипном юридическом формате деятельности в качестве общественных организаций, а также в выполнении задач формирования кадрового резерва для пополнения рядов политических элит и управленческого аппарата государства.

Ключевые слова: исторический процесс, новейшая история, РКМ, ВЛКСМ, съезд комсомола, молодёжный парламент, молодёжный парламентаризм, партийно-советская бюрократия, Гражданская война.

Abstract. The article deals with the historical experience of the development of Russian youth parliamentarism. The author examines the possibility of continuity of organization and functions between the consultative and advisory bodies of young parliamentarians of post-Soviet Russia and the institutions of All-Union Leninist Young Communist League in 1918-1991. It is formulated that the fundamental differences between the activities of All-Union Leninist Young Communist League and the youth parliamentarism of recent Russian history. It argues for the idea that they consist in a mismatch of ideological attitudes, organizational structure and functional purpose of the subjects under consideration. At the same time, a certain historical continuity of post-Soviet youth parliamentarism in relation to All-Union Leninist Young Communist League of the USSR is stressed. In conclusion much attention is drawn to the same legal format of activity as public organizations, as well as in the tasks of forming a personnel reserve to replenish the ranks of political elites and the administrative apparatus of the state.

Keywords: historical process, contemporary history, All-Union Leninist Young Communist League, Komsomol, Komsomol Congress, youth parliament, youth parliamentarism, Soviet party-bureaucratic system, civil war.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из дискуссионных вопросов новейшей истории нашей страны, продолжает оставаться проблема формирования отечественной вариации молодёжных консультативно-представительских институтов в постсоветской России, ввиду того что прослеживается определенная взаимосвязь между политическими и общественными институтами позднего советского периода и теми организациями, что создавались в процессе суверенизации Российской Федерации. В данном контексте закономерно возникает вопрос об объективности исторических параллелей между опытом развития советского комсомола и российского молодёжного парламентаризма.

Важные выводы содержатся в работе В. В. Мархинина и Н. В. Ушаковой, которые связывают инициирование развертывания системы молодёжного парламентаризма в новейшей российской истории с запросом на эксплуатацию социально-политических ресурсов молодых граждан [6, С. 40–45]. Можно согласиться со сделанными, указанными авторами выводами: с различной степенью эффективности такую стратегию, как во времена СССР, так и в постсоветской России реализовали многие субъекты политической истории – от органов государственной власти, массовой правящей партии периода 1920–1980 гг. до «протестных» движений и парламентских партий периода 1990-х гг. При этом для последних характерно использование архаичных для современного политического процесса методов и практик советской молодёжной политики, которая реализовывалась главным образом через систему организаций Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодёжи (ВЛКСМ). В данном контексте заимствование инструментария молодёжного парламентаризма из сферы молодёжной политики зарубежных европейских государств прямо связывается ря-

дом ученых с неэффективностью воспроизводства массовой государственно-общественной организации социализации молодёжи, которой был комсомол 1920–1960-х гг., в совершенно иную историческую эпоху, то есть в постсоветский период [4, С. 52].

СТАНОВЛЕНИЕ МОЛОДЁЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Исторический процесс в России и в зарубежных государствах отмечен активным присутствием в общественно-политических событиях различных общественных объединений молодёжи. Еще в период традиционного общества социализация молодых людей проходила в рамках, так называемых мужских союзов, мужских домов, воинских братств – половозрастных объединений сверстников, существовавших на протяжении многих столетий практических у всех народностей, впоследствии вошедших в состав Древней Руси. Именно их иногда называют первыми протогосударственными объединениями, способствующими выделению сообществ во главе с военными вождями из родоплеменной организации. Среди «мужских союзов» выделялись и молодёжные вариации – подростковые, юношеские, пребывание в которых являлось обязательным этапом для всех будущих полноправных, то есть имеющих право голоса на собраниях, членов родовой или территориальной общины [7, С. 23–28].

Молодёжные корпорации славянского этноса оставались реальностью до эпохи заката традиционного аграрного общества, то есть до XX столетия. Выполняя функции социализации личности, такие структуры не выходили за пределы локальных территорий и не несли каких-либо политических функций, растворяясь среди институтов сословного социума. Аналогом классического «мужского союза» можно считать и древнерусскую дружину, которая, будучи стержнем военно-

политической и управленческой организации русских княжеств, имела в своем составе и специфический молодежный филиал [3]. Речь идёт о «младшей дружине», состоящей из известных по летописям воинов-слуг – «отроков» и «детских». Причём имеются сведения о вовлечении «младшей дружины» в борьбу за власть на стороне князей в их противостоянии с традиционной воинской аристократией.

Однако выделение молодежи в самобытную социальную группу, имеющую в числе прочего и специфические социально-политические интересы, приходится на период всесторонней модернизации, апогей которой как в России, так и в индустриально развитых странах Европы и Нового Света приходится на XX столетие. Именно в указанную эпоху принципиально меняется традиционная социальная структура, разрушаются территориальные общины и сословия. В результате молодежь, оказавшись в ситуации политико-экономических катаклизмов, лишается устоявшейся системы патронажа и социализации, которая ранее в течение столетий позволяла молодым поколениям достаточно органично интегрироваться в общественно-политические отношения. Ответом на вызов времени в XX столетии начинается включение молодежной проблематики в идеологические программы политических партий и массовых общественных движений. Впоследствии молодежная политика становится одним из направлений стратегического курса правительств национальных государств, вследствие чего в практике демократического процесса появляется такое явление, как молодежный парламентаризм. Первые его образы появились в США в 1910–1916 гг. на основе общественных дискуссионных клубов.

В Советской России, а затем и в СССР молодежная политика развивалась, прежде всего, через организации коммунистического союза молодежи (РКСМ, затем – ВЛКСМ),

образованного в октябре-ноябре 1918 года на съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи. Последние стали возникать ещё в обстановке революционного подъёма 1919 года, причём наряду с молодежными социалистическими организациями молодых рабочих и крестьян-батраков, примерно до 1920 года продолжали действовать клубы и объединения учащейся молодежи, структурированные в Союз коммунистов-учащихся. Высшим органом работы РКСМ – ВЛКСМ в 1920-х – начале 1930-х гг. являлись съезды и конференции, как общенационального масштаба, так и проводившиеся на губернском и уездном уровнях. Именно съезды комсомола можно с определенным допущением назвать прообразом современной отечественной модели молодежного парламентаризма, которая реализуется в Российской Федерации в постсоветский исторический период. Всего таких всероссийских/всесоюзных съездов за период с 1918 по 1991 год прошло 22, причём подавляющее большинство из них пришлось на первые годы советской власти, отмеченные революционной романтикой периоды «военного коммунизма» и «новой экономической политики». Со временем такая форма прямой демократии, как съезды (как партийные форумы и съезды советов, так и комсомольские собрания общенационального масштаба), превратились в формальные мероприятия, полностью подконтрольные политическому курсу правящей партократии.

Появление современных форм молодежного представительства в Российской Федерации приходится на период ее новейшей истории конца 1980-х – начала 2000-х гг. Попытка построения либеральной демократии российского образца предусматривала вовлечение молодежи в происходящие социально-экономические процессы через эффективный формат взаимодействия между молодым поколением и государственными властями всех уровней и местным само-

управлением. В качестве такового был избран институт молодёжного парламентаризма, во второй половине XX столетия получивший развитие в государствах Европейского союза и в странах Северной и Южной Америки. Причём с момента своего создания молодёжный парламентаризм приобрёл значение института международной политики, будучи избран атлантическими державами в качестве инструмента «демократического транзита» и распространения по всему миру либеральных ценностей глобального капитализма.

МОЛОДЁЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

К концу эпохи Холодной войны наибольшую известность получили такие организации, как Международная молодёжная палата и Европейский молодёжный парламент. Причём первая из названных организаций была с момента своего создания в 1949 года тесно аффилирована с крупным американским капиталом, будучи проводником интересов США в странах «третьего мира», в первую очередь в регионе Латинской Америки. Начиная с 1992 года её филиал начал действовать и в Российской Федерации.

Европейский молодёжный парламент был учреждён в 1987 году в первую очередь как развитие международного образовательного проекта. Его национальное отделение в России с 2004 года зарегистрировано на базе Российского университета дружбы народов. Нормативной основой молодёжного парламентаризма в новейшей истории стала принятая в 1992 году Европейская хартия об участии молодёжи в региональной и муниципальной политике, переработанная в 2003 году. В её содержании властям государств – членом «единой Европы» прямо предписывалось обеспечить молодёжи участие в работе политических партий и неправительственных организаций, а также создать условия для привлечения молодых кандидатов в избирательный процесс регио-

нального и муниципального уровней. Основным субъектом социально-политической активности молодёжи Хартия провозгласила представительские структуры в форме молодёжных советов, парламентов или форумов, различия между которыми не были прописаны в данном документе.

Исторический опыт развития молодёжного парламентаризма в зарубежных странах показывает, что практически ни в одной из них рассматриваемый институт не смог обрести статуса самостоятельного политического представительского института. Молодёжные парламенты в странах Европейского союза в 1990-е – начале 2000-х гг. действовали в двух основных вариациях: в качестве клубов молодёжных активистов при законодательных органах власти либо как одна из форм общественных организаций, создаваемых, прежде всего, в рамках общественно-политической деятельности студенчества [8, С. 158–161].

Деятельность такого субъекта, как Международная молодёжная палата, в период Холодной войны и последующих событий должна рассматриваться в контексте международной информационно-психологической борьбы второй половины XX столетия. Не вызывает сомнений, что попытки развертывания сети формально негосударственных организаций, действующих под эгидой рассматриваемой молодёжной палаты в развивающихся государствах, служили целью формирования у молодёжи идейно-политических установок и убеждений, отвечающих замыслам идеологов геополитической экспансии атлантизма в годы противостояния с советским военно-политическим блоком и в период постбиполярности. В данном контексте весьма обоснованными представляются тезисы, согласно которым молодые поколения оказываются наиболее уязвимыми категориями в условиях переломных периодов отечественной и мировой истории.

Именно в такие эпохи борьба за политическую власть стремительно преобразуется при помощи внедрения всё более эффективных технологий и приёмов давления на социальные группы и каждого участника общественно-политических процессов [9, С. 129–132].

В постсоветской истории России формирование молодёжного парламентаризма также проходило под очевидным влиянием сложившейся в период распада СССР политической и идеологической конъюнктуры – в 1991 году, когда на закате существования СССР было принято законодательство об общественных объединениях, что знаменовало собой завершение монополии Всесоюзного коммунистического союза молодёжи на представительство интересов молодых соотечественников. Согласно действующим вначале 1990-х гг. нормативным актам, создание молодёжных общественных объединений, как и всех других институтов гражданского общества, носило уведомительный регистрационный характер.

В то же время в соответствии с концептом либеральной политической демократии, модель которой насаждалась в ранний постсоветский исторический период в России, молодёжное движение было лишено регулярной и системной государственной поддержки. ВЛКСМ официально прекратил свое существование осенью 1991 года, а организации, пытавшиеся выступить в качестве преемников коммунистического союза молодёжи, не обладали необходимыми ресурсами и покровительством политических элит.

Действительно, при сравнении практики и специфики деятельности комсомольских организаций и институтов молодёжного представительства, возникших в период постсоветской истории, выделяются как общие, так и особенные параметры их организационного строения и функциональной практики. Во-первых, РКСМ – ВЛКСМ являлся массовой общественной организацией, охватывая

большую часть социально активной молодёжи и практически все категории молодых граждан – от студентов и учащихся до рабочих, колхозников, военнослужащих, интеллигенции. Во-вторых, этот союз находился под постоянным контролем правящей партии и, по сути, являлся ее молодёжным филиалом. В-третьих, деятельность РКСМ – ВЛКСМ была четко идеологизирована и являлась ориентированной (с течением времени всё более и более формально) на утверждение в массовом сознании доктрины коммунистического общества. В-четвертых, коммунистический союз молодёжи обладал организационным единством по всей территории СССР и активно участвовал как в политической борьбе за власть в период Гражданской войны 1918–1922 гг., так и в последовавшей затем борьбе с различными повстанческими антисоветскими движениями, а также в форсированной индустриализации и во всесторонней модернизации общества.

В исторической науке отмечаются попытки высших комсомольских функционеров играть самостоятельную роль в перипетиях внутривластного соперничества, что выразилось в действиях выходцев из руководства ВЛКСМ во главе с А. Н. Шелепиным и В. Е. Семичастным в период кризисов власти в конце 1950-х – второй половине 1960-х гг. [1, С. 29–48].

Молодёжные филиалы массовых правящих левых партий называются в качестве катализатора внутриэлитного раскола в зарубежных странах социалистической ориентации. Так, по мнению Н. Вавилова, именно китайский комсомол, вернее, возглавляющие его номенклатурные функционеры к концу XX столетия структурировались в самостоятельную группировку в партийно-политической системе КНР. Причём по своей идеологической направленности таковые являются радикальными реформаторами либерального толка, на протяжении многих

лет ориентированные на Демократическую партию США и оппонирующие идее российско-китайского геополитического союза [2, С. 71]. Принимая во внимание отмеченный факт, становится более понятной идейная мимикрия бюрократического руководства бывшего ВЛКСМ последних лет существования советского комсомола. Очевидно, что, как и для их коллег из Коммунистического союза молодёжи Китая, новым поколениям управленцев к 1970–1980 г. оказались далеки принципы социалистической справедливости, а символы и лозунги времен борьбы за советскую власть воспринимались ими как пропагандистские клише, имеющие практическое значение, прежде всего, для обеспечения карьерного продвижения в иерархии правящей партии.

В свою очередь, молодёжные парламенты постсоветского периода отечественной истории определяются в качестве кадрового резерва наиболее влиятельных политических партий и государственных и муниципальных управленческих структур. В этом их функции похожи на обязанности по рекрутированию комсомольских кадров в ряды партийно-советской бюрократии. Другим сходством между комсомольскими организациями и молодёжным парламентаризмом постсоветского исторического периода назовём несомненную и далеко не всегда формализованную подчинённость по отношению к правящим политическим элитам.

Однако в начальный период постсоветской отечественной истории имело место спонтанное и опосредованно связанное с федеральной государственной властью становление молодёжного парламентаризма в России. Молодёжные парламенты в указанное время формировались, прежде всего, на региональном уровне, при этом механизмы сотрудничества с представительными и исполнительными органами власти субъектов Федерации носили конъюнктурный и ситуа-

тивный характер.

Как правило, молодёжные представительские институты на рубеже 1980–1990-х гг. наделялись правами общественной организации и соответствовали статусу юридического лица, не имея при этом прямой видимой связи с органами государственной власти. Приведённые примеры соответствуют, прежде всего, опыту национальных автономий – Республики Калмыкия, Удмуртии, Саха-Якутии. Очевидно, что первенство национальных республик в создании структур молодёжного политического представительства может быть объяснено совсем не объективными условиями для формирования гражданского общества в перечисленных регионах России. Наоборот, именно с национально-государственными автономиями исследователи связывают укрепление региональных автократий в период 1990-х гг. Таким образом, обращение формирующихся в республиках Российской Федерации этнократий к практике молодёжного парламентаризма имело под собой стремление подкрепить политику своей суверенизации таким атрибутом, как «молодёжные парламенты».

Отметим, что институционализация квазигосударственности в национальных автономиях, происходившая в новейший период отечественной истории, имела своей целью присвоение как можно большего объёма полномочий региональными элитами, что очевидным образом противоречило концепции российского федерализма.

Для второй половины 1990-х гг. было характерно доминирование центробежного начала в формировании отечественной модели молодёжного парламентаризма. Это выразалось в отсутствии идеологического целеполагания на создание единой нормативной базы политического представительства молодых граждан в общенациональном масштабе. Отсюда мы можем объяснить первенство региональных политических элит

в вопросе институционализации молодёжного парламентаризма. Указанные обстоятельства предопределили эклектическую и многообразную природу стратегий молодёжной политики в различных субъектах Российской Федерации.

Следует указать на противоречивость регионального опыта формирования молодёжного политического представительства. Очевидно, что на данный процесс серьезно и весьма избирательно повлиял фактор внешнего воздействия, а именно обстановка «парада суверенитетов» 1990-х гг. Н. М. Красникова, имея в виду в первую очередь республики Северного Кавказа, в этой связи указывает, что особенности патриархальной культуры и религиозный фактор серьезно затормозили институционализацию молодёжного парламентаризма в данном регионе [5, С. 136–148].

Наиболее обоснованным представляется объяснение неравномерности становления регионального уровня молодёжного политического представительства исходя из дифференциации политического процесса в российских регионах, включая различия между политической культурой национально-государственных автономий. Те из них, где в постсоветский период у власти оказались элиты, так или иначе вовлеченные в процесс модернизации, отличались первенством в формировании молодёжных парламентских структур. Причём таковые рассматривались, скорее, не как институты гражданского общества, а как необходимые атрибуты автономии региональных политических систем, необходимые республиканским этнократиям в качестве дополнительного ресурса в достижении баланса интересов с федеральной властью.

В других национальных автономиях, отличающихся высокой устойчивостью патриархальной политической традиции – республики Северного Кавказа, Восточной Сибири, правящие круги долгое время руководство-

вались архаичными методами управленческой практики. Появление молодёжных парламентов в таких регионах носило запаздывающий и формальный характер, будучи продиктовано уже новой политической конъюнктурой начала 2000-х гг.

Отметим, что концентрация политического запроса на формирование молодёжного парламентаризма как общенациональной системы прослеживается с начала XXI века, что можно увязывать с построением вертикали власти и курса на этатизацию общественно-политических процессов в постсоветской России. В 2002 году при Государственной Думе была учреждена Молодёжная общественная палата. Спустя 10–12 лет молодёжные институциональные структуры действовали в 79 субъектах Российской Федерации.

Молодёжная общественная палата, как и сменивший её с 2008 года Молодёжный парламент при Государственной Думе Российской Федерации, остаётся совещательным, консультативным органом. На протяжении всей постсоветской истории его деятельность велась на общественных, по сути, факультативных началах. Комплектование Молодёжного парламента осуществлялось при помощи кооптации представителей аналогичных региональных консультативных советов при законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Достаточно спорным и противоречивым следует признать одновременное параллельное сосуществование двух федеральных институтов молодёжного политического представительства – Молодёжной общественной палаты и Молодёжного парламента при нижней палате российского парламента. Причём последний по замыслу своих создателей должен был аккумулировать потенциал многочисленных молодёжных политических и общественных организаций, движений,

представленных в регионах страны. Аналогичную роль взяла на себя и Палата молодых депутатов при Совете Федерации российского парламента, ещё больше осложнив задачу создания конструкта отечественного молодёжного парламентаризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что, в отличие от РКСМ – ВЛКСМ, институт молодёжного парламентаризма в постсоветской России на протяжении 1990-х – вначале 2000-х гг. продолжал оставаться в большей мере информационно-пропагандистским проектом. Не будучи связанными, организационно в масштабах всей страны и не обладая единым руководящим или координирующим центром, российские молодёжные парламенты, выступая в качестве консультативных органов или общественных объединений, не смогли добиться статуса частично самостоятельного или автономного субъекта политической истории. При отсутствии чёткой идеологической позиции и при весьма неустойчивой связи с молодёжной средой отечественные сообщества молодых парламентариев в последней четверти XX столетия ограничились ролью кадрового резерва для пополнения региональных или общенациональных политических элит.

Библиография:

1. Александров Д.А., Головач О.А., Васильев Ю.А., Чернобаев А.А. «Обнаружена чрезвычайная засоренность кадров...». Комсомол в контексте «Ленинградского дела». 1949–1953 гг. // Исторический архив. – 2019. – № 5. – С. 29-48.
2. Вавилов Н. Некоронованные короли красного Китая. – М.: Концептуал, 2019. – 155 с.
3. Горский А.А. О составе древнерусской дружины // Российская история. – 2014. – № 6. – С. 26-31.

4. Кочетков А.В. Молодёжный парламентаризм в России: понятие и правовой статус // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2005. – № 1. – С. 51-57.

5. Красникова Н.М. Государственная молодёжная политика в регионах России: сравнительный анализ инструментов интеграции молодёжи в социально-экономические отношения // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар, 2006. – Вып. 3. – С. 136-148.

6. Мархинин В.В., Ушакова Н.В. Молодёжный парламентаризм в современной России: тенденции и перспективы развития в регионах // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 4. – С. 40-45.

7. Лисюченко И.В. Эволюция двух видов мужских союзов у восточнославянских племен // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 41 (179). – История. Вып. 38. – С. 23–28.

8. Пастухова Л.С. Международный опыт молодёжного парламентаризма // Вестник Саратовского социально-экономического университета. – 2010. – № 2. – С. 158-161.

9. Цыбаков Д.Л. Борьба идеологий в современном политическом процессе: информационно-психологический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 2. – С. 129–132.

References:

1. Aleksandrov D.A., Golovach O.A., Vasil'yev YU.A., Chernobayev A.A. «Obnaruzhena chrezvychaynaya zasorennost' kadrov...». Komsomol v kontekste «Leningradskogo dela». 1949-1953 gg. [«Found an extraordinary contamination of frames ...». Komsomol in the context of the «Leningrad affair». 1949-1953] // Istoricheskiy arkhiv. – 2019. – №5. – S.29-48. (In Russ.).
2. Vavilov N. Nekoronovannyye koroli krasnogo Kitaya [Uncrowned kings of red China]. – M.: Kontseptual, 2019. – 155s. (In Russ.).

3. Gorskiy A.A. O sostave drevnerusskoy družiny [On the composition of the old Russian squad] // Rossiyskaya istoriya. – 2014. – №6. – S.26-31. (In Russ.).
4. Kochetkov A.V. Molodozhnyy parlamentarizm v Rossii: ponyatiye i pravovoy status [Youth parliamentarism in Russia: concept and legal status] // «Chernyye dyry» v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2005. – №1. – S.51-57. (In Russ.).
5. Krasnikova N.M. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v regionakh Rossii: sravnitel'nyy analiz instrumentov integratsii molodezhi v sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya [State youth policy in the regions of Russia: a comparative analysis of tools for integrating youth into socio-economic relations] // Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye. Krasnodar, 2006. – Vyp.3. – S. 136-148. (In Russ.).
6. Markhinin V.V., Ushakova N.V. Molodozhnyy parlamentarizm v sovremennoy Rossii: tendentsii i perspektivy razvitiya v regionakh [Youth parliamentarism in modern Russia: trends and development prospects in the regions] // Vlast'. – 2019. – T.27. – № 4. – S.40-45. (In Russ.).
7. Lisyuchenko I.V. Evolyutsiya dvukh vidov muzhskikh soyuzov u vostochnoslavjanskikh plemen [Evolution of two types of male unions among East Slavic tribes] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 41(179). – Istoriya. Vyp. 38. – S. 23–28. (In Russ.).
8. Pastukhova L.S. Mezhdunarodnyy opyt molodozhnogo parlamentarizma [International experience of youth parliamentarism] // Vestnik Saratovskogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta. – 2010. – № 2. – S. 158-161. (In Russ.).
9. Tsybakov D.L. Bor'ba ideologiy v sovremennom politicheskom protsesse: informatsionno-psikhologicheskij aspekt [The Struggle of Ideologies in the Modern Political Process: Information and Psychological Aspect] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2009. – №2. – S.129–132. (In Russ.).

ЛИТВИНОВ Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (Россия, Елец), e-mail: vladlenli@yandex.ru

LITVINOV V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Yelets State University named after I.A. Bunin (Russian Federation, Yelets), e-mail: vladlenli@yandex.ru

ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ВАКУФОВ «СВЯТЫХ МЕСТ» В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

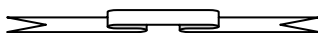
THE POLICY OF THE RUSSIAN AUTHORITIES REGARDING THE WAQFS OF «HOLY PLACES» IN CENTRAL ASIA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Аннотация. Основной целью статьи является рассмотрение проблемы вакуфов святых мест в Туркестанском генерал-губернаторстве (крае). Указывается, что в регионе находилось большое количество святых мест, как местного, так и регионального значения, а также мест поклонения, к которым шли паломники с сопредельных со Средней Азией территорий. После прихода России в этот регион делались неоднократные попытки властей Туркестанского края поставить под контроль средства, получаемые от вакуфного имущества святых мест, но они не имели сколько-нибудь заметного результата. Очевидно, что власти Туркестанского края боялись действовать резко в решении данной проблемы, понимая, что это может привести к обрушению системы, которая складывалась веками и которая, по сути, была отражением патриархально-феодальных отношений в этом сложном для России регионе.

Ключевые слова: Русский Туркестан, вакуфы, ислам, святые места, Средняя Азия, Российская империя.

Abstract. The main purpose of the article is to consider the problem of the «holy places» waqfs in the Turkestan General Government (Territory). It is indicated that there was a large number of holy places of both local and regional significance, and places of worship, which were visited by pilgrims from territories neighbouring Central Asia. It is stressed that after coming of Russia to this region, the authorities of Turkestan made repeated attempts to bring under control the funds received from waqf property of holy places, but they did not lead to any significant results. In conclusion, it should be noted that obviously, the authorities of Turkestan were afraid to act harshly in solving this problem, realizing that this could lead to the collapse of the system that took shape over the centuries and which in fact was a reflection of patriarchal-feudal relations in this sensitive for Russia region.

Keywords: Russian Turkestan, waqfs, Islam, holy places, Central Asia, Russian Empire.

ВВЕДЕНИЕ

В рассматриваемой нами Средней Азии сложилась своя особая система владения вакуфным имуществом святых мест. В регионе находилось большое количество объектов паломничества, как регионального значения, так

и места поклонения, к которым стекались паломники из других мусульманских регионов. Мало какие из них могли позволить себе существовать исключительно за счет пожертвований паломников. К числу таких можно отнести только наиболее известные, такие как мавзо-

лей Ходжа Ахмеда Яссави в городе Туркестане, гробница Бахауддина Накшбанда близ Бухары, Сулейман-гора в Оше и ряд других, но их количество всегда было незначительным. Большинство же святых мест существовало за счет вакуффов. Преимущественно к ним относились земельные владения, но были среди них и водные источники орошения (или просто доля поливной воды), мельницы, торговые лавки, караван-сарай и проч. Такие владения святых мест основывались на нормах мусульманского права (шариата) о вакуфах – разного рода пожертвованиях в пользу различных мусульманских религиозных учреждений, например мечетей, медресе, мектебов и др. Осмысление сложной религиозной ситуации в регионе и сложившихся традиций в плане владения религиозным имуществом заставило власти обратить внимание на данную проблему и предпринять ряд мер, изучению которых посвящено данное исследование. Его актуальность исходит из потребности изучения многообразного опыта взаимодействия Российского государства с различными религиозными институтами на окраинах империи.

Цель данного исследования – определить степень эффективности российских властей в Средней Азии в решении имущественных проблем святых мест. В качестве методологической основы автором выбраны системный и функциональный методы, которые позволяют рассматривать политику государства в этом вопросе как единую, цельную систему и определить особенности политико-правовой деятельности отдельных органов и учреждений Российского государства.

На первом этапе утверждения царской власти в Туркестане генерал-губернаторы К. П. Кауфман (1867–1881 гг.) и М. Г. Черняев (1882–1884 гг.) пытались бороться с практикой ухода от налогов, но имели мало успеха, поскольку боялись идти на решительные меры из опасений всеобщего возмущения мусульман региона, на которое их легко могло спровоци-

ровать исламское духовенство. Однако, в 1886 году царь утвердил новое Положение об управлении Туркестанским краем, которое положило конец такой практике. Правительство не тронуло вакуфной собственности, закрепив право на таковую в статье 265-й за теми, кто считался ее владельцами на момент принятия положения. Статья относилась к вакуфам святых мест к разряду «ненаселенных». Однако в статье 266-й указывалось, что «учреждение новых вакуффов допускается не иначе, как с разрешения генерал-губернатора, который дозволяет сие единственно в случаях, заслуживающих особого уважения» (ПСЗРИ-3. Т. 4. – СПб., 1888. – С. 338). Естественно, что эта правовая норма фактически свела на нет переводы частных земель и иных недвижимых имуществ в вакуфы святых мест с целью уклонения от государственных податей и сборов.

Вакуфное имущество святых мест в Средней Азии было представлено различными объектами. Понятно, что и доходы от них были разными. Но многие из святых мест имели значительные вакуфы и большие доходы. В качестве примера можно привести широко известный среди мусульман Туркестана мазар «Сафид-Булан», расположенный на северо-востоке Ферганской долины (ныне Южный Кыргызстан). Он также часто назывался «Хазрет Шах-Фазиль». По преданию, здесь был захоронен святой Шах-Фазиль, которого почитали как внука самого пророка Мухаммеда. Считается, что мазар был основан в XI–XIII вв. Основу его вакуфа заложил Тимур, по приказу которого был простроен центральный объект мазара – Катта-гумбез. Кыргызстанский историк В. М. Плоских отмечал, что вакуфное имущество мазара постоянно разрасталось за счет новых пожертвований. Всё состояние святого места было в свое время документально зарегистрировано разными правителями Средней Азии в вакуф мазара «Хазрет Сафид-Булан» [13, С. 201]. К началу XX века только земли этого вакуфа насчитывали более

2,5 тыс. десятин, более половины из которых были поливными. Более того, данный мазар имел в собственности и другое имущество. Однако самое главное – он имел вакуфную воду для полива, что в условиях Средней Азии имело исключительное значение. Таким образом, доходы от вакуфных имуществ были весьма значительными. Долгое время многочисленные родственники вели острую борьбу при их разделе, пока в середине XIX века лидеры четырех кланов родственников святого – Махмуд-шейх, Баба-шейх, Омар-шейх и Магомед Нияз – смогли договориться о разделе всех доходов на четыре равные части, каждая из которых поступала бы в распоряжение определенного клана. При этом была выделена из раздела особая часть земли и вакуфной воды (в местности Таш-суу), доходы от которой шли непосредственно на содержание мазара и всех строений на его территории. На начало XX века числилось 94 семейства родственников святого, но следует отметить, что они не получали равные доли от доходов мазара, поскольку среди них имела место классовая дифференциация. 64 семейства имели разные по размерам земельные владения и доли вакуфной поливной воды, 18 – только небольшие участки и без воды, а 12 – не имели ничего и вынуждены были арендовать землю и вакуфную воду у своих родичей [12, С. 32-40]. Раздел доходов от святых мест между их хранителями (владельцами) – родственниками захороненных в них праведников – часто сопровождался острой борьбой и скандалами.

Участник присоединения Средней Азии Г.А.Арендаренко, позднее работавший на разных должностях в Туркестанском крае, а потому хорошо знавший его проблемы, писал в 1889 году о том, что редко кто из шейхов не согласится быть шпионом и не предаст своих родичей только за то, чтобы получить обещание оставить за ним первенство при дележе доходов [3, С. 11]. По этой причине российским властям приходилось нередко разбирать дела,

связанные со спорами потомков святых, относительно их прав на доходы от паломничества к священным мазарам, мавзолеям, гробницам и т.п. Так, 1897–1908 гг. власти Туркестанского края специальным образом рассматривали дело, в котором ходжентские сарты Ходжа Караев, Шейх-Харум Шейхов и др. просили признать их наследниками Хазрет Султана Арифина Ходжи Ахмеда Яссави, с тем, чтобы передать в их распоряжение собственность святого места «Хазрет Султан» в г. Туркестане. В это же время (1901–1906гг.) в канцелярии туркестанского генерал-губернатора рассматривалось прошение жителя кишлака Зенгиаты Баба Ходжа Омар Ходжаева о передаче ему прав на получения доходов Зенгиаты [2, С. 191].

Следует заметить, что проблема получения доходов от святых мест в Туркестане была не только «семейной» и «денежной», но и в значительной мере политической. Естественно, что это касалось прежде всего главных объектов паломничества мусульман Средней Азии, например, таких как мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави, гробница Бахауддина Накшбанда, усыпальницы Ходжи Ахрара, Сулейман-горы и др. По объему доходов от паломничества в Туркестане, на наш взгляд, лидирующие позиции всегда занимала Сулейман-гора. Член российской миссии А.Ф.Негри в Бухаре в 1820 году Е.К.Мейендорф отмечал, что паломничество, «достигшее здесь огромных размеров, способствует притоку сюда больших денежных средств» [9, С. 7]. Автор данной статьи отдельно писал об этой мусульманской святыне и паломничестве к ней в своей монографии [5, С. 199-206].

Ожесточенную борьбу за контроль над этими денежными потоками вели между собой в свое время Бухарский эмират и Кокандское ханство. Современные исследователи указывают, что «в среднеазиатских ханствах в конце XIX – начале XX века в собственности вакуффов находилось до половины обрабатываемых

земель» [4, С. 225]. Примерно в том же соотношении их количество было и на территориях Средней Азии, которые вошли в состав Российской империи.

После присоединения Средней Азии к России борьба за доходы от паломничества к Сулейман-горе между различными кланами продолжалась, но она приобрела скрытый, подпольный характер. Царские власти в Туркестане смотрели на нее сквозь пальцы и не вмешивались в делёж доходов. Надо сказать, что при советской власти рецидивы этой борьбы имели место, но они тоже, разумеется, были скрытыми. Но, когда власть Советов в Средней Азии в эпоху перестройки ослабела, эти рецидивы дали знать о себе незамедлительно. Современный российский исламовед А. В. Малашенко, указывал, что одной из причин столкновений между киргизами и узбеками в 1990 году стало соперничество за контроль над расположенными в Оше святыми местами в районе Сулейман-горы. [8, С. 164]. Естественно, что борьба за контроль над святыми местами Тахт-и-Сулейман является, прежде всего борьбой за контроль над финансовыми потоками вокруг них. Следует особо подчеркнуть то непреложное обстоятельство, что события вокруг Сулейман-тоо, происшедшие через десятилетия после того, как авторитетный отечественный востоковед писал эти строки, только подтверждают правоту его мнения.

Иногда родственники святого сами и владели долями вакуфной земельной собственности мазаров, и обрабатывали их. Известный этнолог-туркестановед С. Н. Абашин приводит такой пример: неподалеку от мавзолея «Хазрет имам» («святой настоятель мечети» – В. Л.) все вакуфные земли издавна были поделены между жителями близлежащего кишлака Чаркисар, которыми они владели де-факто раздельно и могли их продавать и передавать по наследству [1, С. 79]. Этот факт может вызвать удивление и показаться выпадающим из стандартной практики в Туркестане.

Однако всё становится на свои места, когда делается небольшое уточнение, указывающее на то, что возделывание вакуфных земель при мазаре «Хазрет имам» не было постоянным (ежегодным), поскольку полностью зависело от снежного покрова в горах и в долине. Поэтому, когда такой покров был незначительным и, соответственно, нельзя было надеяться на достаточное количество поливной воды, вакуфные земли мазара простаивали и, естественно, не приносили дохода своим владельцам.

Однако при этом надо также отметить, что те родственники святого, которые владели частями вакуфных земель и воды, в большинстве своем не обрабатывали их, а сдавали в аренду за деньги или натуральную плату – долю урожая. Практика передачи вакуфного имущества (прежде всего земли и воды) в аренду была широко распространена среди хранителей святых мест Туркестана. Родственники святых предпочитали жить как рантье – за счёт чужого труда. В Туркестане таких людей называли «ахль-вазейф». Согласно мусульманскому праву, аренда вакуфных имуществ (как и прочих) не должна была превышать срока в один год [14, С. 79]. Однако в Туркестане это установление нарушалось еще в «глубинах» дороссийских, ханских времен. Выдающийся российский ориенталист, служивший долгое время в Туркестанском крае, А. Л. Кун отмечал, что местные казии (судьи), как правило, оформляли документы на аренду вакуфов на срок 10 лет, что было незаконно (АВ ИВР РАН. Ф. И-33 (Кун А. Л.). Оп. 1. Д.260).

Нельзя сказать, чтоб царские власти Туркестана особым образом выделяли проблему вакуфов именно святых мест в регионе – они рассматривали ее в контексте общекраевой вакуфной проблемы в целом. Но они и не растворяли проблему вакуфов святых мест в общем потоке. Она неизменно присутствовала в нем как «равная среди равных». Есть основания полагать, что царские власти, желая на-

вести хоть какое-то подобие порядка в вакуфном вопросе в Туркестане, менее всего хотели трогать вакуфы святых мест, понимая, что в противном случае за ними никто не будет присматривать, так как исчезнет материальная заинтересованность в этом.

Когда среди туркестанской администрации генерал-губернатора К.П. Кауфмана появились настроения к ликвидации института вакуфов и установления над ними государственного контроля, сенатор Ф.К. Гирс, проводивший после смерти Кауфмана правительственную ревизию Туркестанского края в 1882–1883 гг., писал в своем всеподданнейшем отчете о том, что этого никак нельзя делать, поскольку в таком случае правительству придется взять на содержание все мусульманские учреждения, включая, безусловно, и святые места» [11, С. 352–353]. В это же время против ущемления вакуфов в Туркестане выступала и Православная церковь в лице епископа Туркестанского и Ташкентского Александра, который называл такое ущемление «нехристианским делом» [7, С. 172].

Выше мы уже отметили, что Положение об управлении Туркестанским краем 1886 года серьезным образом не затрагивало существование вакуфов. Статья 267-я данного положения устанавливала, что в ведении областных правлений находятся учреждения вакуфных документов, устройство управления вакуфов и ревизия вакуфных доходов (ПСЗРИ-3. Т. 4. – СПб., 1888. – С.338). При этом данная норма срабатывала только в тех случаях, когда вакуф святого места управлялся мутеваллиями. Основная часть вакуфов святых мест и, понятно, доходы от них принадлежали родственникам праведников. По этой причине областные правления старались не вмешиваться в финансовые дела хранителей мазаров и т.п.

После Андиганского восстания 1898 года туркестанская администрация решила вообще отстраниться от контроля за вакуфами, с тем чтобы не давать повода исламистам использо-

вать его как лишний антирусский довод. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской образовал специальную комиссию по выработке документов для управления «духовными» делами мусульман края [5, С. 192]. Безусловно, комиссия в разработанных ею проектах документов имела в виду вообще все вакуфы в Туркестанском крае, но они, вне всякого сомнения, напрямую относились к вакуфам святых мест. Так, в проекте Положения об управлении вакуфами в Туркестанском крае, в статье 6-й, указывалось: «Попечение о вакуфных имуществах, доходах и расходах принадлежит тому учреждению, в пользу которых они завещаны» (ЦГА РУзб. Ф. И-717 (Совет туркестанского генерал-губернатора). Оп. 1. Д. 16. Л. 413 об.). Тем самым подтверждалось право родственников святых самостоятельно распоряжаться вакуфами и доходами от них таких учреждений, как мазары, гробницы, мавзолеи и т.п. В проекте Инструкции по наблюдению за вакуфными имуществами, в статье 3-й, подчеркивалось, что «ведению администрации не подлежат споры между мутеваллиями и учреждениями, в пользу которых завещаны вакуфные имущества» (ЦГА РУзб. Ф. И-717 (Совет туркестанского генерал-губернатора). Оп. 1. Д. 16. Л. 414).

Однако у нас есть все основания утверждать, что царские власти Туркестана даже при большом желании не смогли бы уследить за доходами и расходами вакуфных имуществ в крае, поскольку они не могли даже точно подсчитать, сколько мазаров и иных святых мест (в документах все они показываются как мазары) находится в каждой области, не говоря уже об их доходах, о которых вряд ли кто из вакуфодержателей мог бы дать действительно правдивые сведения. При этом надо уточнить, что в Семиреченской области, где насчитывалось всего несколько мазаров (до 5), у них не могло быть вакуфов, поскольку это воспрещалось Степным положением от 25 марта 1891 года, указывающим, что в «степных» об-

ластях, в том числе Семиреченской, «вакуфы не допускаются» (ПСЗРИ-3. Т. 11. – СПб., 1893. – С. 136). Можно взять в качестве примера Закаспийскую область, которая тоже управлялась на основании не Туркестанского положения 1886 года, а на основании Временного положения об управлении Закаспийской областью от 6 февраля 1890 года, хотя она фактически входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства с 1898 года (официально – с июня 1899-го). В Закаспийском положении 1890 года вакуфный вопрос никак не регулировался, равно как и мазарный. Можно было иметь любое количество мазаров и вакуфов при них. Но даже в Закаспийской области, где в течение всего дореволюционного периода сохранялось так называемое военно-народное управление, русская администрация не могла подсчитать количество святых мест и их доходы. Канцелярия начальника Закаспийской области (далее – КНЗО) ежегодно подавала сведения на этот счет. Так, в 1902 году, по её данным, в области насчитывалось 175 мазаров с общим доходом в 500 рублей и 200 пудов зерна (ЦГА РТур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2836. Л.44 55 об.). Но уже в 1903 году мазаров в области оказалось 152, причем их доходы указаны не были (ЦГА РТур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2762. Л.44об. – 45 в развороте). В 1904 году мазаров стало 150, а их совокупный доход составил 640 рублей (ЦГА РТур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2838. Л.49 об.) Любопытно, что большой знаток Туркестана (в том числе и вакуфного вопроса) В. П. Наливкин писал, что в том же году 35 мечетей и одно медресе в Закаспийской области имели общий вакуфный доход в 1043 рублей [10, С. 51]. После этого число мазаров в области стало возрастать. В 1906 году их было 157, в 1907-м – 173, в 1908-м – 175, в 1909-м – 186, в 1911 году – 191. Но самое любопытное заключается в том, что в каждом из указанных годов вакуфный совокупный доход оставался прежним – 500 рублей. На 1 января 1914 года КНЗО насчитала уже 304 мазара, что более

чем в полтора раза превышало лучший показатель предшествующих лет. Такой бурный рост числа мазаров вызывает удивление. Но еще большее удивление вызывает то, что все 304 святых места в Закаспийской области имели всё тот же стабильный общий вакуфный доход в 500 рублей [ЦГА РТур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2839. Л. 43 об.]. Всё это может свидетельствовать только об одном – власти Закаспийской области имели слабое представление о количестве мазаров на подвластных территориях. Более того, они, видимо, слабо себе представляли, какие мазары можно считать святыми, а какие – нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состояние со статистикой мазаров и их доходов в других областях Туркестанского края (так называемых коренных), управляющихся на основе положения 1886 года, было приблизительно таким же. Так, в 1900 году в головной области края – Сырдарьинской – насчитывалось 603 мазара с общим доходом в 227 рублей и 150 пудов зерна. Даже если предположить, что в архивном деле допущена ошибка и денежный доход был 2270 рублей, а зерновой – 1500 пудов, то и это не проясняет ситуацию, поскольку в Самаркандской области 346 мазаров имели совокупный доход в 13 909 рублей и 713 пудов зерна, а в Ферганской 286 мазаров – 9749 рублей (без зерна). Таким образом, общий вакуфный доход всех мазаров края составлял 24 535 рублей и 863 пуда зерна [ЦГА РТур. Ф. И-1. Оп.2. Д.2833. Л. 9 об. – 10 в развороте; Л. 11 об. – 12в развороте]. Ошибка в расчетах в деле имеется. Но если из общей суммы вычесть данные по Самаркандской и Ферганской областям, то всё равно на Сырдарьинскую останется только 877 рублей, а по зерну всё сходится. Поэтому вряд ли имеет смысл использовать такие данные, поскольку, по нашему убеждению, они не отражают реального положения мазаров и их доходов. Например, через десятилетие (на 1 января 1910 года) в Ферган-

ской области власти насчитали 309 мазаров, а их общий вакуфный доход состоял из 15 370 рублей и 3831 пуда зерна, что тоже представляется сомнительным [ЦГА РУзб. Ф. И-1. Оп. 13. Д.780. Л. 168об., 171]. То же можно сказать и о вакуфных доходах таких святынь, как муй-мубараки. На 1910 год в Ферганской области имелось 10 таких священных реликвий, имевших общий вакуфный доход в 1587 рублей и 140 пудов зерна [ЦГА РУзб. Ф. И-1. Оп.13. Д. 780. Л. 193]. По данным на начало XX века, в Ферганской области числилось лишь 6 муй-мубараков, а их вакуфные доходы вообще не показывались. Учреждение же новых вакуфов (даже при появлении четырех новых реликвий) было невозможно из-за трудностей, о которых мы писали выше применительно к Туркестанскому положению 1886 года. Трудно поверить, чтобы и в коренных областях хозяева мазаров и их вакуфов могли сообщить российской администрации правдивые данные о своих вакуфных доходах. Разумеется, они значительно превышали те, что фигурировали в их отчетности по официальной части.

Заключая вышеизложенное, можно прийти к выводу о том, что многие святыне места в Русском Туркестане (особенно крупнейшие) были неплохо обеспечены не только за счет непосредственных пожертвований паломников, но и за счет вакуфных доходов, которые были и больше, и стабильнее. Попытки российских властей поставить под контроль средства, получаемые от вакуфного имущества святых мест, не имели сколько-нибудь заметного позитивного результата. Очевидно, что власти Туркестанского края боялись действовать резко в решении данной проблемы, понимая, что это может привести обрушению системы, которая складывалась веками и, по сути, была отражением многовековых и специфических социально-экономических отношений в этом сложном для царской России регионе.

Библиография:

1. Абашин С.Н. Община в Туркестане в оценках и спорах русских администраторов начала 80-х гг. XIX в. (По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан). Сборник Русского Исторического общества №5 (153). – М: Русская панорама, 2002. – С. 71-88.
2. Абашин С.Н. Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (Вакуфное дело дахбитского медресе, 1892–1900). Сборник русского исторического общества. – Т. 7 (155). – Россия и мусульманский мир. – М.: Русская панорама, 2003. – С.162-163.
3. Арендаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889гг. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1889. – 666с.
4. Брусникина О.И., Наумова О.Б., Рощин М.Ю., Соловьева Л.Т. Неопубликованные рукописи Г.И. Карпова по этнографии туркмен в российских архивах // Восток (Oriens). – 2019. – № 5. – С.218-234.
5. Литвинов В.П. Религиозное паломничество региональных аспектов (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – 377с.
6. Литвинов В.П. Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. – 565с.
7. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. – Елец: ЕГПИ, 1998. – 319с.
8. Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. – М.: Б. и., 1996. – 182с.
9. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл. Н. А. Халфина. – М.: Наука, 1975. – 180с.
10. Наливкин В.П. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его за-

воевания. Ежегодник Ферганской области. Т.3. Вып. 1904. – Новый Наманган, 1904. – С. 3-56.

11. Отчёт ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. – СПб. 1888 – 463с.

12. Плоских В.М. Вакуф медресе Алымбека. Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. Фрунзе: «Илим». 1975. – С.32-40.

13. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: «Илим», 1977. – 368с.

14. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законоведения. Репринтное издание. – М: МНТПО «Адир». – 641с.

References:

1. Abashin S.N. (2002) Obshhina v Turkestane v ocenkah i sporah russkikh administratorov nachala 80-h gg. XIX v. (Po materialam Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Respubliki Uzbekistan). [The community in Turkestan in the assessments and disputes of Russian administrators of the early 80-ies. XIX century (Based on materials from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan)] Sbornik Russkogo Istoricheskogo obshhestva №5 (153). – М: Russkaja panorama. – S.71-88. (In Russ.).

2. Abashin S.N. (2003) Islam v bjurokraticheskoy praktike carskoj administracii Turkestana (Vakufnoe delo dahbitskogo medrese, 1892–1900). [Islam in the bureaucratic practice of the tsarist administration of Turkestan (Waqf case of the Dakhbit's madrasah, 1892-1900)]. Sbornik russkogo istoricheskogo obshhestva. – Т. 7 (155). – Rossiya i musul'manskij mir. – М.: Russkaja panorama. – S.162-163. (In Russ.).

3. Arendarenko G.A. (1889) Dosugi v Turkestane. [Leisure time in Turkestan]1874-1889 SPb.: tip. M.M. Stasjulevicha. – 666s. (In Russ.).

4. Brusnikina O.I., Naumova O.B., Roshhin M.Ju., Solov'eva L.T. (2019) Neopublikovannye rukopisi G.I. Karpova po jetnografii turkmenov v rossijskikh arhivah [Unpublished manuscripts by

Georgy. I. Karpov on the ethnography of Turkmen people in Russian archives] // Vostok (Oriens). – № 5. – S.218-234. (In Russ.).

5. Litvinov V.P. (2006) Religioznoe palomничество regional'nyh aspekt (na primere Turkestana jepohi srednevekov'ja i Novogo vremeni).[Religious pilgrimage of a regional aspect (on the example of Turkestan of the Middle Ages and the New Age)]. – Elec: EGU im. I.A. Bunina. – 377s. (In Russ.).

6. Litvinov V.P. (2016) Gosudarstvo i palomничество musul'man v carskoj Rossii: turkestanskij variant (po arhivnym, pravovym i inym materialam) [The state and pilgrimage of Muslims in tsarist Russia: the Turkestan version (based on archival, law and other materials)]. – Elec: EGU im. I.A. Bunina. – 565s. (In Russ.).

7. Litvinov P.P. (1998) Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane. [The state and Islam in Russian Turkestan]. – Elec: EGPI. – 319s. (In Russ.).

8. Malashenko A.V. (1996) Musul'manskij mir SNG. [Muslim world of the CIS]. – М.: B. i. – 182s. (In Russ.).

9. Mejendorf E. K. Puteshestvie iz Orenburga v Buharu.[From Orenburg to Bukhara] Predisl. N.A. Halfina. – М.: Nauka, 1975. – 180s. (In Russ.).

10. Nalivkin V.P. (1904) Polozhenie vakufnogo dela v Turkestanskom krae do i posle ego zavoevanija.[Position of waqf matter in Turkestan region before and after its conquest] Ezhegodnik Ferganskoj oblasti. Т.3. Vyp. 1904. – Novyj Namangan. – S.3-56 (In Russ.).

11. Otchet revizujushhego po Vysochajshemu povelenuju Turkestanskij kraj tajnogo sovetnika Girsа. [Report of the Auditor at the Highest Command of Turkestan Krai, Privy Advisor to Girs]. – SPb. 1888. – 463s. (In Russ.).

12. Ploskih V.M. Vakuf medrese Alymbeka. Stranicy istorii i material'noj kul'tury Kyrgyzstana. [Waqf of the madrasa of Alymbek. Pages of history and material culture of Kyrgyzstan]. Frunze: «Ilim». 1975. – S.32-40 (In Russ.).

13. Ploskih V.M. Kirgizy i Kokandskoe hanstvo [Kyrgyz and Kokand Khanate] Frunze: «Ilim», 1977. – 368s. (In Russ.).

14. Tornau N. Izlozhenie nachal musul'manskogo zakonovedeniya. [Presentation of the beginnings of Muslim jurisprudence] Reprint. izd. M: MNTPO «Adir». – 641s. (In Russ.).

УДК 321.727:94(4)

АНТОНОВА Мария Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI – XIX вв., Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gavriila05@yandex.ru

КОМОВА Марианна Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов государственной безопасности, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: mariamna.orel@mail.ru

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-3-78-98

ANTONOVA M.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the History of Russian Literature of the XI-XIX centuries, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: gavriila05@yandex.ru

KOMOVA M.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: mariamna.orel@mail.ru

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ И СКАЗАНИЯ О МЕСТНОЧТИМЫХ ИКОНАХ И СВЯТЫХ XVII – XIX ВЕКОВ

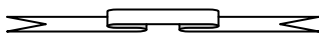
HISTORICAL AND LOCAL HISTORY STORIES AND LEGENDS ABOUT LOCALLY VENERATED ICONS AND SAINTS OF THE XVII-XIX CENTURIES

Аннотация. Целью данной статьи стало исследование истории бытования историко-краеведческие рассказы и сказания о местночтимых иконах и святых XVII-XIX веков, рассматриваемые как источники по истории иконопочитания в Верхнем Поочье и Восточном Подесенье. Выявление жанрового своеобразия региональных Сказаний об иконах проводится впервые. В научный оборот вводятся новые памятники литературной традиции, начиная с Позднего Средневековья и вплоть до современности. Актуальность и научная новизна состоит в том, что историческое бытования региональных текстов о местночтимых иконах и региональных агиографических текстах житиях святых, которые относятся к поздней рукописной и устной традиции XVII – начала XX веков формулируется и исследуется авторами впервые. Ранее исследователям были известны лишь краеведческие публикации ряда текстов. Краеведами были даны их описательные характеристики.

Ключевые слова: история иконопочитания, история древнерусской литературы, иконописный подлинник, средневековые сказания о почитании икон, реликвий, святых.

Abstract. The local-history stories and legends about locally venerated icons and saints of the XVII-XIX centuries are studied. They are considered as the sources on the history of icon worship in the interfluvium of the Oka and the Don. The identification of the genre originality of regional Legends about icons is carried out. Much attention is given to new monuments of literary tradition starting from the Late Middle Ages and up to the present. The paper presents the relevance and scientific novelty. It is stressed that the historical existence of regional texts about locally venerated icons and regional hagiographic texts of the lives of saints, which belong to the late manuscript and oral tradition of the XVII-early XX centuries, is formulated and studied by the authors for the first time. Finally, the authors focus on the fact that previously, researchers were only aware of local history publications of a number of texts. Their descriptive characteristics are given.

Keywords: history of icon worship, history of Old Russian literature, exemplum, medieval legends about the veneration of icons, relics, saints.

ВВЕДЕНИЕ

Материалом данного научного исследования служат Сказания о местночтимых иконах и святых, распространенные в верхнем Поочье и восточном Подесенье (Сказание о Николе Мценском; историко-краеведческие рассказы о Николе Новосильском; Сказание о Николе Столбовском, Сказание об иконе Богородицы Тихвинской из Болхова; Сказание об иконе Богородицы Балыкинской из Орла; Житие Поликарпа Брянского; Житие Тихона Карачевского; Повествование о ливенских старцах).

Определение жанрового своеобразия региональных сказаний об иконах и история иконопочитания, выявляемая исследователями благодаря местным историко-краеведческим источникам, приводятся впервые).

Актуальность и научная новизна состоит в детальном изучении и выявлении традиции позднесредневековых агиографических текстов и сказаний об иконах, распространенных в верхнем Поочье и восточном Подесенье, в хронологических рамках XVI – начала XX века. Исследование позволит восстановить историю возникновения и развития региональных текстов, ранее не введенных в научный оборот.

В число основных задач входят выявление жанрового своеобразия редких региональных сказаний о местночтимых иконах и святых, определение их происхождения и источников, перепечаток региональных текстов.

Научная новизна состоит, прежде всего, в привлечении и введении в научный оборот большого числа малоизвестных и неизвестных текстов сказаний о местночтимых чудотворных иконах и святых. Изучаемые тексты впервые рассматриваются как единая группа памятников позднесредневековой традиции, получившая распространение в контактной зоне России с украинскими (южнорусскими)

землями, с присущими им особенностями письменной культуры. Новизна проявляется также в использовании методики комплексного историко-культурологического, филолого-иконографического анализа текстов и иконографических сюжетов.

К позднесредневековым агиографическим текстам и сказаниям об иконах, имеющих бытование в иных регионах, в частности на Русском Севере, интерес исследователей возрос в наше время, на рубеже XX – XXI веков. Он выражен в большом количестве конференций, круглых столов, сборников научных статей и публикаций неизвестных рукописных текстов с пространными комментариями. В Европе вопросы изучения восточнохристианской письменности успешно решают докладчики на таких конференциях, как «Христианский текст в культуре»; Перуджа – Рим, 2005 (Микеле Баччи, София Бёш-Гайано). Первенство в РФ принадлежит сотрудникам Института русской литературы (Пушкинский Дом). Большое количество публикаций нововыявленных текстов и их редакций (исследования известных специалистов по древнерусской и позднесредневековой книжности В. М. Кириллина, А. В. Пигина, Б. М. Клосса, Е. М. Юхименко, А. А. Турилова, Е. А. Рыжовой, И. И. Макеевой, М. В. Антоновой, М. С. Крутовой и других) свидетельствует об интересе к этому направлению в медиэвистике, предполагая дальнейшее серьезное изучение примеров региональной средневековой агиографической литературы и сказаний об иконах, истории данных текстов, их мотивов и сюжетов.

В основе данной статьи лежит комплексный подход, который обеспечивается системой историко-функционального, сравнительно-исторического методов изучения памятников истории древнерусской литературы и памятников истории литературы церковной традиции XVIII–XIX веков. Для воссоздания

истории текстов житий и сказаний об иконах применялась текстологическая методика, восходящая к работам Д. С. Лихачева и В. В. Кускова. При обработке конкретного материала житий и описания применялся метод археографического и палеографического исследования, а также метод пословной сверки списков. Обращая внимание на различия при сравнении текстов, в частности «Сказания о зачатии Свенского монастыря», авторы статьи обосновали поэтапное появление разных редакций этого текста, участвовавшего в формировании житий благоверных князей Олега и Романа Брянских и Свенского сказания о явленной иконе Богоматери [1]. Такой комплексный подход позволил во многом прояснить взаимоотношения между текстами, определить их источники, проследить историю каждого текста, исследовать мотивы и сюжеты.

В результате проведенного исследования предполагалось описать особенности бытования сказаний о местночтимых иконах и святых, относящихся к региональной литературной церковной традиции, построение классификации сюжетов изучаемых памятников, определить особенности образной системы, а также выявить специфику взаимоотношения текстов сказаний и житий и иконографии и изобразительного ряда.

Произведен сбор текстового материала, анализ библиографии. М. А. Комова исследовала стилистику и иконографию местночтимых образов Богородицы и святых, что нашло отражение в авторской работе.

В 2015 году авторами статьи в рамках исследования РГНФ (15-04-00437) была проделана следующая работа. Первый этап проведенного исследования заключался в сборе текстового материала в Государственном архиве Орловской области (ГАОО) и краеведческом отделе Орловской областной библиотеки имени И. А. Бунина. Выполнен источниковедческий анализ, позволивший вы-

явить корпус текстов, которые представляют собой краеведческие записи устных рассказов о местночтимых иконах и святых, записи в церковных летописцах, описания реликвий в епархиальных документах.

На основании документов, хранящихся в ГАОО, введены в научный оборот и исследованы тексты об иконах из храмовых собраний XIX века г. Орла, об иконах из храмовых собраний Орловского и Болховского уездов Орловской губернии. На основании публикаций из собрания Краеведческого отдела Орловской областной библиотеки имени И. А. Бунина было выявлено около 200 текстов, включая варианты и версии, посвященных историческим преданиям о местночтимых иконах и святых.

На основании проведенного текстологического и иконографического анализа была осуществлена датировка наиболее интересных и практически не изученных сказаний об иконах, а именно: сложение первоначальной версии «Сказания о Николе Мценском» датировано XVIII – XIX веками [2]; «Сказание о зачатии Свенского монастыря» в первоначальной версии сложилось в составе ныне утраченного летописца Свенского Брянского монастыря, датированного не позднее 1566 года [Прим.1]; первоначальная часть «Сказания о Николе Новосильском (Добром)» формируется к середине XVIII века [Прим.2]. При помощи сравнительно-сопоставительного анализа выявленных местных преданий об иконах и наименований храмовых алтарей, зафиксированных в основном в конце средневекового периода и в Новое время, определено и описано иконографическое разнообразие корпуса местночтимых икон.

Второй этап исследования был связан с изучением стилистики и иконографии местночтимых богородичных образов и икон святых, со сравнительно-историческим исследованием сказаний об иконах и житий, а также

сравнительно-сопоставительным анализом текстов сказаний о местночтимых иконах, ряда житий святых и иконографии, что является воплощением избранного филолого-иконографического метода исследования.

Предложены классификации сказаний о местночтимых иконах и святых: по времени создания (до 1700 года; XVIII век; XIX век); по предмету изображения (о Спасовых иконах, о богородичных иконах, об иконах святых); по содержательно-тематическому принципу (прославление деяний икон и святых и пр.).

Проведена работа по историко-филологическому анализу жанровой специфики выявленных повествований о местночтимых иконах и святых. Избранные для рассмотрения тексты были соотнесены с общерусскими традициями, что позволило сделать выводы о принципах текстопорождения и функционирования жанров на региональном уровне. Проведен мотивный анализ выявленных текстов, что позволило составить целостное представление о функционировании общерусских мотивов на региональном уровне.

Проведен филологический анализ житий местночтимых святых и подвижников позднесредневекового периода, Нового и Новейшего времени, а также анализ их иконографии, что позволило определить специфику сложения житий региональных святых и создания иконографических образов, а также установить специфику путей развития региональной агиографии и иконографии на современном этапе.

В статье М. В. Антоновой и М. А. Комовой, посвященной проблемам текстологии, изучаются списки «Сказания о начале Свенской обители», доказываются существование двух ранних редакций памятника (киевская рукопись XVI века и текст XVII века, опубликованный в «Русской вивлиофике» в 1791 году), которые восходят к общему протографу, характеризуются общностью сюжетов и мотивов,

но отличаются в лексико-грамматическом отношении. Утверждается, что первоначальный текст памятника сложился не ранее 1566 года и был включён в монастырский летописец [Прим.3].

В статье М. А. Комовой «О списках текста «Сказания о Николе Мценском»» исследуются пять версий (редакций) изложения сказания в XIX – начале XX века. Сравнение версий (1825, 1834, 1858, 1881, 1915 гг.) дает возможность утверждать, что книжный текст сказания основывался на устном предании и постепенно складывался в работах священнослужителей, краеведов и историков в течение XVIII – XIX вв. [Прим.4].

В статье М. А. Комовой «О близости мотивов «Сказания о Николае Новосильском (Добром)», проложного жития Николы Чудотворца и киевского списка жития Николы XIX в.» проводится сравнительно-сопоставительное исследование ряда мотивов перечисленных памятников, что дает возможность датировать корпус текстов об иконе Николы Новосильского Доброго не ранее последней трети XVIII века с дополнениями конца XIX века, ориентированными на киевский источник [Прим. 5].

В статье М. В. Антоновой, М. А. Комовой «Повествование о благоверных князьях Черниговских и Брянских Олеге и Романа в контексте агиографического канона» впервые рассматривается история формирования агиографического комплекса, посвященного святым князьям Олегу и Роману Брянским. Исследованы летописи, синодики, надписи на иконах, экфрасисы в иконописных подлинниках, «Сказание о зачатии Свенского монастыря», житие Михаила Черниговского, включающего раздел о князе Олеге Брянском, современные жития свв. князей Романа и Олега [3].

В статье М. В. Антоновой, М. А. Комовой «Житийные образы благоверных князей Олега и Романа Брянских: иконографический

комментарий» делается вывод о позднем формировании иконографии благоверных князей брянских в Новое и Новейшее время, отличного от формирования агиографических текстов в данный период [Прим. 6].

В статье М. В. Антоновой «Ливенский «Харлампиевский» текст: история и современное состояние» анализируется региональный текст, сложившийся в городе Ливны в конце XIX века и активно функционирующий в наши дни, который включает материалы незавершенной канонизации, современные устные предания и легенды и материальные объекты почитания [Прим. 7].

В статье М. В. Антоновой «Житие Тихона Карачевского: источники и специфика содержания» рассмотрены основные источники жития Тихона Карачевского, выполненного в новейший период, исследовано его содержание. Основным выводом состоит в том, что данный агиографический памятник почти полностью соответствует современным принципам составления житий новопрославленных святых, но его автор вольно использует краеведческие источники [Прим.8].

Научная новизна данного исследования состоит, прежде всего, в привлечении и введении в научный оборот большого числа малоизвестных и неизвестных текстов сказаний о местночтимых чудотворных иконах и святых. В научный оборот введены новые памятники литературной традиции позднего Средневековья и Нового времени, в частности:

- Мценское сказание об иконе Николы Ратного;
- Новосильское сказание об иконе Николы Доброго;
- Столбовское сказание об иконе Николы на столбе,
- Болховское сказание об иконе Богородицы Тихвинской;
- Орловское сказание об иконе Богородицы Балыкинской;

- Житие Поликарпа Брянского;
- Житие Тихона Карачевского;
- Повествование о ливенских старцах и ряд других.

Изучаемые тексты впервые были рассмотрены как единая группа памятников позднесредневековой традиции, получившая распространение в контактной зоне России с украинскими (южнорусскими) землями, с присутствующими им особенностями письменной культуры.

В процессе исследования реализованы следующие задачи:

- выявлен корпус текстов Сказаний о местночтимых иконах и святых;
- определены их происхождение, источники и редакции (при наличии);
- предложена классификация сюжетов изучаемых памятников;
- выявлено жанровое своеобразие редких региональных Сказаний о местночтимых иконах и святых;
- определена специфика взаимоотношения текстов сказаний и житий и иконографии изобразительного ряда.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в разработке методики параллельного исследования агиографических текстов и иконографических памятников, классификации региональных сказаний об иконах и святых.

На начальном этапе исследования был проведен сбор текстового материала в Орловском государственном архиве (ГАОО) и Краеведческом отделе Орловской областной библиотеки имени И. А. Бунина. Проведен источниковедческий анализ, позволивший выявить корпус текстов, которые представляют собой краеведческие записи устных рассказов о местночтимых иконах и святых, записи в церковных летописцах, описания реликвий в епархиальных документах.

На основании данных документов выявлены, введены в научный оборот и исследо-

ваны тексты об иконах из орловских храмовых собраний XIX века, об иконах из храмовых собраний Орловского и Болховского уездов Орловской губернии, в частности:

- тексты о местночтимых иконах орловской Смоленской церкви;
- о местночтимых иконах Троицкой церкви города Болхова, в том числе об иконе Богоматери Казанской Красногорской;
- о почитаемых иконах Болховского Оптина Троицкого монастыря, в первую очередь о списке чудотворной иконы Богородицы Тихвинской, явленной в XVII веке;
- описание реликвий, находившихся в собрании Болховского Оптина Троицкого монастыря;
- о почитаемой резной иконе Николая Болховского церкви Преображения;
- о почитаемой иконе Болховской церкви Николая Пахатного (живописная икона, которую нашел крестьянин на пашне);
- о святынях, связанных с именами «ливенских старцев» – игумена Харлампия и брата Ливенского Сергиевского монастыря конца XVI – XVII века.

Публикации историко-краеведческого характера рассматриваются в качестве основных источниковедческих материалов, поскольку именно в них зафиксировано значительное количество записей устных преданий о местночтимых иконах и святых, а также воспроизведены ныне утраченные рукописные документы – фрагменты монастырских летописцев, синодиков и пр. На основании вышеперечисленных публикаций было выявлено около 200 текстов, включая варианты и версии, посвященных историческим преданиям о местночтимых иконах и святых, в том числе:

- тексты об иконе Богоматери Тихвинской из Болхова;
- об иконе Богоматери Свенской Печерской;

- об иконе Богоматери Орловской Балыкинской;
- об иконе Богоматери «Всех скорбящих радость» из Орла;
- об иконе Богоматери Казанской Красногорской;
- об иконе Богоматери Казанской Плещанской;
- об иконе Богоматери Казанской Елецкой;
- об иконе Богоматери Елецкой Оранты;
- об иконе Богоматери Трубчевской;
- об иконе Богоматери Чолнской;
- об иконе Богоматери Молченской;
- об иконе Богоматери Страстной Карачевской;
- об иконе Богоматери «Троеручица» Болховской;
- об иконе Богоматери «Взыскание погибших» Болховской;
- об иконе Богоматери «Споручница грешных» Одринской;
- об иконе Успение Богоматери из Успенского обители г. Орла;
- об иконе Николая Чудотворца из Мценска;
- об иконе Николая Чудотворца из Болхова;
- об иконе Николая Доброго из Новосила;
- об иконе Николая Чудотворца из Столбовского монастыря близ Севска;
- об иконе Николая Чудотворца из Севского Площанского монастыря;
- об иконе Николая Чудотворца из Одринского монастыря;
- об иконе Николая Чудотворца с пашни (Пахотного) из Болхова;
- об иконе Николая чудотворца из с. Паниковец;
- об иконе святых Кирилла и Афанасия Александрийских.

В процессе работы к анализу привлекались также выявленные тексты житий свя-

тых, краткие исторические заметки и повествования:

- святителя Тихона Задонского;
- епископа Серафима (Чичагова), новомученика;
- епископа Серафима (Остроумова), новомученика;
- епископа Макария (Гневушева), новомученика;
- Поликарпа Брянского;
- миссионера Макария (Глухарева), архимандрита Болховского Троицкого монастыря;
- иеромонаха Кукши Печерского, просветителя вятичей;
- протоиерея Митрофана (в монашестве Сергия) Серебрянского, духовника Черниговского полка в Орле;
- Тихона Карачевского;
- Тихона Калужского (Медынского);
- Лаврентия Калужского;
- князя Романа Брянского;
- князя Олега Брянского, легендарного основателя Петровского монастыря;
- священника Георгия Коссова Болховского.

Были выявлены также жизнеописания подвижников благочестия (до канонизации):

- епископа Поликарпа Орловского;
- игумена Харлампия Ливенского;
- Арсения Карачевского;
- иеромонаха Василия Кишкина, насельника Площанской пустыни;
- священника Иоанна Орловского, основателя Воскресенской Лавры при однойименной церкви в Орле;
- схимонахини Серафимы Орловской, насельницы Орловского Введенского монастыря;
- инокини Мелании Елецкой;
- блаженного Афанасия Орловского (в миру Афанасия Андреевича Сайко);
- орловского врача Владимира Турбина, праведника.

Заметим, что позднему Средневековью по времени создания относится весьма незначительная часть материалов, в основном анализируемые повествования о святых датируются Новым и Новейшим временем.

Местные предания об иконах, а также наименования храмовых алтарей, зафиксированные в основном в конце средневекового периода и в Новое время, использованы авторами для определения иконографического разнообразия местночтимых икон [4]. Например, наиболее распространенными в регионе в позднесредневековый период следует считать иконы святых мучеников и страстотерпцев Георгия Победоносца, Никиты Готского, Дмитрия Солунского Мироточивого, Космы и Дамиана, врачей (или Римские, или Асийские, или Аравийские, что не уточняется в местных источниках), Флора и Лавра Иллирийских, Бориса и Глеба Киевских, Параскевы Пятницы. Наличие наибольшего количества икон мучеников среди общего количества упомянутых произведений иконописи отражает получившую распространение и устоявшуюся традицию сурового приграничного быта южных окраин Московского государства в XVI – XVII вв. Отметим широкое разнообразие образов Богоматери. Присутствующие в местных собраниях списки легендарных образов Богоматери Одигитрии Смоленской (Орловский район), Одигитрии Тихвинской (Болхов) и только с самого конца XVI века Елеусы Владимирской (Елец) говорят о влиянии московской традиции, что также подтверждается наличием почитаемых икон следующей иконографии: «Троица», «Сергий Радонежский», «Василий Блаженный», «Дмитрий Солунский» (в память о царевиче Дмитрии Углицком до появления в регионе его почитаемых изображений в начале XVII века), а с середины XVII века – почитаемых икон «Михаил Малеин» (покровитель царя Михаила Фёдоровича Романова), со второй половины XVII века – почитаемых

икон «Алексий, митрополит Московский» (покровитель царя Алексея Михайловича Романова) [Прим.9.]. Ряд икон, восходящих к традиционной византийской и общерусской иконографии, обрели местные топонимические названия. Это иконы Богоматери «Всех скорбящих радость» Орловская, «Всех скорбящих радость» Кромская, Оранта Елецкая, «Умиление» Чолнская, «Неувядаемый цвет» Трубчевская, «Mia Pia» Балыкинская Орловская, Богоматерь «Взыскание погибших» Болховская, Богоматерь «Взыскание погибших» Борская, «Споручница грешных» Одринская, «Троеручица» Белобережская, «Троеручица» Болховская, «Страстная» Карачевская [5, 6, 7 8, 9,10, 11].

Была осуществлена датировка наиболее интересных и практически не изученных сказаний об иконах. Так, проведено исследование «Сказания о Николе Мценском» в пяти версиях, опубликованных в XIX – начале XX века [Прим.10]. Сравнение публикаций данного сказания (1825, 1834, 1858, 1881, 1915 гг.) позволяет предположить, что его текст следует датировать XVIII – XIX веками, исходя из историко-культурного контекста описываемых событий, стилистических особенностей и упоминаемой иконографии резной иконы святителя Николая (Можайский тип) [12].

В Новое время традиции средневековой иконописной и письменной культуры в силу сохранения ценностей Русской Православной Церкви имели продолжение. В рамках исследования произведено изучение поздних текстов сказаний о новоявленных иконах и житий, составленных в Новое и Новейшее время (жития Олега и Романа Брянских, архимандрита Макария Глухарева, протоиерея Георгия Коссова, старца Афанасия Сайко и др.).

Анализ источников показал, что до начала XX века были известны в основном краеведческие публикации ряда текстов с их опи-

сательными характеристиками. Публикации были выполнены представителями Церковных историко-археологических комитетов, а также историко-архивных комиссий, образованных в губернских центрах дореволюционной России (например, Г. М. Пясецким в Орле и Н.И. Троицким в Туле), не имели строго научного характера, зачастую тексты не воспроизводились, а пересказывались, что составляет определенную проблему для современного исследователя. Жанровые особенности сказаний о чудотворных иконах Верхнеокского региона никогда не становились предметом научного исследования, ни текстологического (выявление источников), ни искусствоведческого (выявление стилистики и особенностей иконографии). Тем не менее в обозначенном регионе в XVI – XIX вв. получили распространение несколько десятков местночтимых икон. Фольклорные тексты иногда остаются единственными свидетелями бытования ряда памятников иконописной традиции, так как связь литературного процесса и истории древнерусского искусства несомненна и находит много параллелей в текстах, распространенных в верховьях Оки. Сложность изучения текстов о местночтимых иконах состоит в том, что первоначально Сказания бытовали в виде устных рассказов или разрозненных записей. Затем Сказания опубликовались в течение XVIII – XIX вв., каждый раз с новыми комментариями, часто искажавшими первоначальный текст. Подобного рода процессы характерны и для формирования житий местночтимых святых.

Письменная культура Верхнего Поочья в позднесредневековый период относилась к стыковому типу, т.е. располагалась на перекрестке двух традиций – центральнорусской и южнорусской. Ее активное формирование приходится на XVII – XVIII вв. – время укрепления позиций Московского государства, присоединения обширных западных терри-

торий и включения в местные тексты ряда мировоззренческих особенностей южнорусской традиции. Московские и киевские сюжеты получили распространение в данном регионе, найдя отражение в местных сказаниях.

В процессе исследования выявленных материалов авторы статьи распределили региональные тексты по времени создания на три группы:

– до 1700 г.:

- Сказание об иконе Богородицы Свенской Печерской;
- Сказание об иконе Богородицы Чолнской Печерской;
- Сказание об иконе Богородицы «Знамение» Курской Коренной;
- Сказание об иконе Богородицы Молченской Севской;
- Сказание об иконе Николы Чудотворца из Одринского монастыря;
- Сказание об иконе Николы Севского Столбовского;
- Сказание о Николе Ратном Паниковецком;
- Сказание об иконе Николы Доброго Новосильского;
- Предание об иконах Николы, Параскевы и образе святителей Александрийских в Трубчевске, Севске, Карачеве.

– XVIII век:

- Сказание об иконе Богородицы Балыкинской Стародубской;
- Сказание об иконе Богородицы Тихвинской Болховской;
- Сказание об иконе Богородицы Елецкой;
- Сказание об иконе Николы Севского Площанского;
- Сказание об иконе Богородицы Казанской Севской Площанской;
- Сказание об иконе Богородицы «Троеручица» Белобережской Брянской;
- Сказание об иконе Богородицы Оранты Елецкой;

- Предание об иконе Николы Пахатного;
- Предание об иконе Богородицы Страстной Карачевской;
- Предание о явлении иконы Параскевы Пятницы на месте утраченной церкви в с. Пятницком Карачевского уезда.

– XIX век:

- Сказание об иконе Успения Богородицы (XVII в.) из Орловского Богоявленского монастыря;
- Сказание об иконе Богородицы Балыкинской Орловской;
- Сказание об иконе Богородицы «Споручница грешных» Одринской;
- Сказание об иконе Богородицы «Взыскание погибших» Болховской;
- Сказание об иконе Богородицы «Взыскание погибших» из с. Бор Калужской епархии;
- Сказание об иконе Николы Ратного Мценского;
- Предание об образе Спаса Нерукотворного, семейной реликвии рода Дмитрия Кантемира;
- Предание об образе Спаса Нерукотворного, семейной реликвии рода Лутовиновых;
- Предание об иконе Богородицы «Всех скорбящих радость» Орловской из Торговых рядов;
- Предание о чуде исцеления купца Петухова от иконы Богоматери Ахтырской Орловской;
- Предание об иконе Богородицы Тихвинской Орловской из Введенского монастыря;
- Предание об иконе Богородицы Казанской Болховской с Красной горы;
- Предание об иконе Богородицы Балыкинской Болховской;
- Предание об иконе Богородицы «Всех скорбящих радость» из Кром;
- Предание об иконе Богородицы «Троеручица» Белобережской Болховской;

– Предание о келейной иконе князя Олега Рязанского (иконе Богоматери Тихвинской) из Елецкого Вознесенского собора;

– Предание об иконе Богородицы Казанской Елецкой, избавившей от нашествия Темир-Аксака;

– Предание о чуде, произошедшем от иконы Богоматери «Знамение», сохраненной в пожаре в Ельце;

– Предание об иконе Богородицы Корсунской, даре Петра I, семейной реликвии рода Дмитрия Кантемира;

– Предание о чуде от иконы Богородицы Казанской 1728 года из с. Семеновка Карачевского уезда;

– Предание о явлении иконы Богородицы Скорбящей на «копани» в с. Суслово Дмитровского уезда;

– Предание об иконе Параскевы Пятницы, прозванной Ременной;

– Предание об иконе «Всех Святых» из болховской Христорождественской церкви и о самовозгоревшейся свече;

– Предание о древних иконах, полученных орловскими старообрядцами «от предков своих».

Сказания и предания о местных иконах, святынях, реликвиях были классифицированы по предмету изображения:

– об иконах Иисуса Христа;

– об иконах Богородицы;

– об иконах святых подвижников.

В процессе исследования авторами было установлено, что до конца XVIII века большая часть текстов и историко-литературных рассказов была посвящена чудотворным иконам Богородицы и Николая Чудотворца [Прим.12]. Часть из них оформилась в сказания еще в позднесредневековый период, часть существовала в виде кратких исторических преданий, повестей и устных «памятей», записанных значительно позднее. Наибольшее количество текстов об иконах возникает, фиксируется и публикуется в XIX

веке, чаще в виде исторических записок. Из них наиболее ценными являются тексты, восходящие к классическим произведениям средневековой литературы, например сказания об иконах Чолнского, Свенского, Новосильского, Одрина, Столбовского монастырей, городские легенды об иконах Богоматери Оранты в г. Ельце и Николая Ратного из г. Мценска и другие.

К краеведческим запискам, так и не оформленным в сказания об иконе, следует отнести краткие тексты, связанные с фамильными реликвиями известных личностей:

-икона Спаса Нерукотворного из собрания Лутовиновых, с которой связана семейная легенда о ее «византийском» происхождении, упомянутая И. С. Тургеневым;

-иконы Спаса Нерукотворного и Богоматери Корсунской, подаренных Петром I Дмитрию Кантемиру в его имение Дмитровка;

-икона Богородицы Каплуновской (список с чудотворной Казанской иконы, который, согласно местной легенде, находилась в императорской ставке Петра Первого в момент сражения со шведами под Полтавой; название иконы восходит к топониму Каплуновка, что близ украинского поселения Ахтырка);

-иконы Спаса Нерукотворного и Богоматери «Знамение», реликвии рода бояр Колычевых;

-икона Богоматери Толгской, которая была якобы списана с оригинального одноименного образа в год его явления на реке Толге святителю Тихону, якобы являвшейся 500 лет фамильной святыней рода Голостеновых;

-иконы, хранившиеся в с. Высоком, на родине митрополита Филарета Амфитеатрова;

-икона Богоматери Тихвинской из-под с. Усть-Нугрь Болховского уезда, легендарно известная как «подарок безымянной императрицы».

Местные сказания и предания об иконах сюжетно соотносятся с известными произве-

дениями древнерусской литературы и не единожды детально повторяют повествования об общерусских святынях. Так, «Сказание о Сретении иконы Богоматери Владимирской» отразилось в «Сказании об иконе Елецкой (Оранте)». Древнее киевское предание о чуде, произошедшем у иконы чудотворца с половчанином, прослеживается в тексте о Николе Новосильском Добром. Ряд сюжетов и мотивов из средневекового проложного «Жития Николы Чудотворца» транслируется в «Сказании о Николе Ратном Мценском» (чудо исцеления от слепоты, чудо явления на камне) и «Сказании о Николе Одринском» (чудо первого явления на сосне на берегу реки и строительство церкви; второе явление в огне, не сгорая, на месте бывшего храма и основание монастыря). В последнем тексте прослеживается аналогия с мотивом многократного обретения богородичных икон на древе и сохранении их в огне на месте построения церкви (например, Елецкой-Черниговской). Отметим, что чудеса от иконы Елецкой-Черниговской (мотив явление на ели в огне) описаны в известном сочинении И. Галятовского о чудотворных иконах (1669 [15]), которое и могло послужить основой для создания текста об иконе Николы Одринского Карачевского, учитывая близость региона к Чернигову. Мотив возвращения на прежнее место и второго обретения иконы содержится в кратком рассказе о явленной иконе св. Николы Старого или Большого из с. Чернь.

Авторы статьи при изучении местных текстов отметили, что наибольшее количество рассказов о верхнеокских почитаемых иконах имеют вид кратких сообщений, фиксирующих устное предание. Типичными являются историко-культурные записки о явлении на конкретном месте, о чудесном знаменнии от иконы, об обретении после пожара; о самовозгорании свечи (например, знаменитое событие у иконы «Всех Святых» в храме упрзд-

ненного Христорождественского монастыря в Болхове во второй половине XIX века, ставшем предвозвестием основания нового женского Всехсвятского монастыря). Эти рассказы напоминают глубоко укорененную в русской традиции мотивацию обретения чтимых образов, известную по Сказаниям об иконах Русского Севера, Центрального и южнорусского («украинного») региона. Мотивы, встречающиеся в ставших классическими Сказаниях об иконах Богоматери Владимирской, Казанской, Тихвинской, Курской Коренной, повторяются в местных орловских преданиях XVIII–XIX вв., зафиксированных в краеведческой литературе начала XX века об обретении икон:

- *в земле:*

- икона Богородицы Казанской (Красногорской), обретенная под разрушенной башней Болховского кремля детинца в земле, на месте которой затем была сооружена памятная часовня;

- икона Николы Пахатного, которую «мужик выпал» в центре города Болхова на пашне, после чего был воздвигнут Никольский храм;

- *на пожаре:*

- «найденные в пепле, нисколько не поврежденные», в XVII – XVIII вв. на месте сгоревшего храма в с. Гуторово Кромского уезда икона Богоматери «Казанская» и икона св. Николая;

- икона Богоматери «Страстная», которая отвела пожар в сторону от храма в с. Пальна Болховского уезда в 1868 году; икона Спаса Нерукотворного, вывезенная из Москвы в Елец в 1812 году, обретенная «неприкосновенною» и хранившаяся во Введенской церкви;

- *на колодце:*

- икона Успения Богоматери, найденная на колодце близ будущего Успенского храма в Орле;

- икона Богородицы «Тихвинская Болховская»;

- явившаяся «200 лет тому назад ... на колодезе» икона Тихона, Амафунтийского чудотворца;

- икона св. Николы Большого или Старого из с. Чернь, «явленная на колодеце Асеевой лощины»;

- икона Богородицы «Казанская» из с. Танково Кромского уезда, обретенная на колодеце в деревне Гранкиной Дмитровского уезда «более 200 лет назад»;

- икона Козьмы и Дамиана из церкви, найденная «более 200 лет назад» в с. Пальна Болховского уезда;

- в лодке:

- икона Богородицы из Чолнского монастыря;

- на древе:

- икона Богородицы Казанской в болховском с. Ближнее Гнездилово;

- икона св. Николы, явленная на ясене, или «ячене», в честь которого названо болховское с. Ячное;

- икона Богородицы «Живоносный источник» из с. Пищулино Елецкого уезда, найденная на крутой горе посреди леса на ветках вяза;

- на берегу реки:

- икона Богородицы «Свенская Печерская»; икона св. Николы Одринского;

- икона мученика Иоанна Воина, обретенная на берегу реки Оки, позднее сохранявшаяся в церкви с. Чегодаево;

- на каменном столпе:

- икона Николы Столбовского в с. Столбово близ Севска;

- во время сна:

- явление больной девушке иконы Богородицы «Утоли моя печали» с повелением обновить образ и получение награды в виде исцеления.

Приведенными примерами не исчерпывается круг описываемых явлений. Объекта-

ми сказаний, как правило, являются одноименные общерусским святыням иконы, названия которых дополнены топонимами, связанными с населенными пунктами Орловской губернии.

Тема прославления чудотворных икон нередко выражалась в историко-краеведческих рассказах разной жанровой направленности. Отметим, что одна из версий «Сказания о явлении иконы Богородицы в городе Ельце» напоминает средневековый жанр «хождение». Данное сочинение в форме, близкой путевым заметкам, повествует о жителях Ельца, отправившихся в Москву в первой трети XVIII века для получения списка сохранившейся в столице иконы Богородицы, когда-то явленной на Аргамачьей горе во время нашествия Тамерлана. Заметим, что вторая версия сказания имеет иной характер, приближающийся к летописному повествованию: в ней кратко пересказывается известная «Повесть о Темир-Аксаке», акцентируется внимание на явлении самой Богородицы в окружении ангельского воинства Тамерлану, произошедшее в Ельце, и утверждается, что тогда же была явлена и первая икона, копию которой требуется вернуть в Елец.

Авторы также отмечают, что развернутого объемного повествования о явлении, бытовании и чудесах чудотворной иконы в Орловской епархии, подобно Сказаниям о Владимирской иконе Божией Матери, так и не было создано. Также отметим, что Сказания об иконах южных границ Центрального региона в большинстве случаев не входили в составные сборники о деяниях чудотворных икон (XIX в.), за исключением нескольких местечеческих икон Богородицы: Печерской из Свенского монастыря, Курской из Коренной пустыни, «Взыскание погибших» из города Болхова.

Несомненно, особого исследовательского интереса заслуживает свенское сказание о начале Свенской обители, восходящее к ре-

гиональному преданию о явлении иконы Богоматери Свенской Печерской, которое само послужило отправной точкой для формирования корпуса агиографических произведений о святых князьях Брянских Романе и Олеге. «Сказание о зачатии Свенского монастыря» фиксируется в двух ранних редакциях (киевская рукопись XVI в. и текст XVII в., опубликованный в «Русской вивлиофике» в 1791г.), которые восходят к общему протографу, характеризуются общностью сюжетов и мотивов, но отличаются в лексико-грамматическом отношении. Исследование позволило установить, что формирование первоначального Сказания относится ко времени не ранее 1566 года. Первоосновой данного текста выступала Челобитная старца Свенской монашеской обители Иова Камынина, которую он адресовал царю Иоанну V. Челобитная содержала в себе запись устного предания о явлении Свенской иконы Богоматери и повествование об исцелении брянского князя Романа, а также «моление» о восстановлении оклада чудотворной иконы Богоматери Свенской. Два известных опубликованных списка составляют разные редакции, восходящие к общему протографу.

В изученных текстах авторы статьи встретились с зафиксированным в местной краеведческой литературе и «церковных сказках» циклом рассказов о чудесах исцеления иконой или спасения от неурожая и эпидемии. Например, предание об исцелении глаз связано с иконой Тихона Амафунтийского из с. Долженки, записанное в XIX в.; предание о шестикратном неурожаяе и засухе и прекращении их как чуде от древней иконы Богоматери «Знамение» из с. Пенного Кромского уезда; икона Богоматери Казанской из с. Танково Кромского уезда; икона Богоматери «Владимирская», исцелившая от слепоты девицу, повелев умыться в источнике близ с. Тростного Елецкого уезда. Есть даже историческая быль о дворовом человеке рода Апух-

тиных, собственноручно выполнившем образ Скорбящей Богоматери, почитаемый в дальнейшем, для храма в с. Коноплянка Болховского уезда в знак исцеления от болезни. Подобные историко-краеведческие тексты выявляют вариативность восприятия конкретного религиозного факта, где чудесное явление иконы передается в качестве мистического действия, что отражалось в путешествии иконы на камне по реке («Сказание об иконе Николы Площанского»), как это показано в сюжете, посвященном святым Василию Рязанцу и Антонию Римлянину, и как естественное событие, когда икона обреталась избранным лицом в лесу, на древе, на берегу реки, или икону привозили в виде списка, выполненного известным лицом с другой чудотворной иконы (повествование о чудотворном списке с иконы Богоматери Балыкинской Стародубской, переданной в 1711г. в Орловский Введенский монастырь Иоанном Максимовичем, бывшим на тот момент архиепископом Черниговским; рассказ о почитаемом списке иконы Богоматери Киево-Печерской, подаренной митрополитом Филаретом Амфитеатовым в храм с. Высокого, где были погребены его родители). Данные темы и мотивы следует отнести к первичным, подготавливающим почву для составления развернутого повествования, которое чаще всего оставалось в Верхнеокском регионе незавершенным.

Сказания об иконах Верхнеокского региона не представляют отдельной группы памятников, сформированных локально и не связанных с общерусской традицией, получившей распространение еще в древнерусский период. Обозначенные в исследовании тексты относятся к «литературе образца» и наоборот свидетельствуют о постоянном взаимодействии южнорусской и центрально-русской традиций, благодаря хождению в церковной среде печатных произведений (Киево-Печерский патерик, Пролог, сочине-

ния Иоанникия Голятовского и др.). На конкретный местный эпизод, сохраненный благодаря «народным памятям», обычно процируется распространенный ранее текст христианского содержания. В историко-литературном и жанровом отношении тексты об иконах, бытовавшие в Верхнеокском регионе (в границах Орловской губернии), показывают разнообразие, что характерно для русской культуры XVIII – XIX вв. Все тексты имели явную низовую направленность и преимущественно применялись к показу исторического бытия (сказания, повести, хождения).

Непосредственно связаны с иконографической традицией и сказаниями об иконах местные предания о святых и подвижниках и жития местночтимых святых. Так, как уже отмечалось выше, «Сказание о зачатии Свенского монастыря» стало исходной точкой формирования группы житийных текстов о святых князьях Романе и Олеге Брянских. Это же Сказание, как показывает настоящее исследование, послужило источником для формирования иконографии святых.

Что касается корпуса агиографических текстов исследуемого региона, то следует отметить, что житий святых сравнительно немного и они по преимуществу составляются в Новое и Новейшее время. Впрочем, от периода конца XIX – начала XX века до нашего времени дошли материалы краеведческого характера, которые указывают на сбор сведений о святом с целью последующей канонизации. Таковы, например, материалы к незавершенной канонизации ливенского старца Харлампия, собранные о. Василием Понятовским (1915); или материалы о преп. Поликарпе Брянском, подготовленные П.Н. Тихановым (1893). Заметим, что если автобиография Харлампия так и не была составлена, то сочинение П.Н. Тиханова было положено в основу одной из современных версий «Жития Поликарпа», в том числе использованы научно не обоснованные пред-

положения автора о личности святого, который, по его мнению, происходил из рода князей Барятинских. Надо отметить, что житийные региональные повествования о святых, чья деятельность датируется ранее XIX века, создаются в Новое и Новейшее время и опираются на сведения, собранные местными дореволюционными краеведами. В качестве примера можно указать современные жития Тихона Карачевского или Поликарпа Брянского, составленные в связи с прославлением собора Брянских святых в начале XXI века. Местное почитание подвижников и легенды о них уже существовали, очевидно, не позднее XVIII века. Более того, следует отметить, что иконография святых возникает, как правило, ранее составления текста жития. Такого рода агиографическое повествование зачастую повторяет текст краеведческого источника, дополняя повествование о святом информацией исторического характера, например, сведениями об истории монастыря, в котором подвизался святой.

Иной характер имеют жития святых, прославившихся в Новое время. Проведенный нами анализ житий свв. Макария Глухарева, Георгия Коссова и жизнеописания блаженного Афанасия Сайко, составленных в конце XX века, показал, что они имеют основательную документальную базу и в то же время включают записи устных рассказов о святых. Жития новых орловских святых близки жанру современной светской биографии из-за обилия документальных данных. Заметно преобладают эпизоды информационно-описательного характера, что связано с активным использованием их составителями документальных источников и данных. Развитие иконографии святых, прославленных в Новейшее время, также зависит от документальных данных. В церковном искусстве иконографический образ святого формируется на основе прижизненных портретов и фотографий. Однако наше исследование позво-

ляет сделать вывод о различиях в функционировании современных агиографических текстов и иконографии. Иконопись тяготеет к доживописной традиции, в связи с чем документальные изображения (портрет или фотография) преобразуются в произведение иконописи. Современная агиография, напротив, во многом зависит от документов, что приводит к определенной жанровой трансформации при условии сохранения традиционной сюжетной схемы и основных принципов создания образов персонажей.

Следует особо отметить тот факт, что региональное бытование сказаний об иконах и святых на современном этапе имеет весьма специфический характер. С одной стороны, продолжает существовать и развиваться письменная агиографическая традиция, которая реализуется в публикации житий святых, составлении новых версий агиографического повествования, их тиражировании в церковной среде и средствах массовой информации, в том числе в сети Интернет. С другой стороны, продолжают бытовать устные рассказы о чудесах от икон, об обретении икон, о чудесах, связанных с почитанием региональных святых. Отчасти устные предания подпитываются письменными источниками, но в то же время продолжается процесс создания повествований о чудесах в околоцерковной среде, что способствует формированию региональных культурных текстов, связанных с почитанием тех или иных святых или чудотворных местночтимых икон. Такого рода местные тексты сложились в г. Ливны (в связи с почитанием «ливенских старцев»), в г. Мценске (икона Николая Мценского и сказания о ней), в г. Болхове (икона Николая Болховского, св. Георгий Коссов), г. Ельце (икона Богородицы), г. Орле (блаженный Афанасий Сайко) и пр.

Развитие и иконографии, и агиографии зачастую идёт разными путями. Сначала формируется местная иконография на осно-

ве традиционных агиографических источников в зависимости от типа святости, затем – агиография. Примером служит иконография благоверных князей Романа и Олега Брянских, сформированная в Новое время на основе средневековых письменных и иконографических источников, среди которых особую роль играли иконописные подлинники (иконаграфия благоверного князя Михаила Черниговского и боярина Федора, получивших особое почитание в царствование Иоанна Грозного), поздние летописцы, сказание об основании монастыря, в Новое время дополненные традицией краеведческих и общерусских исторических исследований, где отсутствие точных данных о жизни древнего святого замещается подробным описанием историко-культурного контекста, изученного в позднейший период. В Новое и Новейшее время о местных святых продолжают бытовать региональные устные рассказы. Например, в центре и на юго-западе России в XIX веке сложился целый цикл региональных преданий о киевском преподобномученике Кукше Печерском. Единственным средневековым источником об этом просветителе непокорных вятичей является «Послание Симона, епископа Владимирского, печерскому иноку Поликарпу», в период между 1215 и 1226 гг. вошедшее в состав Киево-Печерского Патерика [Прим.11]. Патериковая запись во второй половине XIX века дополняется рядом сведений, в которых вятич Кукша оказался в Киеве, принял крещение, затем постриг с именем Иоанн, вернулся в землю вятичей, проповедовал, был казнен около 1113 года волхвами вместе с учеником Никоном. Мощи Кукши нашли монахи, отправившиеся за ним, и перевезли в монастырь. Кукша якобы успел привезти в Мценск резную деревянную икону Николая Чудотворца, которую стали почитать первые христиане из вятичей, затем икона была спрятана и вновь обретена в 1415 году [Прим.10].

В результате исследования реконструирована история почитания святых, создания их первых региональных изображений и сложения агиографических текстов. Иконография, и повествования о святых оказались неким цельным культурным явлением. В то же время композиция житий святых и жизнеописаний региональных подвижников благочестия остается традиционной и консервативной и в целом не теряет связи с агиографической структурой, установленной еще в византийский период. В зоне наибольшего варьирования оказываются те фрагменты жития, которые автор не может восполнить за счет сохранившихся сведений. Тогда информация черпается из исторических сочинений и современных устных рассказов. Поэтому филолого-иконографический метод помог рассмотреть функционирование этого явления в комплексе, вне зависимости от того, заимствована ли иконография или развивается местно. Полученные данные дают возможность представить эволюцию явления в целом, что анализируется на примере местных текстов и в устном, и в письменном вариантах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

В результате проведенного исследования получены следующие основные результаты.

1. Определен корпус сказаний о почитаемых региональных иконах, святынях и святых, распространенных путем исследования документов и публикаций, хранящихся в Государственном архиве Орловской области (ГАОО) и краеведческом отделе Орловской областной библиотеки имени И. А. Бунина. Выявлены и введены в научный оборот памятники литературной традиции позднего Средневековья и Нового времени, ранее не подвергавшиеся филологическому анализу, в частности «Сказание об иконе Богоматери Тихвинской из Болхова», «Сказание об иконе Богоматери Балыкинской из Орла», «Житие Поликарпа Брянского», «Житие Тихона Кара-

чевского», «Повествование о ливенских старцах», «Сказание об основании Свенского монастыря» и ряд других. В целом выявлено около 200 текстов краеведческого и архивного характера, включая варианты и версии, посвященных историческим преданиям о местночтимых иконах и святых.

2. Местные предания об иконах, а также наименования храмовых алтарей, зафиксированные в основном в конце средневекового периода и в Новое время, использованы авторами для определения иконографического разнообразия местночтимых икон. Наиболее распространенными в регионе в позднесредневековый период следует считать иконы святых мучеников и страстотерпцев Георгия Победоносца, Никиты Готского, Дмитрия Солунского Мироточивого, Космы и Дамиана, врачей (или Римские, или Асийские, или Аравийские, что не уточняется в местных источниках), Флора и Лавра Иллирийских, Бориса и Глеба Киевских, Параскевы Пятницы. Наличие наибольшего количества икон мучеников среди общего количества упомянутых произведений иконописи отражает получившую распространение и устоявшуюся традицию сурового приграничного быта южных окраин Московского государства в XVI – XVII вв. Отметим широкое разнообразие образов Богоматери. Присутствующие в местных собраниях списки легендарных образов Богоматери Одигитрии Смоленской (Орловский район), Одигитрии Тихвинской (Болхов) и только с самого конца XVI века Елеусы Владимирской (Елец) говорит о влиянии московской традиции. Ряд икон, восходящих к традиционной византийской и общерусской иконографии, обрели местные топонимические названия (иконы «Всех скорбящих радость» Кромская, Оранта Елецкая, «Умиление» Чолнская, «Неувядаемый цвет» Трубчевская, Богоматерь «Взыскание погибших» Болховская, Богоматерь «Взыскание погибших» Борская, «Споручни-

ца грешных» Одринская, «Троеручица» Белобережская, «Троеручица» Болховская, Страстная Карачевская).

3. Осуществлена датировка наиболее интересных и практически не изученных сказаний об иконах. Доказано, что первоначальная редакция «Сказания о зачатии Свенского монастыря» сложилась в составе ныне утраченного летописца Свенского Брянского монастыря не позднее 1566 года; первоначальный текст «Сказания о Николе Мценском», в настоящее время зафиксированный в пяти версиях, опубликованных в XIX – начале XX века, следует датировать XVIII – XIX вв.

4. Предложены классификации сказаний о местночтимых иконах и святых: по времени создания (до 1700 года; XVIII век; XIX век); по предмету изображения (о Спасовых иконах, о богородичных иконах, об иконах святых).

Установлено, что до конца XVIII века большинство текстов было посвящено чудотворным иконам Богоматери и Николы Чудотворца. Часть из них оформилась в Сказания еще в позднесредневековый период, часть существовала в виде кратких исторических преданий, повестей и устных «памятей», записанных значительно позднее. Наибольшее количество текстов об иконах возникает, фиксируется и публикуется в XIX веке, чаще в виде исторических записок. Из них наиболее ценными являются тексты, восходящие к классическим произведениям средневековой литературы.

5. Специфика жанра. При изучении местных текстов определено, что наибольшее количество рассказов о верхнеокских почитаемых иконах имеют вид кратких сообщений, фиксирующих устное предание. Типичными являются историко-культурные записки о явлении на конкретном месте, о чудесном знаменнии от иконы, об обретении после пожара, о самовозгорании свечи и пр. Эти рассказы напоминают глубоко укорененную в

русской традиции мотивацию обретения чтимых образов, известную по Сказаниям об иконах Русского Севера, Центрального и южнорусского («украинного») региона.

В основном, мы встречаемся с зафиксированным в местной краеведческой литературе и «церковных сказках» циклом рассказов о чудесах исцеления иконой или спасения от неурожая и эпидемии.

Выявлена отдельная группа произведений, относящаяся к краткой жанровой разновидности Сказаний – «летописному» сообщению о явлении иконы. Этот жанр был распространен в позднесредневековый период и нашел продолжение в ряде местных орловских текстов (сказания о явлении икон Богородицы Тихвинской из Болхова, Николы Мценского, Николы Одринского, Николы Новосильского, Николы Столбовского).

Фиксируются также жанровые соответствия с традициями древнерусских хождений. Так, одна из версий «Сказания о явлении иконы Богоматери Елецкой (Оранты) в городе Ельце» близка к путевым запискам и напоминает данный средневековый жанр.

Развернутого объемного повествования о явлении, бытовании и чудесах чудотворной иконы в Орловской епархии, подобно сказаниям о Владимирской иконе Божией Матери, не было создано, Сказания об иконах южных границ Центрального региона в большинстве случаев не входили в своды сказаний о чудотворных иконах (XIX век), за исключением нескольких святынь: иконы Богоматери Свенской Печерской, Курской Коренной, «Взыскание погибших» Болховской.

6. Исследование позволило выделить наиболее частотные мотивы, встречающиеся как в книжных текстах, так и в устных преданиях о явленных иконах. К ним относятся: 1) мотив исцеления; 2) мотив водной стихии; 3) мотив живой иконы; 5) мотив движения иконы и чудесной остановки в пути.

7. Изучение региональных агиографических памятников показало, что житийные повествования о местночтимых святынях, чья деятельность датируется ранее XIX века, создаются в Новое и Новейшее время и опираются на сведения, собранные местными дореволюционными краеведами. Агиографическое повествование зачастую повторяет текст краеведческого источника, дополняя повествование о святом информацией исторического характера, например, сведениями об истории монастыря, в котором подвизался святой (Тихон Карачевский, Поликарп Брянский и пр.). Иной характер имеют жития святынь, прославившихся в Новое время. Анализ житий свв. Макарий Глухарева, Георгия Коссова и жизнеописания блаженного Афанасия Сайко, составленных в конце XX века, показал, что они близки жанру современной светской биографии из-за обилия документальных данных. Развитие иконографии святынь, прославленных в Новейшее время, также зависит от документальных данных, иконографический образ святого формируется на основе прижизненных портретов и фотографий. Однако наше исследование позволяет сделать вывод о различиях в функционировании современных агиографических текстов и иконографии. Иконопись тяготеет к живописной традиции, в связи с чем документальные изображения (портрет или фотография) преобразуются в произведение иконописи. Современная агиография, напротив, во многом зависит от документов, что приводит к определенной жанровой трансформации при условии сохранения традиционной сюжетной схемы и основных принципов создания образов персонажей.

8. Сказания об иконах Верхнеокского региона не представляют отдельной группы памятников, сформированных локально и не связанных с общерусской традицией, получившей распространение еще в древнерусский период. Обозначенные в исследовании

тексты относятся к «литературе образца» и наоборот свидетельствуют о постоянном взаимодействии южнорусской и центрально-русской традиций, благодаря хождению в церковной среде печатных произведений (Киево-Печерский патерик, Пролог, сочинения Иоанникия Голятовского и др.).

Региональное бытование сказаний об иконах и святынях на современном этапе имеет весьма специфический характер. С одной стороны, продолжает существовать и развиваться письменная агиографическая традиция, которая реализуется в публикации житий святынь, составлении новых версий агиографического повествования, их тиражировании в церковной среде и средствах массовой информации, в том числе в сети Интернет. С другой стороны, продолжают бытовать устные рассказы о чудесах от икон, об обретении икон, о чудесах, связанных с почитанием региональных святынь. Отчасти устные предания подпитываются письменными источниками, но в то же время продолжается процесс создания повествований о чудесах в околоцерковной среде, что способствует формированию региональных культурных текстов, связанных с почитанием тех или иных святынь или чудотворных местночтимых икон.

Примечания:

Прим.1: См. Антонова М.В., Комова М.А. Проблемы текстологии «Сказания о зачатии Свенского монастыря» // Вестник Брянского государственного университета. – 2015.–№ 3. – С. 185 – 187.

Прим.2: См. Комова М.А. О датировке «Сказания о Николе Новосильском» // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 151-153.

Прим.3: См. Антонова М.В., Комова М.А. Проблемы текстологии «Сказания о зачатии Свенского монастыря» // Вестник Брянского

государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 185 – 187.

Прим.4: См. Комова М.А. О списках текста «Сказания о Николе Мценском» / Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2015. – № 6 (69). – С. 326-330.

Прим. 5: См. Комова М.А. О близости мотивов «Сказания о Николе Новосильском Добром», проложного жития Николы-чудотворца и киевского списка жития Николы XIX в. // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 252– 254.

Прим. 6: См. Антонова М.В., Комова М.А. Житийные образы благоверных князей Олега и Романа Брянских: иконографический комментарий // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 182 – 185.

Прим.7: См. Антонова М.В. Ливенский «Жарлампиевский» текст: история и современное состояние // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 79–82.

Прим.8: См. Антонова М.В. Житие Тихона Карачевского: источники и специфика содержания // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – №6.–С. 294– 296.

Прим.9: См. Комова М.А. Жанровая специфика сказаний о чудотворных иконах Верхнеокского региона (в рамках Орловской губернии) // Жизнь провинции: история и современность. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. – Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 2015. – С. 209-216.

Прим.10: См. Антонова М.В. Предания о чудотворной иконе Николы Мценского (по письменным источникам XIX – XX вв.) // IV Всероссийский конгресс фольклористов:

Сборник научных статей. – 2019. – С. 358 – 366.

Прим.11: См. Антонова М.В., Комова М.А. «Киево-Печерский патерик» как источник иконографии преподобного священномученика Кукши // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 206– 209.

Прим.12: См.: Антонова М.В., Комова М.А. О протографе скульптуры св. Николы Ратного, упомянутой в «Легенде о Николе Мценском» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2015. – № 2 (65). – С. 317-319.

Библиография:

1.Иерофей, архимандрит. О Свенской чудотворной явленной иконе Божией Матери // Орловские епархиальные ведомости. – 1865. – № 7. – С. 234-242.

2. Легенда о крещении мценян // Русская вивлиофика. – 1833. – Ч. 1. – С. 262.

3. Исторические сведения о святой иконе Страстной Богоматери, находящейся в Карачевском Архангельском соборе. Опись 1752 г. образу Богородицы явления Страстная, который составлен от Ея Императорского Величества полковнику Свешникову // Орловские епархиальные ведомости. – 1869. – № 10. – С. 914-924.

4. Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. 1. Болховский – Кромской уезды. – Орёл, 1905.

5. Георгиевский А. О происхождении типа иконы Богоматери «Взыскание погибших» и древнейших списках ея // Сборник Орловского Церковно-археологического общества. – Т. 1. – Орёл, 1906. – С. 380-389.

6. Иерофей, архимандрит. О Свенской чудотворной явленной иконе Божией Мате-

ри // Орловские епархиальные ведомости. – 1865. – № 7. – С. 234-242.

7. Исторические сведения о святой иконе Страстной Богородицы, находящейся в Карачевском Архангельском соборе. Опись 1752 г. образу Богородицы явления Страстной, который составлен от Ея Императорского Величества полковнику Свешникову // Орловские епархиальные ведомости. – 1869. – № 10. – С. 914-924.

8. К 200-летию чудотворного списка с Балькинской иконы Божией Матери, находящегося в Орловском Введенском девичьем монастыре (1711–1911 гг.) // Орловские епархиальные ведомости. – 1911. – № 27.

9. Красовский С., священник. Краткий очерк Одрино-Николаевского монастыря и его святыни // Орловские епархиальные ведомости. – 1872. – № 21. – С. 1469-1480.

10. Ливанский И., священник. О чудотворной иконе Божией Матери «Всех скорбящих радость» в Богоявленной г. Орла церкви. – Орёл, 1912.

11. Пясецкий Г.М. О явленных и чудотворных иконах в пределах Орловского края в период зависимости от Черниговской и Брянской епархий // Орловские епархиальные ведомости. – 1870. – № 10. – С. 1050–1061.

12. Адамов В. Чудотворный образ Святителя Николая в г. Мценске. Исторический очерк к предстоящему пятисотлетию со дня обретения его в 1415–1915 годах // Орловские епархиальные ведомости. – 1915. – № 18.

References:

1. Ierofei, arhimandrit. O Svenskoj chudotvornoj iavlennoi ikone Bozhiei Materi // Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. – 1865. – № 7. – S. 234-242.

2. Legenda o kreshchenii mtsenian // Russkaia vivliofika. – 1833. – Ch. 1. – S. 262.

3. Istoricheskie svedeniia o sviatoi ikone Strastnoi Bogomateri, nakhodiashcheisia v Kara-chevskom Arkhangel'skom sobore. Opis' 1752 g. obrazu Bogoroditsy iavlennii Strastnyia, ko-toryi sostavlenn ot Eia Imperatorskogo Ve-lichestva polkovniku Sveshnikovu // Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. – 1869. – № 10. – S.914-924.

4. Istoricheskoe opisanie tserkvei, prikhodov i monastyrei Orlovskoi eparkhii. T.1. Bolkhovskii – Kromskoi uezdy. – Orel, 1905.

5. Georgievskii A. O proiskhozhdenii tipa ikony Bogomateri «Vzyskanie pogibshikh» i drevneishikh spiskakh eia // Sbornik Orlovskogo Tserkovno-arkheologicheskogo obshchestva. T. 1. – Orel, 1906. – S. 380-389.

6. Ierofei, arhimandrit. O Svenskoj chudotvornoj iavlennoi ikone Bozhiei Materi // Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. – 1865. – № 7. – S. 234-242.

7. Istoricheskie svedeniia o sviatoi ikone Strastnoi Bogomateri, nakhodiashcheisia v Kara-chevskom Arkhangel'skom sobore. Opis' 1752 g. obrazu Bogoroditsy iavlennii Strastnyia, ko-toryi sostavlenn ot Eia Imperatorskogo Ve-lichestva polkovniku Sveshnikovu // Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. – 1869. – № 10. – S. 914-924.

8. K 200-letiiu chudotvornogo spiska s Balykinskoi ikony Bozhiei Materi, nakhodiashche-gosia v Orlovskom Vvedenskom devich'em monastyre (1711–1911 gg.) // Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. – 1911. – № 27.

9. Krasovskii S., sviashchennik. Kratkii ocherk Odrino-Nikolaevskogo monastyria i ego sviatyni // Orlovskie eparkhial'nye ve-domosti. – 1872. – № 21. – S. 1469-1480.

10. Livanskii I., sviashchennik. O chudotvor-noi ikone Bozhiei Materi «Vsekh skorbiaschikh radost'» v Bogoiavlenskoi g. Orla tserkvi. – Orel, 1912.

11. Piasetskii G.M. O iavlennykh i chudotvornykh ikonakh v predelakh Orlovskogo kraia

v period zavisimosti ot Chernigovskoi i Brianskoi eparkhii // Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. – 1870. – № 10. – S. 1050-1061.

12. Adamov V. Chudotvornyi obraz Sviatelia Nikolaia v g. Mtsenske. Istoricheskii ocherk k predstoiashchemu piatisotletiiu so dnia obreteniia ego v 1415–1915 godakh // Orlovskie eparkhial'nye vedomosti. – 1915. – № 18.

УДК 331.108.2:355.354(470)''1941/1945''

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-3-99-110

ТАРАСОВ Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательской лаборатории Военного института (управления национальной обороны), Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Россия, Москва), e-mail: satar79@mail.ru

TARASOV S.A., Candidate of Historical Sciences, head of the Research Laboratory of the Military Institute (National Defense Management) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), e-mail: satar79@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «АВИАЦИОННОГО» ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ ЦК ВКП(Б) ПО ПОВЫШЕНИЮ БОЕСПОСОБНОСТИ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

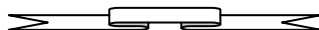
ACTIVITIES OF THE «AVIATION» DEPARTMENT OF THE PERSONNEL DEPARTMENT OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS TO IMPROVE THE COMBAT CAPABILITY OF THE RED ARMY AIR FORCES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Аннотация. В статье рассматриваются задачи, стоявшие перед Управлением кадров Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП (б)) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) по повышению боеспособности Вооруженных Сил Союза Советских Социалистических Республик (СССР), и способы их решения. Основное внимание уделяется деятельности «авиационного» отдела указанного Управления, созданного в начале войны для своевременного информирования политического руководства страны о всех существенных затруднениях в обеспечении, подготовки и применении Военно-воздушных сил Красной армии (ВВС КА). Работа данного отдела в указанное время содействовала улучшению качества управления советской авиации, оптимизации ее организационной структуры, увеличению показателей эффективности боевого применения.

Ключевые слова: Красная армия, военно-воздушные силы, управление кадров, военные кадры.

Abstract. The article discusses the tasks, facing the Personnel Department of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks during the Great Patriotic War to increase the combat effectiveness of the Armed Forces of the Soviet Union, and ways of its resolution. The main attention is paid to the activities of the «aviation» agency of this Department, created at the beginning of the war to inform the political leadership of the country in a timely manner about all the significant difficulties in providing, training and applying the red army Air force. Finally it is emphasised that the work of this Department at the specified time contributed to improving the quality of Soviet aviation management, optimizing its organizational structure, and increasing the effectiveness of combat applications.

Keywords: Red Army, Air Force, Personnel Directorate, military personnel.

ВВЕДЕНИЕ

Незадолго до начала Великой Отечественной войны в составе ЦК ВКП (б) было создано Управление кадров, состоявшее из отделов по различным отраслям народного хозяйства и общественно-политическим сферам жизни государства. Для курирования Народного комиссариата обороны (НКО) в его составе был сформирован соответствующий отдел, который принимал участие в решении многих вопросов военного строительства и осуществлял работу по учету, проверке и утверждению назначений высших военных кадров.

С началом войны объём задач, решаемых Управлением, серьёзно возрос. Наиболее важными из них стали: развертывание армии военного времени, своевременное ее обеспечение командными кадрами, вооружением и военной техникой, организация снабжения и подготовка резервов. Одновременно значительное внимание уделялось эвакуации промышленных предприятий из прифронтовой полосы в тыл, наращиванию выпуска военной продукции для обеспечения нужд фронта.

Работникам отдела, курировавшего НКО, приходилось трудиться с максимальным напряжением сил. Спектр решаемых ими проблем был весьма обширен, включая не только порядок комплектования высших командных должностей Красной армии, но и другие вопросы повышения боеспособности Вооруженных сил Советского Союза.

В подобных сложных обстоятельствах отдельного внимания к себе потребовали ВВС КА, которые являлись важным и технически сложным родом войск. Война быстро показала, что в значительной степени успех сражений зависит от завоевания господства в небе. Немецкая армия в первые месяцы боев обеспечивала свое стремительное наступление, в том числе благодаря эффективному использованию своей авиации, которая с первых дней добилась превосходства в воздухе, создав благоприятные усло-

вия для массовой поддержки своих наземных сил.

Широкое развертывание отечественных ВВС в соответствии с потребностями военного времени, и понесенные тяжелые потери требовали большого количества не только новой авиационной техники, но и хорошо подготовленных авиационных кадров, в том числе командного звена. Для решения этих вопросов в составе Управления кадров был создан самостоятельный отдел Военно-воздушных сил Красной армии и Гражданского воздушного флота (ГВФ), который для краткости во многих документах исследуемого периода именовался «авиационный». Возглавил его бригадный комиссар (с февраля 1944 года генерал-полковник авиации) Н.С. Шиманов. Николай Сергеевич родился 27 июля 1901 года в г. Москве. В 1913 году окончил четырёхклассное городское училище, а в 1915 году – два класса Московского высшего начального училища. В июле 1918 года вступил в Рабоче-крестьянскую Красную армию, в рядах которой участвовал в Гражданской войне. В начале 1930-х гг. был переведен на политическую работу в Военно-воздушные силы. Участник Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). С начала Великой Отечественной войны и до марта 1942 года занимал должности военного комиссара ВВС 19-й, 37-й и 50-й армий, военного комиссара ВВС Волховского фронта. Затем был зачислен в распоряжение ЦК ВКП (б) с оставлением в кадрах РККА, где и возглавил «авиационный» отдел. Одновременно с марта 1943 года по апрель 1946 года являлся членом Военного совета ВВС КА. В апреле 1946 года был арестован. В заключение находился до февраля 1952 года. После освобождения занимал ряд руководящих должностей в советских ВВС и ГВФ. Определением Коллегии Верховного суда СССР от 29 мая 1953 года полностью реабилитирован. Постановлением ЦК КПСС от 12 июня 1953 года восстановлен в партии, воинском звании и ему возвращены правительственные на-

грады. В сентябре 1956 года он был уволен в запас. В 1972 году скончался.

Сотрудники данного отдела участвовали в решении самых различных задач, касавшихся функционирования советской авиации в годы войны. Изучение материалов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) предоставляет возможность определить объем выполняемой ими работы, а также выявить формы и методы решения возникающих вопросов. Учитывая монопольное положение Коммунистической партии в СССР, её доминирующее место в управлении государством, роль и значение ее руководящих органов были очень высокими. Это позволяло структурным подразделениям Управления кадров ЦК ВКП (б) эффективно влиять на различные процессы военного строительства и наращивания военно-экономического потенциала страны.

В компетенцию работников «авиационного» отдела входило рассмотрение, изучение и выработка предложений для Центрального комитета партии (и в первую очередь его секретаря – члена Государственного Комитета обороны (ГКО) и по совместительству руководителя Управления кадров ЦК ВКП (б) Георгия Максимилиановича Маленкова) по ходу подготовки авиационных кадров, укомплектованию частей личным составом и техникой, по работе кадровых органов ВВС КА и ГВФ, обобщению боевого опыта и его внедрению в войска, техническому обслуживанию авиационного парка и ряду других вопросов.

Необходимость создания и функционирования указанного отдела дополнительно объяснялась и тем фактом, что согласно Постановлению ГКО от 4 февраля 1942 года № 1241с о распределении обязанностей между членами Государственного комитета обороны на Г.М. Маленкова возлагалась ответственность за контроль за производством самолетов, авиамоторов, за формирование авиационных полков и их своевременную переброску на фронт, а также за ряд

других вопросов, связанных с функционированием военной авиации страны [1, С. 100].

Деятельность отдела задокументирована начиная с 1942 года. Анализ служебной переписки позволяет определить круг вопросов, к решению которых привлекались его сотрудники в годы войны.

В первую очередь пристальное внимание уделялось контролю за подготовкой личного состава ВВС КА. Будучи технически сложным родом войск, требующим наличия значительного количества хорошо обученных кадров (в том числе по узким специальностям), советская военная авиация нуждалась как в лётном пополнении, так и в инженерно-техническом составе. Решением этого вопроса занималось управление вузов ВВС КА во главе с генерал-майором авиации (впоследствии генерал-лейтенантом авиации) В.И. Ивановым, которое и отвечало за работу соответствующих учебных заведений. О состоянии дел с подготовкой специалистов указанное управление регулярно информировало «авиационный» отдел Управления кадров ЦК ВКП (б). Так в архиве имеется справка-доклад о состоянии технических вузов ВВС КА за 1942 год, направленная 9 января 1943 года в адрес генерал-майора авиации Н.С. Шиманова. В ней подводился итог учебно-боевой подготовки за истекший год, и определялись лучшие учебные заведения. Первое место было отдано Ленинградским авиационно-техническим курсам усовершенствования ВВС КА имени К. Е. Ворошилова, второе место заняла 1-я Московская Краснознаменная военная авиационная школа связи, третье место – Васильковская военная авиационная школа механиков. Помимо этого, в указанном документе подробно описывался ход учебного процесса, его результаты, выявленные недостатки и необходимые мероприятия, которые могли бы способствовать его улучшению [2, Л. 1–6].

Другим примером служит перевод целого ряда военных учебных заведений советских Военно-воздушных сил в места их постоянной

дислокации в ходе третьего периода войны. Он стал возможен в результате решительных побед Красной армии, одержанных в конце 1942–1943 гг., и, как следствие, освобождения значительных территорий европейской части страны от войск противника. Согласно постановлению ГКО от 23 октября 1943 года № 4404 перебазированию на свои прежние места подлежали школы пилотов ВВС КА. Данное мероприятие планировалось провести в зимние месяцы (в основном в период января–марта 1944 года), что должно было обеспечить наименьшую потерю летного времени, предназначавшегося для подготовки курсантов. Большинство указанных школ временно располагались на территории Средне-Азиатского военного округа. С целью недопущения срыва указанного мероприятия и обеспечения бесперебойной эвакуации уже упоминавшийся начальник управления военных учебных заведений ВВС КА генерал-лейтенант авиации В.И. Иванов 7 января 1944 года обратился к начальнику «авиационного» отдела Управления кадров ЦК ВКП (б) за помощью в решении вопросов своевременного выделения и подачи железнодорожных эшелонов для перемещаемых авиашкол [3, Л.1].

Другим весьма важным вопросом, в решении которого участвовал личный состав «авиационного» отдела, было обобщение и изучение опыта боевых действий советских Военно-воздушных сил. Согласно справке, поданной руководством отдела на имя Г. М. Маленкова 27 октября 1942 года, для решения данной задачи при ВВС КА существовал специальный отдел (на тот момент до конца не укомплектованный). Помимо этого, обобщение опыта шло через помощников начальников оперативных отделов воздушных армий и главным образом через периодическую печать – журнал «Вестник воздушного флота» и газету «Сталинский сокол».

За первые 16 месяцев войны по линии ВВС КА было издано несколько небольших обзоров, одна брошюра «Воздушный бой истреби-

телей» и одно пособие для противовоздушной обороны (ПВО) страны. Все остальные материалы, изданные Воениздатом в одиннадцати брошюрах, являлись перепечаткой из газеты «Красная звезда» и главным образом из того же «Сталинского сокола». Из этого делалось обоснованное заключение, что наиболее регулярное обобщение опыта войны, доходящее до командиров полков, эскадрилий и летного состава, дает авиационная газета «Сталинский сокол», которая завоевала значительный авторитет среди летно-технического состава ВВС КА и военно-воздушных сил Военно-морского флота (ВВС ВМФ). Однако, с мая 1942 года указанная газета стала выходить всего лишь один раз в неделю (вместо трех раз до этого), и тиражом всего в 40 тысяч экземпляров, в результате чего в действующих частях одна газета приходилась в среднем на 25 человек, а в запасных бригадах, школах и внутренних военных округах один экземпляр – на авиационный полк [2, Л. 80].

Изучив положение дел с обобщением полученного боевого опыта, начальник «авиационного» отдела Н. С. Шиманов подготовил справку для ЦК ВКП (б), в которой отразил имевшиеся недочеты, отметив, что за последнее время действующие части ВВС КА, школы, академии, запасные бригады всё настойчивее требуют присылки им авиационной газеты «Сталинский сокол» и журнала «Вестник воздушного флота» (последний выходил два раза в месяц в два печатных листа, тиражом всего восемь тысяч экземпляров, в результате чего многие материалы, поступавшие в редакцию, при такой периодичности не могли быть использованы).

Для улучшения положения Н. С. Шиманов предлагал Г.М. Маленкову проработать вопрос о необходимости восстановить периодичность газеты «Сталинский сокол» три раза в неделю тиражом 60 тысяч экземпляров и увеличить тираж журнала «Вестник воздушного флота» до 12 тысяч экземпляров [2, Л.81].

Рассматривались сотрудниками отдела и новые способы фотографирования местности с

воздуха, выработанные летом 1942 года в ряде действующих частей 1-й воздушной армии, для их последующего внедрения в повсеместную практику в масштабе всех ВВС КА с целью повышения качества сбора разведывательных данных о противнике [4, Л.29–42].

На протяжении всей войны активно собирались и анализировались доклады о проделанной работе различных служб и управлений ВВС КА. Так в архивных делах «авиационного» отдела сохранились материалы Управления штурманской службы Военно-воздушных сил Красной армии с отчетами за 1943 год [5, Л. 65–69].

Значительное внимание уделялось письмам, поступавшим от военнослужащих. Их содержание было разнообразным – от ходатайств о направлении на фронт, чтобы иметь возможность непосредственно сражаться с врагом, до жалоб на перевод из действующей лётной части в тыл и предвзятое к себе отношение вышестоящего командования [2, Л. 28–29, 84–85 об.].

Примером служит рассмотрение жалобы старшего инспектора по технике пилотирования Военно-воздушных сил Забайкальского фронта майора Семянистого от 2 июля 1942 года о том, что он подвергался необоснованному преследованию со стороны вышестоящего командования, в ходе которого его дважды снимали с руководящих должностей и превратили в «мальчика для побоев», которого бьют, чтобы остальные боялись и работали лучше. Ввиду сложившихся натянутых отношений с командованием ВВС Забайкальского фронта, которое он обвинял в бездеятельности и ошибках в руководстве подчиненными частями, указанный военнослужащий просил отправить его в действующую армию [4, Л. 8–10].

Факты, изложенные в письме, заинтересовали Г. М. Маленкова, который поручил Н. С. Шиманову их проверить. При уточнении ситуации сотрудники «авиационного» отдела запрашивали необходимые справочные данные от Управления кадров Военно-воздушных сил Красной армии (УК ВВС КА), а также довели

указание о необходимости разобраться до Главного управления Военно-воздушных сил Красной армии (ГУ ВВС КА). Итогом проведенных мероприятий явилась соответствующая информационная справка за подписью Н. С. Шиманова на имя руководства Управления кадров ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1942 года о принятых мерах. В ней сообщалось, что командующий ВВС Забайкальского фронта генерал-майор авиации Изотов и бригадный комиссар Гурджий сняты со своих должностей, а просьба самого майора Семянистого удовлетворена – он переведен в одну из действующих частей Карельского фронта [4, Л. 11–19].

Сотрудники отдела участвовали в решении и других вопросов, касавшихся Военно-воздушных сил и авиационной промышленности: в изучении лётно-тактических данных различных типов авиационной техники и выявленных недостатков при ее эксплуатации; в анализе результатов испытаний новых типов самолетов; в обеспечении ремонтной сети ВВС КА квалифицированными рабочими по ремонту самолетов и моторов; во внедрении технических новшеств в конструкцию самолетов и технологию их производства с целью повышения прочности и качества выпускаемой авиационной техники; в разграничении полномочий между независимой приёмкой Народного комиссариата авиационной промышленности (НКАП) и военными представительствами ВВС КА на авиационных заводах; в расследовании аварий; в определении целесообразности производства некоторых видов десантных планеров; в выработке управлением технической эксплуатации ВВС КА указаний по устранению недочетов в эксплуатации вооружения самолётов и правильному применению авиабомб и реактивных снарядов; в организации учета самолетно-моторного парка; в обеспечении своевременной поставки промышленностью аэродромного оборудования в войска [4, Л. 20–28, 43–187].

В качестве примера можно привести следующие факты. В течение августа–ноября

1942 года острой проблемой, потребовавшей активного вмешательства сотрудников отдела, было налаживание регулярного выпуска самолетных радиостанций для обеспечения лучшей управляемости авиацией в бою [4, Л. 110–132]. В 1943 году значительное внимание было уделено повышению качества сборки боевых самолетов на предприятиях авиационной промышленности. Поводом к этому послужил целый ряд аварий и катастроф, вызванных заводскими дефектами [6, Л. 2–3]. Последние, отчасти объяснялись следующими причинами: экстренным переносом в течение лета–осени 1941 года существенной части производства в тыл, с целью спасения его от наступающих немецких войск, резко возросшими объемами выпуска техники для покрытия нужд фронта и широким использованием низкоквалифицированного труда женщин и подростков, заменивших собой в заводских цехах призванных в армию мужчин. В рамках решения указанной проблемы отдельно рассматривался вопрос о снижении брака в ходе выпуска авиационных двигателей как важной составляющей конструкции самолета, обеспечивающей его заданные лётно-технические характеристики и надежность эксплуатации [7, Л. 127–149].

Одновременно с решением возникающих технических затруднений в течение войны в задачи работников отдела входила регулярная подготовка проектов постановлений ГКО по вопросам оснащения ВВС КА требуемой материальной частью, организации ее ремонта и надлежащего обслуживания. Так, 1 марта 1943 года Н. С. Шиманов обратился к Г. М. Маленкову за разрешением на разработку двух постановлений о мероприятиях по обеспечению ремонта самолетов и авиамоторов во втором квартале 1943 года и о материально-техническом обеспечении эксплуатации самолетов ВВС КА, ВВС ВМФ и ГВФ в данный период, их согласования с 38 различными народными комиссариатами и ведомствами страны, чьи интересы они затрагивают, с предоставлением проработанных

вариантов на его рассмотрение к 25 марта 1943 года [8, Л. 21]. Весной этого же года подготовивался и проект постановления ГКО «О ремонтно-монтажном инструменте и приспособлениях для ВВС КА, ВВС ВМФ и ГВФ». О масштабах работы, проделанной на данном направлении, свидетельствует размер архивного материала, который только по последнему вопросу составил 115 страниц [9, Л. 1–115].

В третьем периоде войны значительное внимание уделялось налаживанию более тесного взаимодействия между строевыми частями ВВС КА и Научно-испытательным институтом авиационного вооружения Военно-воздушных сил Красной армии. Данное сотрудничество своей целью имело повышение качества освоения новой материальной части, поступающей в войска во всё возрастающем количестве, и эффективности её применения. Так, согласно справке начальника института генерал-майора инженерно-авиационной службы Гуревича от 23 марта 1944 года № 0700, представленной на имя Н. С. Шиманова, за год существования данного учреждения (с марта 1943 года) с участием его представителей и при содействии руководства «авиационного» отдела Управления кадров ЦК ВКП(б) было организовано и проведено 17 различных сборов по вопросам изучения новых видов вооружения, на которых присутствовало около 550 человек офицерского состава; разработано 30 различных описаний и инструкций по его эксплуатации; составлено 32 таблицы стрельб, бомбометания и карточек по пристрелке вооружения самолетов; опубликован справочный материал по хранению, использованию и обезвреживанию авиационных бомб, в том числе трофейных [10, Л. 2–2 об.].

С приближением победы над противником партийные кадровики существенное внимание стали уделять изучению вопроса состояния авиационной промышленности нацистской Германии (в том числе предприятий, расположенных на территории её союзников и оккупированных ими стран Европы), перспектив ее даль-

нейшего функционирования и влияния её производственных показателей на качество применения люфтваффе. Некоторые результаты анализа данного вопроса, также нашли свое отражение в архивных материалах исследуемого нами отдела. Согласно выводам, содержащимся в информационной справке от 22 сентября 1944 года, подписанной Н. С. Шимановым, совокупное воздействие авиации союзников по антигитлеровской коалиции привело к тому, что начиная со второй половины 1941 года у противоборствующей стороны наблюдалось превышение числа потерянных самолетов над количеством произведенных. Данный разрыв противник пытался частично компенсировать более активным вводом в строй отремонтированной заводским способом авиационной техники, в том числе с привлечением мощностей основных авиастроительных предприятий, что, в свою очередь, имело обратный эффект, поскольку вело к сокращению возможности выпуска новых боевых самолетов. Как результат указанной тенденции, на протяжении войны наблюдалось падение показателей среднесуточного количества боевых самолётов вылетов немецких ВВС на советско-германском фронте: в 1942 году в среднем было совершено 1450 самолётов вылетов в сутки, в 1943 году – 1300 и по состоянию на 21 сентября 1944 года – 860 самолётов вылетов. Для сравнения только за период с 1 по 19 сентября 1944 года советская авиация (без учета авиации дальнего действия (АДД) и авиации военно-морского флота) совершила 53 931 самолётов вылет, что составило в среднем 2838 вылетов в сутки. За аналогичный период люфтваффе произвело всего 9049 самолётов вылетов, то есть почти в шесть раз меньше [10, л. 3–6].

На протяжении всей войны сотрудники отдела пристальное внимание уделяли контролю за ходом поставок в СССР авиационной техники, запасных частей и различного имущества для ее обслуживания, осуществлявшихся союзниками в рамках ленд-лиза. Так, согласно материалам

Инженерного управления Народного комиссариата внешней торговли Союза ССР от 9 августа 1944 года № 284-15/4029, представленным на имя Н. С. Шиманова, по состоянию на 1 июля 1944 года Советским Союзом было получено следующее количество самолетов: «Харрикейн» – 2853 единицы, «Кертисс Р-40» – 2119, «Аэрокобра» – 4486, А-20 – 2660, Б-25 – 510, С-47–323, всего – 12 951 единица. Ещё 359 самолётов указанных типов было отгружено союзниками и находилось в пути следования в Советский Союз. В дополнение к этому осуществлялась поставка резервных авиационных моторов. На 1 июля 1944 года было завезено в СССР и находилось в процессе транспортировки в его сторону 5036 авиамоторов [11, л. 43–44].

Для поддержания «импортных» самолетов в боевой готовности союзники осуществляли поставку к ним большого количества различных запасных частей и деталей. В частности, в номенклатуру входили такие элементы фюзеляжа, узлы и агрегаты, как крылья, стабилизаторы, рули глубины и поворота, элероны, щитки-закрылки, шасси (как в собранном виде, так и по частям), покрышки и камеры для колес, бензо- и маслобаки, винты, различные радиаторы для охлаждения моторов и моторного масла, маслофильтры, детали к двигателям, электромагнитные приборы, навигационное оборудование, радиопередатчики и многое другое, что обеспечивало своевременный и качественный ремонт авиационной техники, активно эксплуатируемой в боевых условиях [11, л. 121–134].

Важной задачей для «авиационного» отдела была работа с командными кадрами. Так, летом 1942 года рассматривался вопрос о снятии с должности и отдании под суд военного трибунала командира Северо-Кавказской авиагруппы С. И. Хольнова и военного комиссара той же авиагруппы Кордонского. Указанная особая Северо-Кавказская авиагруппа была создана 1 декабря 1941 года на базе Азово-Черноморского управления ГВФ (начальником

которой с 1938 года являлся С. И. Хольнов) для обслуживания нужд Южного, а затем Крымского фронтов [2, Л. 66–77].

Причиной разбирательства стали большие потери самолетно-моторного парка из-за недисциплинированности личного состава, необеспечения командованием авиагруппы подготовки и тренировки летного состава в усложненных условиях «слепого» и ночного полетов, исключительная безответственность, бездеятельность и политическая беспечность в вопросах организации обороны и сохранности объектов аэропортов, материальной части и личного состава от налетов вражеской авиации. Специальной проверочной комиссией, назначенной начальником Главного управления Гражданского воздушного флота (ГУ ГВФ), было установлено, что на аэродромах авиагруппы была чрезмерно большая скученность материальной части, меры к расщедоточению самолетов в близлежащие пункты не принимались. Вопросам маскировки аэропортов совершенно не уделялось внимания. Посты воздушного наблюдения не организовывались. Сигналы воздушной тревоги не устанавливались. Планы обороны аэропортов от воздушного нападения противника не разрабатывались. Личный состав был размещен по квартирам разбросанно, и в случае экстренной необходимости быстро собрать его не представлялось возможности. На территорию аэропортов допускались посторонние лица без соответствующей проверки пропусков и других документов. В дополнение к этому было выявлено, что дисциплина среди личного состава авиагруппы находилась в неудовлетворительном состоянии. Партийно-политическая работа не была направлена на мобилизацию личного состава для обеспечения высококачественного выполнения боевых заданий. Партийные организации подразделений авиагруппы недостаточно решительно вели работу по борьбе с аварийностью и нарушителями советской воинской дисциплины. Аварийные происшествия коммунистов и комсомольцев на партийно-комсомольских собра-

ниях, как правило, не обсуждались, и виновные лица к ответственности не привлекались [2, Л. 75].

Столь пагубное состояние дел осложнялось «несрабатанностью» командира авиагруппы товарища Хольнова и военного комиссара группы товарища Кордонского, что привело «к беспринципиальной склоке и дискредитации друг друга, что весьма отрицательно отразилось на боеготовности авиагруппы» [2, Л. 76].

Подобное положение вещей в руководстве авиагруппы способствовало тому, что за шесть месяцев 1942 года ею было потеряно 27 самолетов, в том числе сбито и повреждено противником в воздухе – 11 самолётов, уничтожено и повреждено противником на земле – 10 самолётов, уничтожено своими частями при отступлении – два самолета и один самолет потерян по причине «растерянности пилота при появлении самолета противника». За этот же срок было зафиксировано 48 аварийных происшествий по вине личного состава группы [2, Л.73–74].

Указанные упущения явились вескими основаниями для незамедлительной смены руководства авиагруппы. В соответствии с приказом начальника ГУ ГВФ генерал-лейтенанта авиации (впоследствии маршала авиации) Ф. А. Астахова от 20 июня 1942 года № 33 новому командиру Северо-Кавказской особой авиагруппы ГВФ майору Сегедину и ее новому военному комиссару батальонному комиссару Потеряйло ставилась задача принять срочные меры к ликвидации отмеченных «безобразных фактов» в работе подразделений авиагруппы [2, Л.71–72].

Рассмотрение данного вопроса сопровождалось значительной перепиской и стало причиной серьезных разбирательств. Все приведенные обстоятельства дела были пристально изучены работниками «авиационного» отдела и объективно изложены в итоговой информационной справке на имя Г.М. Маленкова [2, Л.77].

Отдельное внимание уделялось решению вопросов достижения необходимого уровня

укомплектованности советской военной авиации командными кадрами с целью повышения их боеспособности и эффективности управления. Показательным примером являются материалы по обеспечению авиации дальнего действия (АДД) достаточным количеством офицеров различных специальностей в 1943–1944 гг. Несмотря на то, что данный вид авиации с начала 1942 года и до декабря 1944 года являлся самостоятельным родом войск с непосредственным подчинением Ставке Верховного главнокомандования, комплектование её частей и соединений во многом обеспечивалось усилиями управления кадров ВВС КА, а общая координация осуществлялась руководством «авиационного» отдела Управления кадров ЦК ВКП (б).

О масштабах проделанной кадровой работы можно судить, изучив соответствующие документы указанных кадровых органов. Согласно данным начальника УК ВВС КА генерал-лейтенанта инженерно-авиационной службы В. И. Орехова всего за 1943 год и первые три месяца 1944 года из состава Военно-воздушных сил Красной армии в АДД было переведено 2968 человек, в том числе из состава учебных заведений ВВС КА для формирования школ авиации дальнего действия – 494 человека, из выпускников училищ ВВС КА – 1181 человек (686 пилотов, 495 штурманов и стрелков-бомбардиров), механиков по различным специальностям – 991 человек, оставшееся количество – штабные работники, офицеры специальных служб и материально-технического обеспечения. Дополнительно в полном составе был передан 45-й бомбардировочный авиационный полк (командир полка подполковник М. Ф. Кузнецов) [12, Л. 1–9].

Кроме АДД кадровые органы ВВС КА принимали участие в комплектовании личным составом различных частей истребительной авиации противовоздушной обороны, контроль за которым также осуществляли сотрудники «авиационного» отдела Управления кадров ЦК ВКП (б). Для его эффективного осуществления в их ад-

рес заинтересованной стороной представлялся один экземпляр соответствующих документов, содержащих сведения о запрашиваемом количестве военнослужащих. Примером может служить запрос командования центрального штаба истребительной авиации ПВО Красной армии от 2 декабря 1944 года № 1056247 о потребном количестве летчиков, необходимых для данного вида авиации на 1945 год. Предполагаемый некомплект, который планировалось покрыть за счет ВВС КА, составлял 260 человек [12, Л. 70–71].

В своей деятельности партийные кадровики большое значение придавали также надлежащему соблюдению личным составом советской военной авиации требований руководящих документов, определявших повседневную и боевую деятельность лётных частей и соединений. Осенью 1942 года на контроле у руководства отдела находился вопрос осуществления боевой деятельности и организации дисциплины в 106-й авиационной дивизии ПВО. 3 ноября 1942 года заместитель командующего истребительной авиацией ПВО территории страны по политической части бригадный комиссар Антонцев по данному поводу докладывал в адрес бригадного комиссара Н. С. Шиманова о принятых мерах к командованию авиационной дивизии (АД) за слабое руководство боевой деятельностью, отсутствие дисциплины и плохую организацию подготовки. Их итогом явилось то, что ряд командиров и военкомов полков указанной дивизии были сняты со своих должностей, часть командного состава лишена процентной надбавки за выслугу лет или получила «выговор», а командиру самой 106-й АД было сделано замечание о необходимости обратить внимание на большую аварийность в частях дивизии. Помимо мер дисциплинарного характера, «для оказания помощи и организации боевой деятельности 106-й АД на место выезжали неоднократно командиры и инженеры Главного управления истребительной авиации ПВО Территории Страны» [2, Л. 83].

Изучение архивных материалов «авиационного» отдела Управления кадров ЦК ВКП (б) показывает, что с приближением Победы все большее место в работе его сотрудников стали занимать вопросы восстановления экономики и налаживания мирной жизни. Так, в течение второго полугодия 1944 года с их участием решался вопрос об организации регулярного авиационного сообщения между Архангельском и отдаленными северными районами, в том числе населенными пунктами Нарьян-Мар и Амдерма. Для решения данной проблемы было признано целесообразным использовать возможности ГВФ, руководство которого обещало с началом второго квартала 1945 года выделить на указанные цели авиационное звено в составе четырех самолетов [3, Л. 25–33].

Одновременно личный состав отдела оказывал помощь руководству Главного управления Северного морского пути при Совете народных комиссаров СССР в получении самолетов для ведения ледовой авиаразведки и осуществления воздушной связи в Арктике, а также для организации санитарного обслуживания больниц, школ, полярных станций, портов и предприятий, расположенных вдоль трассы. В результате предпринятых усилий данный вопрос удалось решить положительно. Несмотря на продолжающиеся боевые действия, командованием ВВС КА в сентябре 1944 года было принято решение о выделении на указанные цели 21 самолета различных типов и еще двух негодных к эксплуатации для разборки на запасные части [3, Л. 40–46].

Аналогичным образом в конце 1944 – начале 1945 года решался вопрос о развитии сети воздушного сообщения на территории Казахской ССР. В частности, в ходе ряда проведенных совещаний с участием руководства Главного управления Гражданского воздушного флота и ЦК КП (б) Казахстана в целях увеличения количества авиарейсов было принято решение о выделении до апреля 1945 года казахскому управлению ГВФ 21 самолета (в том числе че-

тырех трофейных Ю-52) с доведением частоты регулярной авиасвязи Алма-Ата – Москва до восьми полетов в месяц. Кроме того, планировалась с мая 1945 года приступить к выполнению полетов на Москву по дополнительному маршруту через Балхаш, Караганду и Акмолинск [3, Л. 79–86].

В своей деятельности личный состав «авиационного» отдела тесно взаимодействовал с управлением кадров ВВС КА и Отделом кадров ГВФ, стремясь не допустить ослабления контроля за комплектованием ключевых руководящих должностей советской авиации.

На примере материалов, поступавших от кадровых органов ГВФ, можно установить номенклатуру должностей назначения (перемещения), по которым требовали утверждения в ЦК ВКП (б). По Главному управлению ГВФ: начальник, первый заместитель начальника, заместитель начальника, члены коллегии. По центральному аппарату главного управления: начальник политуправления, начальники управлений, заместители начальников управлений, помощник начальника политуправления по комсомолу, заместитель начальника отдела кадров, начальник отдела кадров политуправления, начальник Центрального дома ГВФ, секретарь партбюро. По территориальным управлениям и управлениям воздушных линий и предприятий: начальники территориальных управлений и начальники политотделов управлений, начальники управлений воздушных линий и начальники политотделов управлений, начальник Московского аэропорта, начальники заводов. По научно-исследовательским институтам, проектным организациям и учебным заведениям: начальник научно-исследовательского института, начальник конторы «Аэропроект», начальники институтов, парторги институтов, начальники технических училищ и их заместители по политчасти [2, Л. 58–59]. Практика утверждения назначений (перемещений) по номенклатурным должностям в ВВС КА и ГВФ была выработана еще в предвоенные годы и сохранялась на протяжении

всего периода Великой Отечественной войны [13, л. 11–62, 121–124].

Большое внимание на протяжении всей войны руководство «авиационного» отдела уделяло сбору и обобщению различной справочной информации по руководящему составу ВВС КА и ГВФ, которая использовалась для оперативной подготовки членам ЦК различных докладов и информационных справок [2, л. 9–27].

Согласно архивным материалам, часть вопросов (ввиду большой загруженности Г. М. Маленкова), касавшихся состояния советской авиации, рассматривал заместитель начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) Н. Н. Шаталин. В соответствии с его указаниями «авиационный» отдел в сентябре 1942 года принял участие в налаживании более тесного взаимодействия Оперативного управления Штаба ВВС КА с Генеральным штабом Красной армии (ГШ КА) в целях повышения эффективности использования авиации в предстоящих операциях фронтов. Инициатива подобного взаимодействия принадлежала начальнику инспекции ВВС КА при заместителе наркома обороны Союза ССР полковнику В. И. Сталину [4, л. 81–82].

Одновременно пристально рассматривался вопрос об обеспечении командно-начальствующего состава указанной инспекции жилой площадью в г. Москве. Полковник В. И. Сталин настойчиво требовал от Г. М. Маленкова содействия при выделении квартир для своих подчиненных. Из пометок на указанных документах видно, что Георгий Максимилианович, пытаясь уладить возникшее затруднение, обращался к председателю Исполкома Моссовета В. П. Пронину с ходатайством об удовлетворении указанной просьбы [4, л. 172–174].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таковы основные направления деятельности «авиационного» отдела Управления кадров ЦК ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны. Результаты изучения архивных материалов показали, что его сотрудники активно занима-

лись решением целого спектра различных задач, касавшихся общего дела – борьбы с агрессором. На этом пути не могло быть второстепенных проблем. Внимание уделялось всему, что могло способствовать повышению обороноспособности страны.

Создание самостоятельного отдела в составе Управления кадров ЦК ВКП(б), курировавшего Военно-воздушные силы Красной армии и Гражданский воздушный флот, позволило более пристально подойти к решению вопросов их материально-технического обеспечения, оснащения новыми видами авиационной техники, изучения накопленного опыта, совершенствования подготовки личного состава, комплектования руководящих должностей квалифицированными командными кадрами. Всё это содействовало повышению боеспособности советских ВВС и созданию необходимых условий для достижения победы над противником.

Библиография:

1. Великая Отечественная. Государственный комитет обороны. Постановления и распоряжения. Том 2. Книга 1 (январь–июнь 1942 г.). – М., 2017. – 345 с.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127. Д. 194.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 522.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 196.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 296.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 297.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 298.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 299.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 300.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 521.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 525.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 519.
13. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 11304. Д. 29.

References:

1. The Great Patriotic War. The State Defense Committee. Resolutions and orders [The Great Patriotic War. State Defense Committee. Resolutions and orders]. Volume 2. Book 1 (January-June 1942). – Moscow, 2017. – 345s. (In Russ.).

2. Russian state archive of socio-political history [Russian State Archive of Social and Political History] (Hereinafter – RGASPI). F. 17. Op. 127. D. 194. (In Russ.).

3. RGASPI. F.17. Op. 127. D. 522. (In Russ.).

4. RGASPI. F.17. Op. 127. D. 196. (In Russ.).

5. RGASPI. F.17. Op. 127. D. 296. (In Russ.).

6. RGASPI. F.17. Op. 127. D. 297. (In Russ.).

7. RGASPI. F.17. Op. 127. D. 298. (In Russ.).

8. RGASPI. F.17. Op. 127. D. 299. (In Russ.).

9. RGASPI. F.17. Op. 127. D. 300. (In Russ.).

10. RGASPI. F.17. Op. 127. D. 521. (In Russ.).

11. RGASPI. F.17. Op. 127. D. 525. (In Russ.).

12. RGASPI. F.17. Op. 127. D. 519. (In Russ.).

13. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation [Central archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] (Hereinafter – TsAMO RF). F. 35. Op. 11304. D. 29. (In Russ.).

УДК 94(47).083"1905"

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-3-111-125

ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Россия, Орёл), e-mail: angrebyonkin@mail.ru

GREBENKIN A.N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation (Russian Federation, Orel), e-mail: angrebyonkin@mail.ru

РАЗРАБОТКА ШТАТОВ УПРАВЛЕНИЯ ДВОРЦОВОГО КОМЕНДАНТА В 1905 ГОДУ

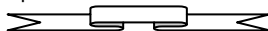
ELABORATION OF THE STAFF OF THE PALACE COMMANDANT'S OFFICE IN 1905

Аннотация. Цель статьи – анализ процесса подготовки и обсуждения штатов Управления дворцового коменданта в конце 1905 года. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексной характеристики развития управленческих структур в сфере государственной охраны. Кроме того, его результаты могут быть использованы при изучении отечественных бюрократических структур. В основу работы положены неопубликованные материалы из фондов Российского государственного исторического архива. Автор приходит к выводу, что необходимость разработки штатов Управления дворцового коменданта была обусловлена подчинением царской охраны министерству императорского двора. В работе акцентируется внимание на том, что процесс согласования штата Управления дворцового коменданта со штатом министерства императорского двора был весьма болезненным. Отмечается, что главной причиной этого являлось длительное развитие императорской охраны как обособленной бюрократической структуры. Оно, по мнению автора, привело к тому, что служебный статус чиновников охранного ведомства был выше статуса чиновников, занимавших аналогичные должности в министерстве двора. Согласование проходило по пути урезания окладов и снижения классов должностей сотрудников императорской охраны. В результате отмечается, что преданность большинства чиновников Управления дворцового коменданта своему делу позволила свести к минимуму неблагоприятные последствия потери царской охраной ее прежнего исключительного статуса.

Ключевые слова: Российская империя, Николай II, институт государственной охраны, Управление дворцового коменданта, штаты, Д.Ф. Трепов.

Abstract. A meaningful analysis of the process of preparing and discussing the staff of the Palace Commandant's Office at the end of 1905 is presented. The relevance of the study due to the need for a comprehensive description of the development of the management system of state security units is explicitly proved. The possibility of using its results in the study of bureaucratic structures on a nationwide scale is stressed. The work is based on unpublished materials from the funds of the Russian State Historical Archive. The author notes that the need to develop the staff of the Palace Commandant's Office was due to including the staff of the Imperial Guard in the number of institutions subordinate to the Ministry of the Imperial Court. Much attention is given to the fact that joining the staff of the Palace Commandant's Office and the Ministry of the Imperial Court was a stumbling block. It should be noted that the development of the Imperial Guard as a separate bureaucratic institution was the main reason of that for a long time. The high official status and privileges of many employees did not correspond to the position of persons who held similar positions in institutions subordinate to the Ministry of the Imperial Court. Furthermore, the approval process, inevitably associated with a reduction in formal status and salary cuts, is revealed. The author draws conclusions that the dedication of the majority of employees of the Palace Commandant's Office prevented the outflow of qualified personnel and the weakening of the management system of the imperial guard.

Keywords: Russian Empire, Nicholas II, Institute of State Security, Palace Commandant's Office, staff, Treпов D.F.

ВВЕДЕНИЕ

Единая структура, отвечавшая за безопасность императора, – охрана Его Императорского Величества (далее – Е. И. В.) – появилась 140 лет назад, после убийства Александра II. Долгое время ее руководитель (в 1881–1894 гг. – главный начальник охраны Е.И.В., в 1894–1896 гг. – дежурный при Е.И.В. генерал, с 1896 года – дворцовый комендант) подчинялся исключительно императору и выполнял лишь его приказания. Неожиданная смерть в июле 1905 года П. П. Гессе, «обладавшего значительным опытом и авторитетом, временно дестабилизировала ситуацию в сфере императорской охраны» [8, С. 63]. Тесные, практически семейные узы между царем и лицами, отвечавшими за его безопасность, уступили место чисто служебным отношениям. Авторы книги «История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917» отмечали: «Столь важные перемены были связаны с личностными факторами».

П. А. Черевина и П. П. Гессе Николай II знал с детства и всецело им доверял. Новые лица уже не внушали царю столь безоговорочного доверия» [2, С. 148]. Николай II явно находился в растерянности и не знал, кому можно доверить свою безопасность. На три с лишним месяца должность дворцового коменданта стала «переходящей»: 10 дней его обязанности исполнял генерал-майор свиты Е. И. В. (далее – Свиты) С. С. Озеров, до этого командовавший бригадой, следующие 1 месяц 10 дней – помощник командующего Императорской главной квартирой генерал-адъютант граф А. В. Олсуфьев, а оставшиеся два неполных месяца – командир лейб-гвардии гусарского полка генерал-майор Свиты П. Н. Енгальчев [7, С. 15, 17, 19]. Закономерным следствием этой чехарды стала утрата дворцовым комендантом прежней независимости. Сложившееся де-факто по-

ложение вскоре было закреплено и де-юре – в сентябре 1905 года было принято Положение о дворцовом коменданте, в соответствии с которым он подчинялся министру императорского двора¹. Данная административная новелла заставила заняться разработкой штата Управления дворцового коменданта, который должен был быть унифицирован со штатами прочих установлений министерства императорского двора. В процессе подготовки и обсуждения проекта штата возникло множество вопросов, обусловленных тем, что развитие бюрократической составляющей охранных структур в течение более чем двух десятилетий шло своим путем, в отрыве от прочих ведомств и привело к существенным отличиям в статусе отдельных категорий чиновников.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ

21 сентября 1905 года министр императорского двора генерал-адъютант барон В. Б. Фредерикс образовал Особое совещание для разработки проекта штатов Управления дворцового коменданта, в состав которого вошли представители от Кабинета Е. И. В. (помощник управляющего, заведующий хозяйственным отделом коллежский советник Н. Э. Рюдман), Контроля министерства императорского двора (заведующий действительный статский советник В. С. Фёдоров), дворцового коменданта (управляющий канцелярией гофмейстер Г. А. Федосеев) и департамента полиции МВД (делопроизводитель коллежский советник А. Н. Тимофеев), а также начальник канцелярии министерства императорского двора в звании камергера Высочайшего двора статский советник князь С. В. Гагарин и и. д. полицеймейстера г. Царского Села подполковник И. П. Но-виков. Председателем

¹ Высочайше утвержденное Положение о дворцовом коменданте: Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции (Собр. узак. – 1906 г., июня 13. – Отд. I. – Ст. 871) // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. XXV. – № 26710.

Особого совещания являлся начальник канцелярии министерства императорского двора генерал-майор Свиты А. А. Мосолов.

24 сентября Г.А. Федосеев представил А. А. Мосолову записку по поводу изменения штатов Управления дворцового коменданта и проект нового штата, согласованные с и.о. дворцового коменданта генерал-майором Свиты князем П. Н. Енгальчевым.

Согласно записке, должность управляющего канцелярией дворцового коменданта предполагалось переименовать в начальника Управления дворцового коменданта, сохранив за ней прежний оклад содержания в 10 000 р. и IV класс должности и предоставив казенную квартиру в натуре либо квартирные деньги по принятому в министерстве императорского двора расписанию. Размер оклада делопроизводителя канцелярии предлагалось уменьшить с 6000 до 4500 рублей, но вместе с тем отмечалось, что «должность эту следует возвести в V класс ввиду того, что на время отсутствия начальника управления на лицо это будет возлагаться исправление его обязанностей» (Российский государственный исторический архив (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 24. Л. 19)). Журналист сохранял свое содержание в размере 3000 рублей в год; класс же этой должности повышался с VIII до VII. Должность вольнонаемного писаря заменялась должностью чиновника для письма XII класса с содержанием в размере 750 рублей в год. Наконец, жалованье курьера уменьшалось с 720 до 480 рублей в год. Как видим, повышение статуса ряда чинов достигалось за счет присвоения им более высоких классов должностей; оклад же при этом либо оставался неизменным, либо даже уменьшался. Замена писаря чиновником для письма была обусловлена тем, что значительная часть документов относилась к числу секретных, и к работе к ним следовало допускать лишь лиц, находившихся на государственной службе.

Исходя из ответственной и многоплановой деятельности Дворцовой полиции, которая со временем должна была быть расширена, предлагалось учредить новую должность заведующего полицейской частью Управления дворцового коменданта (с окладом 10 000 рублей в год и V классом по Табели о рангах). Должность начальника Дворцовой полиции предполагалось понизить как в отношении оклада (с 10 000 до 7000 рублей в год), так и в отношении класса (с V до VI). Аналогичному понижению подвергался и помощник начальника (с 5680 до 5000 рублей и с VI класса до VII соответственно). Зато у начальника Дворцовой полиции должен был появиться второй помощник (оклад – 3240 рублей в год, VIII класс по должности), отвечавший за деятельность полицейских чинов охраны в Гатчине, где постоянно находился двор вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Письмоводителю предполагалось присвоить оклад в размере 2000 рублей в год и VIII класс. Чтобы обеспечить возможность полноценной работы с непрерывно увеличивавшимся потоком секретных документов, вводилось сразу четыре должности чиновников для письма (2 – в XII классе и 2 – в XIV). Агентов предлагалось переименовать в чиновников (в том числе 3 – в старших VII класса с окладом по 2400 рублей в год и 5 – в младших VIII класса с окладом в 1800 рублей в год), а стражников – в полицейских надзирателей.

В записке обращалось внимание на то, что материальное положение дворцовых городских было достаточно тяжелым. Находясь в постоянных командировках, они жили фактически на два дома, должны были приобретать дорогостоящую форму за собственный счет и при этом получали порционные деньги в размере всего лишь 27 копеек в сутки. Поэтому предлагалось назначить дворцовым городским новые оклады и увеличить размер отпускаемых порционных денег.

В записке говорилось и о воинских формированиях, находившихся в ведении дворцового коменданта. Командир Сводно-гвардейского батальона получал порционные деньги в размере 5 рублей в сутки (всего лишь на рубль больше, чем подчиненные ему офицеры). Предлагалось назначить ему вместо порционных постоянную денежную выплату из Кабинета Е. И. В. в размере 300 рублей в месяц. Заведующий хозяйством батальона и четыре ротных командира должны были получать из Кабинета Е. И. В. столовые деньги в размере 480 рублей в год каждый. Четырём ротным фельдфебелям предлагалось увеличить размер порционных денег с 30 до 50 копеек в сутки (в сравнении с вахмистрами Собственного Е. И. В. конвоя). Наконец, в записке отмечалось, что «для пользы службы Сводно-гвардейского батальона необходимо установить отпуск на добавочное содержание 20 сверхсрочнослужащим унтер-офицерам по 6 рублей в месяц, что составит в год 1444 рубля; сверхсрочные унтер-офицеры необходимы для обслуживания ответственных постов, на которых производится проверка пропускаемых лиц» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 24. Л. 20–20об.).

Меры, предлагаемые в записке, сложно назвать эффективными. Введение «генеральской» должности заведующего полицейской частью Управления дворцового коменданта и «капитанской» второго помощника начальника Дворцовой полиции сопровождалось ухудшением как служебного, так и материального положения начальника Дворцовой полиции и его первого помощника. Данное изменение нельзя не признать нежелательным: с одной стороны, оно вело к разбуханию штатов, с другой – к снижению статуса лиц, занимавших весьма ответственные должности, что, разумеется, не могло не отражаться на статусе Дворцовой полиции в целом и на ее взаимодействии с прочими

компонентами императорской охраны.

ОБСУЖДАЕМЫЕ ВАРИАНТЫ

К записке прилагался «Проект нового штата Управления дворцового коменданта». В него были включены должности начальника Управления дворцового коменданта (оклад, включавший в равной пропорции жалованье и порционные деньги, – 10 000 рублей в год, IV класс по Табели о рангах), делопроизводителя (4500 рублей, V класс), журналиста (2000 рублей, VII класс) и чиновника для письма (750 рублей, XII класс). Нельзя не обратить внимание на то, что штат собственно управления в узком смысле этого слова был более чем скромным, несмотря на то что из 4 должностей 2 были «генеральскими».

Далее перечислялись должности Дворцовой полиции. На первом месте стояла должность заведующего полицейской частью Управления дворцового коменданта (оклад – 10 000 рублей в год, V класс по Табели о рангах). Предполагалось, что ее будет замещать штаб-офицер (т.е. полковник или подполковник), но допускалось назначение на нее и генерал-майора. Напротив, стояла помета: «Должность эта временно не будет замещена». Начальник Дворцовой полиции должен был назначаться из чинов Отдельного корпуса жандармов, этой должности, согласно записке, присваивались оклад в размере 7000 рублей в год и VI класс. Должности старшего (оклад – 5000 рублей в год, VII класс) и младшего (оклад – 3240 рублей в год, VIII класс) помощников начальника Дворцовой полиции должны были замещаться классными чиновниками или офицерами. Письмоводителю назначались оклад в размере 2000 рублей в год и VIII класс. Два старших чиновника для письма получали по 880 рублей в год, им был присвоен XII класс, два младших получали по 760 рублей в год и находились в XIV классе.

Статус и количество чиновников для поручений (бывших агентов) соответствовали

записке. Полицейские надзиратели (бывшие стражники) делились на три оклада: старший, средний и младший. Полицейских надзирателей старшего оклада должно было быть 10. Им присваивалось жалованье в размере 1200 рублей в год и XII класс по Табели о рангах. Полицейских надзирателей среднего оклада предполагалось иметь 7 с окладом в размере 900 рублей в год и XII классом. Наконец, полицейских надзирателей младшего оклада следовало иметь в числе 10 с окладом в размере 720 рублей в год и XII классом.

Кроме того, в штат Дворцовой полиции были включены один старший (оклад – 1200 рублей в год, X класс) и четыре младших (оклад – 900 рублей в год, XII класс) телефониста.

Наконец, к числу классов чинов Дворцовой полиции относились два околоточных надзирателя (старший и младший) и лекарский помощник. Старшему околоточному надзирателю присваивались оклад в размере 1700 рублей в год и X класс по Табели о рангах, а младшему – 1500 рублей в год и XII класс. Лекарский помощник числился в X классе, размер его оклада составлял 900 рублей в год.

В перечень неклассных чинов были включены курьер Управления дворцового коменданта (оклад – 480 рублей в год) и сторож при канцелярии Дворцовой полиции (оклад – 300 рублей в год). О дворцовых городских в этом варианте штата почему-то ничего не говорилось.

Штаты воинских частей, подчиненных дворцовому коменданту (Сводно-гвардейского батальона и 1-го Железнодорожного батальона) в проекте отсутствовали. Общий расход на содержание чинов Управления дворцового коменданта должен был составить 180 670 рублей.

В материалах Особого совещания сохранился еще один проект «Штата, входящего в

состав министерства императорского двора Управления дворцового коменданта». Первоначально в данный штат была включена должность дворцового коменданта с окладом (жалованье и столовые деньги в равной пропорции) в размере 15 000 рублей в год, соответствовавшая III классу. После она была вычеркнута. Затем следовали должности начальника Управления дворцового коменданта (оклад – 10 000 рублей в год, IV класс), делопроизводителя (4500 рублей, V класс), журналиста (2000 рублей, VII класс) и чиновника для письма (750 рублей, XII класс). Должность начальника Дворцовой полиции, как и отмечалось в записке и значилось в выше охарактеризованном первом проекте штата, соответствовала VI классу, однако оклад составлял не 7000, а 8000 рублей. Кроме того, в примечании указывалось, что в эту сумму не входит содержание, которое следовало начальнику Дворцовой полиции по чину от интендантства. Должности чиновников для письма, вопреки записке, должны были все соответствовать XIV классу; им полагался одинаковый оклад в размере 660 рублей в год. Тем самым возможности поощрения усердных сотрудников резко ограничивались: они не могли претендовать ни на более высокий служебный статус, ни на старший оклад. Должности чиновников для письма замещались служащими из состава Дворцовой полиции.

Некоторые изменения по сравнению с указанными в записке претерпели бывшие агенты. Во-первых, число старших чиновников для поручений было увеличено с 3 до 5. Во-вторых, оклад младших чиновников для поручений был повышен с 1800 до 2000 рублей в год. В-третьих, классы этих должностей были понижены (с VII до VIII и с VIII до IX соответственно). Отнюдь не все коррективы можно признать желательными: уменьшение разницы в размерах окладов снижало стремление младших чиновников отличной

службой заслужить перевод в старшие, а понижение классов негативно отражалось на статусе чиновников, служба которых была весьма тяжелой и ответственной, что, в свою очередь, могло породить проблемы с подысканием достойных кандидатов. С другой стороны, повышение денежного оклада младшим чиновникам для поручений, напротив, облегчало процесс замещения вакансий.

Полицейских надзирателей (бывших стражников) должно было быть 15 человек. Они не делились на разряды, всем им присваивались XII класс по Табели о рангах и оклад в размере 1000 рублей в год.

Кроме того, в штат Дворцовой полиции включались 5 телефонистов дворцовой телефонной станции (без деления на старшего и младших, оклад – 1000 рублей в год, XIV класс по Табели о рангах).

Наконец, к числу классовых чинов Дворцовой полиции относились два околоточных надзирателя (старший и младший) и лекарский помощник. Старшему околоточному надзирателю присваивались оклад в размере 1000 рублей в год, порционные деньги в размере 2 рублей 25 копеек в сутки и X класс по Табели о рангах, а младшему – 840 рублей в год, 2 рубля в сутки и XII класс соответственно. Лекарский помощник числился в X классе, размер оклада составлял 750 рублей в год.

Городовые, как и по штату Дворцовой полиции 1894 года, делились на 3 оклада: старший (26 человек, 780 рублей в год), средний (30 человек, 660 рублей в год) и младший (38 человек, 540 рублей в год). Порционные городским всем окладам были увеличены с 27 до 60 копеек в сутки. К неклассным чинам относились курьер (оклад – 480 рублей в год) и сторож при канцелярии заведующего полицейской частью (оклад – 300 рублей в год).

Общее число классовых и неклассных чинов Управления дворцового коменданта (не считая самого дворцового коменданта) со-

ставляло 142. На денежные оклады и прочие выплаты им должно было уходить 154 110 рублей в год.

Несовершенство первоначальных проектов не ускользнуло от внимания участников Особого совещания. Стали составляться проекты изменения отдельных частей первого варианта.

Весьма интересен проект изменения части общего штата, касавшийся Дворцовой полиции. Он состоял из трех частей: 1) внутреннего отделения; 2) наружного отделения; 3) заведующего полицейской частью по двору государыни императрицы Марии Фёдоровны.

К внутреннему отделению Дворцовой полиции относились должности начальника, чиновников для поручений, полицейских надзирателей, письмоводителя и чиновников для письма. Начальник внутреннего отделения (из офицеров Отдельного корпуса жандармов) имел такой же оклад денежного содержания, что и начальник Дворцовой полиции в первоначальном проекте (8000 рублей в год), однако ему присваивался не VI, а V класс. Чиновники для поручений аналогично при сохранении прежних окладов повышались в классах на одну ступень (в соответствии с запиской). Количество полицейских надзирателей увеличивалось до 20, их материальное и служебное положение не менялось. Кроме 4 чиновников для письма, чье материальное и служебное положение осталось неизменным, в штат включался письмоводитель (оклад – 1000 рублей в год, XII класс по Табели о рангах).

Наружное отделение Дворцовой полиции должно было состоять из начальника, старшего и младшего околоточных надзирателей, письмоводителя, лекарского помощника, городских и стражников. Начальник наружного отделения (офицер или классовый чиновник) по своему служебному положению (V класс) был равен начальнику внутреннего

отделения, однако его оклад был существенно ниже (5000 рублей вместо 8000 рублей). Статус околоточных надзирателей, по сравнению с указанным в первоначальном варианте штата, не изменился. Положение письмоводителя было аналогичным положению письмоводителя внутреннего отделения. Статус лекарского помощника был таким же, как в первоначальном штате. Это же относилось и к городovým. Стражников, не переименованных, как в первоначальном проекте, в полицейских надзирателей, стало больше (25 вместо 15), а поскольку отпущенная на их содержание сумма осталась прежней, размер оклада снизился с 1000 до 600 рублей в год. Качество сотрудников здесь, очевидно, предполагалось компенсировать количеством, хотя многолетний опыт функционирования полицейских охранных структур убедительно доказал, что этот путь является тупиковым.

Наконец, заведующий полицейской частью по двору вдовствующей императрицы должен был быть офицером или классным чиновником. Ему присваивались оклад в размере 5000 рублей в год и VI класс по Табели о рангах. Личный состав подчиненной ему полицейской части в штат включен не был.

Общее количество сотрудников Дворцовой полиции, в соответствии с поправками, равнялось 165, на выплаты им предполагалось ассигновать 145 470 рублей в год.

К сожалению, из материалов работы Особого совещания не видно, подвергался ли измененный штат Дворцовой полиции обсуждению. Возможно, он был отклонен в момент его поступления в совещание.

28 сентября 1905 года состоялось заседание Особого совещания для разработки проекта штатов Управления дворцового коменданта. Сначала на нем были рассмотрены вопросы финансирования. По объяснению заведующего канцелярией дворцового коменданта Г. А. Федосеева, в расходы на

содержание чинов управления следовало включить ежегодно отпускаемые дворцовому коменданту 45 515 рублей – таким образом, расход Кабинета Е. И. В. должен был составить 135 155 рублей.

Обратившись к проекту штата, участники совещания обратили внимание на то, что в нем нет должности дворцового коменданта, которую следовало бы внести в штат. По их мнению, дворцовому коменданту нужно было назначить «высший оклад содержания, присвоенного начальникам установлений Министерства императорского двора и уделов, состоящим в III классе, а именно в размере 15 000 рублей в год» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 24. Л. 44).

Кроме того, В. С. Фёдоров и И.П. Новиков отметили, что денежные оклады и классы большинства должностей Управления дворцового коменданта существенно превосходили оклады и классы аналогичных должностей в других подразделениях министерства императорского двора. Это противоречие, по их мнению, следовало устранить.

Далее участниками совещания был затронут такой сугубо бюрократический аспект, как причины переименования канцелярии дворцового коменданта в Управление дворцового коменданта. По объяснению Г. А. Федосеева, управление должно было бы решать задачи, аналогичные тем, которые решала канцелярия (ведение личной переписки дворцового коменданта, передача его распоряжений, ведение дел личного состава служащих и денежной части). Дворцовая же полиция, личный состав которой также был включен в штат Управления дворцового коменданта, являлась самостоятельным подразделением, непосредственно подчиненным коменданту. Исходя из этого, совещание нашло «не только соответственным, но и существенно необходимым предоставить всем подчиненным дворцовому коменданту учреждениям, согласно проекту, общее

наименование «Управление дворцового коменданта», включив в состав сего Управления канцелярию и Дворцовую полицию в виде отдельных учреждений» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 24. Л. 44 об.).

Состав канцелярии дворцового коменданта (4 человека) был признан оптимальным. Участники совещания решили, что за руководителем канцелярии следовало сохранить его прежнее наименование управляющего канцелярией (а не начальника Управления дворцового коменданта). Вместе с тем было решено, что этой должности должен соответствовать не IV, а лишь V класс, так как IV класс в министерстве императорского двора был присвоен должностям начальников некоторых подразделений. Г. А. Федосеев, являвшийся управляющим канцелярией, попытался отстоять присвоенный его должности IV класс, ссылаясь на то, что во время кратковременного отсутствия дворцового коменданта управляющий канцелярией занимается исполнением его обязанностей по гражданской части, и поэтому его следует поставить в более высокое положение. Однако прочие участники совещания не согласились с этим доводом, отмечая, что по существующей в министерстве императорского двора практике обязанности начальников структурных подразделений, состоящих в III классе, во время их отсутствия исполняют чиновники, имеющие не IV, а V класс (например, управляющего придворной конюшенной частью – управляющий его канцелярией, начальника императорской охоты – заведующий хозяйством и директора императорских театров – управляющий конторой императорских театров). В качестве своеобразной компенсации за понижение в классе должности управляющего канцелярией дворцового коменданта был присвоен максимальный для этого класса оклад денежного содержания в размере 6000 рублей в год (минимальный составлял 4000 рублей), хотя количество

сотрудников канцелярии было крайне незначительным. Несмотря на это, снижение статуса управляющего канцелярией оказалось существенным (V класс вместо IV и оклад в 6000 рублей вместо 10 000 рублей).

Должность делопроизводителя канцелярии также «потеряла в весе»: члены Особого совещания решили снизить ее класс с V до VI и вместо оклада в размере 4500 рублей назначить 4000 рублей (высший оклад для должностей министерства императорского двора VI класса). Журналист в соответствии со своими обязанностями был переименован в помощника делопроизводителя, однако на его служебном статусе и материальном положении это не отразилось. Должность чиновника XII класса не претерпела каких-либо изменений.

Перейдя к рассмотрению штата Дворцовой полиции, участники совещания вновь обратили внимание на высокие классы и оклады должностей. Управляющий канцелярией дворцового коменданта Г. А. Федосеев попытался отстоять привилегии своих коллег, ссылаясь как на исключительность их службы и сопряженную с ней большую ответственность, так и на то, что некоторые чины Дворцовой полиции получали денежное содержание в еще большем объеме, чем это было предусмотрено новым штатом. Однако совещание пришло к выводу о том, что крайне нежелательно присваивать чинам Дворцовой полиции оклады в размере, предложенном штатом. А. Н. Тимофеев предложил компенсировать разницу с помощью добавочного вознаграждения или наградных денег, как это делалось в министерстве внутренних дел. Уточненный вариант компенсации был предложен В. С. Фёдоровым, который, «ввиду весьма значительного вознаграждения, которое таким образом будут получать служащие по Дворцовой полиции, находил бы соответственным, чтобы лица VII класса и ниже и не состоящие в классах,

имеющие получать ежегодно дополнительное вознаграждение, превышающее сумму причитающихся им на общем основании добавочных выдач к праздникам Св. Пасхи и Рождества Христова, не пользовались бы этими выдачами» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 24. Л. 46). Участники совещания согласились с мнением Фёдорова.

Введение новой должности заведующего полицейской частью Управления дворцового коменданта, как указывал председатель совещания генерал-майор Свиты А. А. Мосолов, было обусловлено тем, что в будущем дворцовому коменданту предполагалось подчинить полицию дворцовых городов, что привело бы к существенному расширению масштабов его деятельности. До этого подчинения должность заведующего полицейской частью было решено не замещать. Кроме того, по мнению Г. А. Федосеева, не представлялось возможным точно определить перечень обязанностей заведующего полицейской частью. Поэтому по предложению А. А. Мосолова, поддержанному Г. А. Федосеевым, эта должность не была включена в штат.

Стремясь согласовать оклады содержания чинов Дворцовой полиции с окладами, принятыми в министерстве императорского двора, совещание пришло к выводу, что им следует присвоить следующие оклады содержания и классы:

1) начальнику Дворцовой полиции – 5000 рублей в год; должность эту должен был замещать штаб-офицер из чинов Отдельного корпуса жандармов;

2) двум помощникам начальника Дворцовой полиции: одному – 4000 рублей в год, а другому – 2700 рублей в год и VI класс – обоим;

3) письмоводителю – 1600 рублей в год и VIII класс;

4) чиновникам для поручений: 3 старшим – по 1600 рублей в год и VIII класс, 5 младшим

– по 1200 рублей в год и IX класс;

5) полицейским надзирателям: 13 – по 1000 рублей в год и X класс, 11 – по 750 рублей в год и XII класс, 10 – по 600 рублей в год и XII класс;

6) лекарскому помощнику – 750 рублей в год и X класс.

Участники совещания пришли к выводу, что ввиду включения двух должностей околоточных надзирателей и одной должности старшего телефониста в число полицейских надзирателей X класса, а четырех должностей младших телефонистов в состав полицейских надзирателей XII класса должности околоточных надзирателей и телефонистов из проекта штата исключить. Чиновники для письма должны были быть переименованы в писарей и исключены из перечня штатных должностей.

Весьма важным являлся вопрос о материальном вознаграждении дворцовых городских. Как уже отмечалось выше, они делились на три оклада, причем городские старшего оклада получали 880 рублей в год, среднего – 760 рублей в год и младшего – 640 рублей в год. Новым штатом предусматривалось увеличение всех окладов на 120 рублей – таким образом, старший оклад должен был равняться 1000 рублей, средний – 880 рублям, младший – 760 рублям. Согласно поступившей в совещание справке о содержании городских Санкт-Петербургской столичной полиции и полиции дворцовых городов, в Санкт-Петербурге городские первого разряда получали 430 рублей в год, второго разряда – 370 рублей в год и третьего разряда – 310 рублей в год, а в дворцовых городах – по 300 рублей в год. Разумеется, на этом фоне повышение окладов дворцовым городским выглядело необоснованным. Вместе с тем участники совещания обратили внимание на то, что «эти низшие служащие Дворцовой полиции несут весьма значительные расходы по своему обмундированию,

которое должно быть всегда по роду их службы в полной исправности, и что они весьма часто принуждены жить вдали от их семей, а значит продовольствоваться отдельно, что, несомненно, сопряжено с лишними расходами» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 24. Л. 47). С учетом этого, а также и того, что обязанность по наблюдению за порядком в высочайших резиденциях является весьма ответственной, совещание решило, оставив дворцовым городовым прежние оклады, предоставить дворцовому коменданту право с разрешения министра императорского двора выдавать им дополнительное вознаграждение, которое не превышало бы 120 рублей в год для каждого. На аналогичных условиях двум старшим писарям Дворцовой полиции было назначено денежное содержание в размере 760 рублей в год, а двум младшим – 640 рублей в год. Денежное содержание курьера должно было составлять 480 рублей в год, а сторожа было решено оставить при прежнем содержании – 240 рублей, не увеличивая его до 300 рублей, как было предусмотрено проектом.

В отношении квартирного довольствия классные и неклассные служащие Управления дворцового коменданта были приравнены к прочим служащим министерства императорского двора. При невозможности выделения квартир в натуре им следовало выплачивать квартирные деньги. Так, управляющий канцелярией дворцового коменданта при неимении казенной квартиры должен был получать квартирные деньги в размере 1500 рублей в год.

Штат Управления дворцового коменданта был высочайше утвержден 11 октября 1905 года и введен в действие с 1 декабря того же года [6]. Однако процесс уточнения различных организационных вопросов не завершился. Нельзя не согласиться с современным исследователем Д. А. Клочковым, отмечавшим, что «...как и ранее, его (т.е.

дворцового коменданта. – А. Г.) административное влияние оставалось очень высоким в связи с постоянными контактами с императором и его семьей по различным вопросам» [3, С. 172]. Поэтому круг обязанностей дворцового коменданта постепенно расширялся. Это не могло не отразиться на штате его управления.

В конце октября 1905 года вновь назначенный дворцовый комендант генерал-майор Свиты Д. Ф. Трепов представил министру императорского двора расписание окладов содержания, получаемого чинами Управления дворцового коменданта из сумм министерств императорского двора и внутренних дел, с ходатайством о его утверждении. Кроме того, он, признавая желательным пока не изменять штатов управления, предлагал увеличить размеры денежных выплат отдельным категориям сотрудников. Так, ввиду тяжелого материального положения околоточных надзирателей и дворцовых городовых, которые должны были жить отдельно от своих семей во время длительных командировок и приобретать за собственный счет дорогостоящее форменное обмундирование, эти чины Дворцовой полиции должны были, по мнению Д. Ф. Трепова, получать порционные деньги в увеличенном размере: околоточные надзиратели – 800 рублей в год вместо 638, а дворцовые городовые – 220 рублей в год вместо 100. Кроме того, дворцовый комендант выступал за улучшение материального положения ряда офицеров Сводно-гвардейского батальона, о котором говорилось в охарактеризованной выше записке.

Следующее ходатайство нового главы охраны было более серьезным. В соответствии с письмом Д. Ф. Трепова, направленным в канцелярию министерства императорского двора 8 ноября 1905 года, министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс приказал начальникам Царскосельского, Петер-

гофского и Гатчинского дворцовых управлений и управляющему городом Павловском, «чтобы они, впредь до подчинения полиции дворцовых городов и города Павловска дворцовому коменданту, по всем вопросам, подлежащим ведению Санкт-Петербургского генерал-губернатора» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 26. Л. 16), обращались за разъяснениями и указаниями непосредственно к Д. Ф. Трепову. Подчинение дворцовому коменданту полиции дворцовых городов и полицейской части по некоторым установлениям министерства императорского двора, осуществленное в апреле 1906 года, повлекло за собой принятие нового Положения о дворцовом коменданте [5, Ст. 617], но должность заведующего полицейской частью управления не была учреждена.

Наконец, 12 ноября 1905 года Д.Ф.Трепов подал министру императорского двора доклад с проектом дополнительного штата. Дворцовый комендант отмечал, что при составлении утвержденного штата в первую очередь преследовалась цель согласования штатов учреждений, подведомственных дворцовому коменданту, с общими штатами установлений министерства императорского двора, а штаты низших чинов Дворцовой полиции – с аналогичными штатами столичных полиций. Вопрос же о том, соответствует ли число сотрудников управления объему и сложности возложенных на дворцового коменданта задач, оставался открытым. По мнению генерала, для полноценного обеспечения охраны императора следовало подчинить дворцовому коменданту полицию дворцовых городов, начальников местных дворцовых управлений (по вопросам, касающимся полиции), а также охранные команды, предназначенные для охраны садов и парков в загородных императорских резиденциях «с соответственным, в этом отношении, подчинением коменданту начальников дворцовых управлений, а равно и дворцовых полицей-

мейстеров» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 24. Л. 71). Это расширение обязанностей дворцового коменданта заставляло задуматься о соответствующем увеличении числа сотрудников его управления. Так, ввиду подчинения дворцовому коменданту полиции дворцовых городов следовало ввести должность старшего чиновника особых поручений, который «путем постоянных ревизий на местах мог бы следить непосредственно за ходом дела в подлежащих полицейских учреждениях, производить дознания по делам о преступлениях и проступках должностных лиц и наконец освещать с юридической стороны различные вопросы, возникающие на почве полицейской практики» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 24. Л. 71). Старший чиновник особых поручений должен был являться весьма авторитетным должностным лицом, обладавшим специальными знаниями и большим служебным опытом. Поскольку ему предстояло осуществлять контроль за деятельностью полицеймейстеров, которые имели VI класс по Табели о рангах, Д. Ф. Трепов предлагал присвоить старшему чиновнику особых поручений V класс. Оклад его денежного содержания должен был составлять 5000 рублей в год. Поскольку характер деятельности был разъездной, старшему чиновнику особых поручений необходимо было назначить разъездные деньги в размере 1000 рублей в год. Наконец, ему полагалась казенная квартира, а при ее отсутствии – квартирные деньги по установленному для V класса окладу. Дворцовый комендант предполагал, что на должность старшего чиновника особых поручений можно будет назначать и офицеров.

Неизбежное при расширении масштабов деятельности увеличение объемов делопроизводства требовало учреждения новых должностей и в канцелярии дворцового коменданта. По мнению Д. Ф. Трепова, следовало учредить как минимум одну должность помощника делопроизводителя и две должности

канцелярских чиновников XII класса.

Необходимость постоянных сношений дворцового коменданта с различными ведомствами и немедленного исполнения его спешных поручений побудила генерала включить в доклад ходатайство о введении должностей чиновника особых поручений VI класса (с тем, чтобы ее могли занимать как гражданские служащие, так и офицеры), двух штаб-офицеров для особых поручений и адъютанта. Чиновнику и штаб-офицерам для особых поручений предполагалось назначить оклад в размере 4000 рублей в год, разъездные деньги в размере 600 рублей в год и квартирные деньги в размере 1000 рублей в год, а адъютанту – 2400, 600 и 750 рублей соответственно.

Далее Трепов писал о том, что одна лишь наружная полиция не в силах обеспечить безопасность путей высочайшего следования за пределами дворцовых территорий. Для обслуживания выездов императора был учрежден отдельный отряд наблюдательных агентов (охранная агентура), который числился при Санкт-Петербургском охранном отделении и содержался за счет средств департамента полиции МВД, на что уходило 163 450 рублей в год без учета расходов на командировки агентов в загородные места пребывания императора, которые оплачивались по отдельным ассигновкам (в 1903 году – около 83 000 рублей, в 1904 году – около 59 000 рублей). Генерал выступал за передачу этого отряда в ведение дворцового коменданта, так как он по самому существу своего назначения должен был быть подчинен ему, и за передачу сумм, предназначенных на его содержание, из бюджета департамента полиции МВД в суммы Кабинета Е. И. В.

Кроме того, по мнению Д. Ф. Трепова, для полноценного обеспечения безопасности императорских резиденций одной лишь наружной охраны, даже усиленной, было недостаточно. Требовалось наладить масштабную

агентурную работу, для чего был необходим розыскной орган. Организацию секретной агентуры, как полагал генерал, можно было обеспечить путем выделения ежегодного кредита из сумм департамента полиции МВД в размере 100 000 рублей. Заведование секретной и наружной агентурами следовало поручить офицерам Отдельного корпуса жандармов, обладавшим необходимой компетенцией в вопросах сыска. Трепов считал, что было бы достаточно командировать в его распоряжение одного штаб-офицера и одного оберофицера. Средства на их содержание не нужно было включать в штат, так как они должны были браться из сумм, отпущенных департаментом полиции МВД на покрытие расходов по агентуре.

Проект дополнительного штата, приложенный к докладу дворцового коменданта, выглядел следующим образом:

I. Должностные лица, состоящие при дворцовом коменданте:

1) старший чиновник особых поручений. Содержание – 5000 рублей в год. Разъездные деньги – 1000 рублей в год. Класс должности – V;

2) младший чиновник особых поручений. Содержание – 4000 рублей в год. Разъездные деньги – 600 рублей в год. Класс должности – VI;

3) штаб-офицеры для особых поручений (2 человека). Содержание – по 4000 рублей в год. Разъездные деньги – по 600 рублей в год;

4) адъютант. Содержание – 2400 рублей в год. Разъездные деньги – 600 рублей в год.

II. Канцелярия дворцового коменданта:

1) помощник делопроизводителя. Содержание – 2000 рублей в год. Класс должности – VII;

2) канцелярские чиновники (2 человека). Содержание – по 750 рублей в год. Класс должности – XII.

Общая сумма ассигнований по дополнительному штату составляла 26 300 рублей.

Хозяйственный отдел министерства императорского двора, рассматривая вопрос об увеличении штата Управления дворцового коменданта, отметил, что перенесение в смету министерства императорского двора из сметы департамента полиции МВД суммы в размере 163 540 рублей на содержание охранной агентуры было нежелательно ввиду того, что со временем расходы на содержание агентуры могли лечь тяжким бременем на бюджет министерства (без отпуска соответствующей суммы из государственного казначейства). Это было связано с тем, что охранная агентура с переходом в подчинение дворцового коменданта фактически лишалась возможности решать задачи охранного отделения (например, обеспечивать охрану постоянных путей проезда высочайших особ в Санкт-Петербурге). Поэтому было бы более удобным предоставить дворцовому коменданту возможность требовать по мере необходимости нужное количество агентов в места загородного пребывания высочайшего двора, а средства на их содержание по-прежнему включать в смету департамента полиции. Аналогично в смете департамента полиции должны были остаться 100 000 рублей, предназначенные на секретную агентуру.

Дополнение к штату Управления дворцового коменданта было высочайше утверждено 31 декабря 1905 года и введено в действие с 1 января 1906 года [4]. В него вошли лишь старший и младший чиновники особых поручений и 2 штаб-офицера для особых поручений. Квартирные деньги чиновникам особых поручений выплачивались согласно существовавшему в министерстве императорского двора расписанию (в Петербурге и Москве – 1000 рублей в год, в прочих местностях – 800 рублей в год), штаб-офицерам – 1000 рублей в год. Разъездные деньги штатом не назначались, дорожные расходы возмещались по мере издержек, по отдельным счетам, а для проездов по железным дорогам чиновники и штаб-офицеры снабжались годовыми бес-

платными билетами. Впрочем, уже в январе 1906 года министр императорского двора решил дворцовому коменданту назначать разъездные деньги из остатков от штатных сумм. Общая сумма дополнительных расходов составила 17 000 рублей в год. Не включенные в дополнение к штату помощник делопроизводителя и 2 чиновника были заменены лицами по вольному найму, с тем чтобы на их содержание не испрашивались дополнительные ассигнования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подчинение дворцового коменданта министру императорского двора и образование в составе министерства двора Управления дворцового коменданта повлекли за собой не только резкое сужение полномочий руководителя императорской охраны, но и ухудшение служебного и материального положения его подчиненных. Поскольку охрана утратила свою независимость, в процессе унификации статуса ее чинов с чинами министерства двора и выработки штатов Управления дворцового коменданта произошло снижение классов должностей и урезание окладов денежного содержания не только руководителей, но и рядовых сотрудников. В условиях непрерывной эскалации террора фактическая ликвидация системы стимулирования выглядела крайне неосмотрительной мерой, которая могла привести к оттоку квалифицированных кадров и приходу в императорскую охрану случайных, слабо подготовленных к выполнению своих должностных обязанностей людей. К чести российского охранного ведомства, этого, не случилось: преданность делу и готовность преодолевать любые трудности помогли чинам Управления дворцового коменданта достойно справиться со стоявшими перед ними задачами.

Библиография:

1. Высочайше утвержденное Положение о

дворцовом коменданте: Высочайшее повеление, объявленное министром юстиции (Собр. узак. - 1906 г., июня 13. – Отд. I. – Ст. 871) // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. XXV. – № 26710.

2. История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881-1917 гг. / Под общ. ред. Е.А. Мурова. – М.: Медиа Пресс, 2006. – 464 с.

3. На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В.И. Жилыев, Д.А. Ключков, И.И. Кондратьев и др.]. – М.: Фонд «Русские витязи», 2018. – 919 с.

4. Об утверждении дополнительного штата Управления дворцового коменданта: Именной высочайший указ от 31 декабря 1905 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. – 6 января 1906 г. – № 5. – Отдел первый. – Ст. 13.

5. Об утверждении нового Положения о дворцовом коменданте: Именной высочайший указ от 25 апреля 1906 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. – 26 апреля 1906 г. – № 102. – Отдел первый. – Ст. 617.

6. Об утверждении штата Управления дворцового коменданта: Высочайшее повеление, предложенное Правительствующему сенату министром юстиции 11 октября 1905 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. – 4 ноября 1905 г. – № 206. – Отдел первый. – Ст. 1746.

7. Руководители государственной охраны России и СССР. Энциклопедическое издание. – М.: РУНИВЕРС, 2018. – 232 с.

8. Служба безопасности Президента Российской Федерации в истории государственной охраны: становление и современность. К 30-летию образования СБП ФСО России. – М.:

Издательство ООО «ПРИНТЛЕТО», 2021. – 512 с.

References:

1. Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie o dvorcovom komendante: Vysochajshee povelenie, ob"yavlennoe ministrom yusticii [The highly approved Regulations on the Palace Commandant: The highest order announced by the Minister of Justice] (Sobr. Uzak. 1906 g. Iyunya 13, otd. I, st. 871) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e. – T.XXV. – № 26710. (In Russ.).

2. Istoriya gosudarstvennoj ohrany Rossii. Sobstvennaya Ego Imperatorskogo Velichestva ohrana. 1881-1917 [The history of the state protection of Russia. His Imperial Majesty's own guard. 1881-1917] / Pod obshch. red. E.A.Murova. – M.: MediaPress, 2006. – 464s. (In Russ.).

3. Na strazhe glavnoj citadeli Rossii: k 100-letiyu Sluzhby komendanta Moskovskogo Kremlya Federal'noj sluzhby ohrany Rossijskoj Federacii [On guard of the main citadel of Russia: to the 100th anniversary of the Service of the Commandant of the Moscow Kremlin of the Federal Security Service of the Russian Federation] / [V.I. Zhilyaev, D.A. Klochkov, I.I. Kondrat'ev i dr.]. – M.: Fond «Russkie vityazi», 2018. – 919s. (In Russ.).

4. Ob utverzhenii dopolnitel'nogo shtata Upravleniya dvorcovogo komendanta: Imennoj Vysochajshij ukaz ot 31 dekabrya 1905 g. [On the approval of the additional staff of the Palace Commandant's Office: The Nominal Supreme Decree of December 31, 1905] // Sobranie zakonov i rasporyazhenij Pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate. 6 yanvarya 1906g. – № 5. Otdel pervyj. St. 13. (In Russ.).

5. Ob utverzhenii novogo Polozheniya o dvorcovom komendante: Imennoj Vysochajshij ukaz ot 25 aprelya 1906 g. [On the approval of the new Regulations on the Palace Commandant:

The Nominal Supreme Decree of April 25, 1906] // Sobranie zakonenij i rasporyzhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate. 26 aprelya 1906 g. № 102. Otdel pervyj. St. 617. (In Russ.).

6. Ob utverzhdenii shtata Upravleniya dvorcovogo komendanta: Vyschajshee povelenie, predlozhennoe Pravitel'stvuyushchemu Senatu ministrom yusticii 11 oktyabrya 1905g. [On the approval of the staff of the Palace Commandant's Office: The Highest order proposed to the Governing Senate by the Minister of Justice on October 11, 1905] // Sobranie zakonenij i rasporyzhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate. 4 noyabrya 1905 g. № 206. Otdel pervyj. St. 1746. (In Russ.).

7. Rukovoditeli gosudarstvennoj ohrany Rossii i SSSR. Enciklopedicheskoe izdanie [Heads of the State Security Service of Russia and the USSR. Encyclopedic publication]. – M.: RUNIVERS, 2018. – 232s. (In Russ.).

8. Sluzhba bezopasnosti Prezidenta Rossijskoj Federacii v istorii gosudarstvennoj ohrany: stanovlenie i sovremennost'. K 30-letiyu obrazovaniya SBP FSO Rossii [The Security Service of the President of the Russian Federation in the history of state protection: formation and modernity. To the 30th anniversary of the formation of the SBP of the FSO of Russia]. – M.: Izdatel'stvo OOO «PRINTLETO», 2021. – 512s. (In Russ.).

УДК 316.653:323.1–054.72

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-3-126-134

АНТОНЕНКО Наталья Викторовна, доктор исторических наук, профессор учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России», Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), e-mail: natalya.antonenko.70@mail.ru

САВОСЬКИН Александр Владимирович, соискатель кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: grefent.brit@mail.ru

ANTONENKO N.V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Educational and Scientific Center «New Russia. History of Post-Soviet Russia», Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: natalya.antonenko.70@mail.ru

SAVOSKIN A.V., Post-graduate student of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: grefent.brit@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 20–30-е ГГ. XX ВЕКА И ЕЁ ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКИМИ ДЕЯТЕЛЯМИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

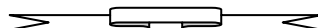
NATIONAL POLICY IN SOVIET RUSSIA IN THE 20-30S OF THE XX CENTURY AND ITS ASSESSMENT BY POLITICAL FIGURES OF RUSSIAN EMIGRATION

Аннотация. Целью статьи является изучение исторического опыта национальной политики в Советской России в проекции ее альтернатив, выдвигаемых со стороны эмигрировавших за рубеж противников советской власти. Подходы к решению национального вопроса выработывались советским руководством опытным путем и корректировались в зависимости от быстро менявшихся политических обстоятельств. Вместе с тем у эмигрантов, оторванных от реальной жизни в России, было достаточно времени на то, чтобы переосмыслить прошлое и заняться теорией национального вопроса. Несмотря на разное видение перспектив развития России, многие идеи эмигрантов (в модифицированном виде) со временем реализовались в национальной политике большевиков.

Ключевые слова: национальная политика в России, советская модель национальных отношений, политическая эмиграция, решение национального вопроса.

Abstract. The article examines the historical experience of national policy in Soviet Russia in the projection of its alternatives put forward by the opponents of the Soviet government who emigrated abroad. A mention should be made that the Soviet leadership developed he approaches to solve the national question and adjusted them according to the rapidly changing political circumstances. The study investigates the emigrants' ideas about the theory of the national question. Finally, the central point is that despite the different vision of the prospects for the development of Russia, Bolsheviks realized many of emigrants' ideas (in a modified form) in their national policy over time.

Keywords: national policy in Russia, Soviet model of national relations, political emigration, solution of the national question.

ВВЕДЕНИЕ

Россия исторически сложилась как многонациональное и поликонфессиональное государство, в котором межэтнические отношения традиционно играли ключевую роль. Многолетний опыт создания необходимых условий для проживания абсолютно разных, иногда, совершенно противоположных по культурным параметрам и религиозным верованиям народов дает возможность разрешать многие межнациональные конфликты внутри страны, опираясь на собственный опыт, сформировавшийся за века. Самым важным этапом формирования этого опыта является XX век, ставший периодом окончательного формирования системы национальной политики страны. Эта система является одним из важнейших аспектов политики России и на данный момент.

Мало стран в мире за последний век прошли через такие глобальные изменения, которые смогла пережить Россия. Несколько революций, которые приводили к радикальному изменению политического устройства государства, две мировые войны, внутренние и внешние локальные конфликты, приводившие к массовой эмиграции, – всё это влияло на развитие страны.

Вошедшая в историю практика российской государственной политики, в особенности в условиях XX века, характеризуется различными идеологическими и теоретическими моделями устройства национального государства и возможностями их реализации в различных социально-политических и экономических условиях. Важнейшими этапами в этом процессе стали 1917 и 1991 гг., в рамках которых коренным образом перестраивались характер, направление и развитие пространства российского общества, его государственная, социально-экономическая и политическая составляющие.

Надо начать с того, что серьезную эволюцию в разработке национальной политики претерпела сама партия большевиков, пришедшая к власти в октябре 1917 года. Национальная политика большевиков строилась на основных положе-

ниях их политической программы в области решения национального вопроса: признание равноправия наций и их права на самоопределение, отказ от политики ограничений или привилегий по национальному принципу, придание государственного статуса народам бывшей Российской империи в случае поддержки ими советской власти и т.д. Реализация этих программных положений осуществлялась в зависимости от сложившейся в стране политической ситуации.

Поначалу большевистским руководством национальный вопрос был отстранён под напором злободневных проблем, связанных с борьбой против сопротивляющегося «эксплуататорского класса» и наследием самодержавного строя. Только после окончания Гражданской войны национальные отношения заняли важное место в политике РКП (б). В 20-е годы их обсуждению были посвящены несколько партийных съездов, среди которых особую политическую роль сыграл XII съезд РКП (б). Развернувшиеся на съезде дискуссии по национальному вопросу четко разграничили позиции руководства страны и представителей республиканской политической верхушки. Осью обсуждаемых проблем стал вопрос о форме государственного устройства, способной оптимально отобразить модель национальных отношений в молодом Советском государстве.

Руководство страны активно лоббировало идею формирования унитарного государства, в которое входили бы автономные области и республики, на что, в свою очередь, региональные представители отвечали идеей создания федеративного союзного государства, каждая часть которого могла бы свободно и самостоятельно развиваться, без особенной оглядки на центральное руководство.

В первой четверти XX века идея формирования такого федеративного государства обладала большим количеством сторонников, заставляя представителей центральной власти, считаться с таким, возможным вариантом.

Одним из пунктов программы большевистской партии являлось достижение всеобщего равноправия. Активно проводилась работа в национальных регионах страны, направленная на повышение экономического благосостояния. Этнические территориальные формирования вовлекали в систему советской государственности, давая возможность стать частью единого социально-культурного пространства.

Это предполагало масштабные качественные изменения в жизни российских этносов и, безусловно, не могло не дать свои положительные результаты. В 20–30-е гг. руководством страны большое внимание уделялось проблемам национальных меньшинств, под которыми в общих чертах понимались части этнических общностей, проживавшие среди представителей других национальностей. Зачастую к национальным меньшинствам причислялись и малые народы. Эти локальные национальные группы, по инициативе властей, охватывались системной культурно-просветительской работой, в перспективе предполагалось их вовлечение в эпицентр экономической жизни. Важным направлением советской национальной политики являлась политика коренизации, сущностью выражавшаяся в расширении представительства коренных народов в сфере государственного управления. Ставилась цель расширить национальные кадры квалифицированных специалистов во всех областях профессиональной деятельности, в том числе среди управленческой элиты.

Создание в 1922 году СССР как союзного государства было важным, хорошо продуманным со стороны советского руководства шагом. В момент своего образования СССР виделся универсальной формой государства, способной, с одной стороны, создать условия для обеспечения сближения и слияния входящих в него народов, с другой – дать конструктивное решение национального вопроса в проекции

общемирового развития. Таким образом, был фактически создан «союзный конструктор», способный (при благоприятных обстоятельствах) интегрировать в свое государственное пространство любой регион. Под модель союзного государства была заточена и национальная политика советской власти: «национальная по форме, социалистическая по содержанию», по существу, она выражалась в политике коренизации, государственной поддержке отдельных этнических групп, получении образования на родных языках, развитии национальных культур и т.д. Эта линия преваляровала вплоть до середины 1930-х годов, во второй половине 30-х на смену идеям равноправия культур многочисленных народов России и борьбы с великодержавным русским шовинизмом пришло продвижение русского народа на роль «главного», «старшего брата» [8, С. 93] в многонациональной советской семье, ценности интернационализма постепенно уступили место идеям государственности и великодержавности.

Национальная политика большевиков стала предметом пристального внимания всего мирового сообщества, в огромном пространстве которого после революционных событий 1917 года «растворились» миллионы русских эмигрантов несогласных с советским строем. Их представления о России и ее будущем принципиально расходились с мировоззрением лидеров большевизма и вызывали много вопросов. Первые экономические успехи большевиков заставляли противников советской власти задумываться о причинах устойчивости советского строя, в числе которых отмечались «правильные» меры советского руководства в области национальной политики.

На волне «позитивных» вестей из России образование СССР воспринималось многими соотечественниками как восстановление целостности государства, а неожиданные успехи в экономике вселяли надежду на «чудесное пе-

рерождение» большевистского режима.

Судьба России и некогда входивших в нее национальных окраин не осталась без внимания участников крупнейших эмигрантских съездов – монархического съезда 1921 года в Бад-Рейхенгалле (Германия)¹ и Всеэмигрантского 1926 года в Париже². Съезд в Рейхенгалле продемонстрировал очевидные перемены в настроениях тех, кто еще не утратил надежду на возможность реставрации в России монархического режима, их националистическое кредо «Россия для русских» сменилось идеей «здорового национализма», сторонники монархии заговорили о национальном примирении, необходимости «воспитания национальной общественности» [6, С. 19]. Новое смысловое наполнение получила лоббируемая монархистами политика «русификации»: теперь она рассматривалась не как магистраль к культурной и языковой ассимиляции народов России, а как идейная сцепка нации, способствующая укреплению национального патриотизма, формированию однородной массы граждан в лингвистическом и административном отношении. Позиционируя себя «государственниками», монархисты фактически ставили знак равенства между политикой «русификации» и «государственным национализмом».

¹ Рейхенгалльский съезд (Русский съезд промышленного восстановления России) состоялся 29 мая – 6 июня 1921 г. по инициативе Н. Е. Маркова (2-го). На съезде присутствовало 100 делегатов (в т.ч. из России), большинство из них (41 чел.) принадлежали к группе Н. Е. Маркова. Важнейшим итогом съезда считается объединение монархических сил русского беженства и создание Высшего монархического совета, которому должны были безусловно подчиняться все монархические организации.

² Российский (Русский) зарубежный съезд заседал в Париже 4–11 апреля 1926 г. в отеле «Мажестик». В его работе приняли участие до 400 делегатов из 26 стран мира, представлявших широкий спектр общественно-политических сил: сторонники монархии, Русский национальный комитет, торгово-промышленная группа, Союз инженеров, Союз русской молодежи, Студенческий союз, ряд других организаций. По идейным соображениям не пожелали участвовать в съезде группировки, враждебно относящиеся к мысли о «возглавлении» русского национального движения, вел. князем Николаем Николаевичем («легитимисты»), а также сторонники «возможной эволюции советской власти».

Как сторонники «Единой и неделимой России», монархисты не поддержали советскую национальную модель ни в форме РСФСР, ни в форме СССР, поэтому считали своим долгом заняться поиском альтернативных конструктивных решений, наиболее приемлемых, с их точки зрения, для России. В монархических кругах русской эмиграции обсуждались три возможных формы государственного устройства: 1) реставрация разрушенной революцией и Гражданской войной империи; 2) единое государство с культурно-национальной автономией для отдельных входящих в него регионов; 3) унитарное государство с элементами федерации [2, С. 209].

Русский зарубежный съезд 1926 года в Париже состоялся уже после образования СССР и его признания ведущими мировыми державами. В этих обстоятельствах вопрос об альтернативных формах государственного устройства потерял свою актуальность, от безысходности монархические идеологи начали критическую атаку конструктивных основ советской государственности. «Большевики по отношению к России выступают как враждебная «внешняя сила»: они упразднили не только название страны, но и ее традиционную внутригосударственную структуру» [10, С. 514–515], – заявил в своем выступлении на съезде С. С. Ольденбург³. Он довольно жестко высказался о проводимой большевиками в отношении народов России политике интернационализма, предупреждал об опасности ее перерождения в политику регионального национализма.

Естественно, не все эмигрантские деятели так категорично оценивали происходящее в советской России, многие воздерживались от

³ Ольденбург Сергей Сергеевич (1888–1940) – историк, публицист, участвовал в Белом движении. Эмигрировал в Турцию, затем жил в Германии, издавал газету «Грядущая Россия» (Берлин), сотрудничал в газетах «Возрождение», «Россия и славянство», ближайший соратник П. Б. Струве, деятель Национального комитета и Центрального объединения, лидер Народно-монархической партии конституционных монархистов, делегат Зарубежного съезда (1926).

критики, брали дипломатическую паузу, чтобы всё обстоятельно переосмыслить и разобраться в происходящем. Образец российской государственности, идеологами которого они являлись, внешне соответствовал создаваемому большевиками – сильное государство с мощным национальным ядром, почитающее культурные традиции и права своих народов. Однако в государственной структуре «эталонной модели», декларируемой эмигрантами, есть много важных несоответствий. В конструктивном решении национального вопроса эмигрантские теоретики синтезировали отечественный опыт, сообразуя его с реалиями времени. Основываясь на объективном подходе к делу, эмигрантские деятели не идеализировали «старую Россию». Их задачей являлось характеризовать Россию как «унитарное государство с ярко выраженной тенденцией к центризму, наковальню русификации», одновременно критике подвергались «басни самостийников» об ужасах царского подавления, подразумевая, что этот «порок» знаком и современной демократии.

В поисках приемлемой для России формы государственного устройства эмигранты обращались к европейскому опыту. «Россия является частью европейской семьи народов, – отмечал социолог, историк, правовед Н. С. Тимашев, – в основных учреждениях и юридических формах у этих народов больше общего, нежели разного и обособленного» [1, С. 147]. Раскрывая свою теорию, ученый ввел понятие «сложного государства» и его производные, которые выражались в трех формах: «унитарное государство с автономными провинциями», «союзное государство» и «союз государств». Данные формы Тимашев последовательно «примерял» на Россию, каждый раз дополняя свои выводы детальными комментариями. Например, он считал форму «союза государств» неуместной, аргументируя кратковременностью и неустойчивостью существования «облаченных» в нее государств: Герман-

ский союз 1815–1848 гг., Швеция до 1848 года, США до 1789 года исторически просуществовали недолго и завершили свой путь либо распадом, либо деформацией развития [4, С. 97].

Н. С. Тимашев, как и многие эмигрантские теоретики, считал власть большевиков недолговечной, поэтому для него так важен был вопрос: как будет восстанавливаться свободная от большевиков Россия? В опубликованной в 1923 году статье «Центр и места в послереволюционной России» идеолог высказал предположение, что Россия будет постепенно превращаться в объединенное государство с рядом относительно автономных регионов [11]. То, в какую форму она облечется, Тимашев соотносил с вектором «институционализации», по его расчетам, формирование государства от центра к периферии должно привести к унитарной государственности, от периферии к центру – к союзной. Многонациональный состав населения России позволяет допустить, что административно-территориальное деление государства будет основываться на этническом принципе, структурной единицей которого являются территории «...с равной численностью населения, объединенные традициями исторического и экономического развития...» [12, С. 176].

Подходы Н. С. Тимашева к решению национального вопроса по многим параметрам совпадали с представлениями П. Н. Милюкова. Он не был ярким противником советской системы и даже со временем признал ее эффективность (в части административного управления) [5, С.157–158], однако в оценке формализации государственного устройства он был критически настроен и охарактеризовал РСФСР «странной федерацией», а СССР – «еще более странным союзом государств» [9, С.153]. Не ставя под сомнение тот факт, что советское государство «еще не последнее слово в истории российских национальных вопросов», Милюков стремился найти альтернативную траекторию развития России, соотнося с идеей правового строя и в

её контексте с развитием прав национальностей. Свою позицию по национальному вопросу идеолог выразил на совещании членов Учредительного собрания в январе 1921 года: «Мы приняли принцип культурно-национальной автономии, признающей право национальности как целого для народностей внутренней России, и указали путь для организации наиболее численно и компактно живущих народностей в особые федеративные единицы, оградив в то же время, права национальных меньшинств» [7, С. 611–613].

П. Н. Милюков не брался предсказывать, как разрешится «болезненный» национальный вопрос, но в рамках своего мировоззрения отчетливо выделил силуэт будущей российской государственности. Он предположил, что такое государство включает в себя экономическую взаимосвязь между частями бывшей империи, внутреннюю целостность, предполагающую «ту или иную степень сближения русского ядра с частями, уже отделившимися», уважает права национальных меньшинств и гарантирует их соблюдение со стороны национального большинства, исключая насильственные методы в процессе государственного строительства [9, С. 154–155].

По мере укрепления позиций СССР идея федерации как формы государственного устройства России становилась всё более привлекательной для эмигрантов. Оказавшиеся за рубежом адепты социализма даже рассматривали федерацию как общемировую перспективу и мечтали о временах, когда повсеместное расширение и углубление демократизации общественных отношений позволит тотально внедрить принципы федерализма в практику мирового развития. Эта далеко идущая цель подкреплялась идеологами социализма самыми разнообразными теориями и предположениями. Приверженец кооперативного подхода к объяснению социально-экономических процессов в России В. М. Чернов применял его и к национальным отношениям. «Российская фе-

дерация» в возможной перспективе рассматривалась как «государственная кооперация национальностей», в рамках которой гарантируется независимость входящих в состав федерации государственных образований, сохранение их самобытности. Чернов не видел серьезных препятствий для реализации такой модели в мировом масштабе при условии складывания благоприятных обстоятельств (установление социального равновесия между городом и деревней, «выравнивание развития стран индустриальных и земледельческих, наций развитых и отсталых») [14].

Швейцария, по мнению В.М. Чернова, является идеальным примером федерации. Государство, где «под сенью единой нации» на протяжении многих веков мирно сожительствовали итальянцы, немцы, французы, представители других национальностей [3, С.4]. Швейцарскую модель федерации идеолог противопоставлял советской, «крайне несовершенной» в силу слишком стремительного формирования. В.М. Чернов был убежден, что союзное государство с централизованной и бюрократизированной управленческой системой носит декларативный характер и ни в какой мере не соотносится с федерализмом. Анализируя данное утверждение, он предвещал перерождение СССР в конфедерацию независимых государств в составе Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана и, возможно, Кавказа [13, С.11].

История доказала несостоятельность многих предположений эмигрантов, однако некоторые выдвигаемые ими идеи со временем довольно эффективно реализовались в национальной политике СССР. В самом названии – Союз Советских Социалистических Республик – подчеркивалось, что государство не включает в себя только этнических русских, в нем одинаково соблюдаются права всех объединившихся народов, и этим подчеркивается, что Союз учрежден как политическое объединение пари-

тетных наций. Идеологической скрепой национального развития на этапе образования СССР выступала идея «местного национализма». Советское руководство опасалось, что отрицание значимости местных культур будет восприниматься многонациональным населением страны как продолжение великодержавного русского национализма и колониализма и повлечет за собой череду новых антикоммунистических восстаний. Именно поэтому большевики решились поддержать национализм меньшинств в противовес великодержавному русскому национализму. Политически это выразилось в курсе на преодоление отсталости малых этнических групп, ускорении их культурного и социально-экономического развития. Направленная на активное развитие национальных территорий политика успешно реализовала ряд поставленных перед ней задач – привела к расширению прав этнических меньшинств, резкому подъему их социокультурного уровня, формированию кадров национальной интеллигенции, их активному включению в сферу регионального и государственного управления [15, С.100–123]. Но уже к середине 1930-х годов политика «национального протекционизма» накопила множество негативных тенденций, которые, вопреки ожиданиям центра, обернулись ростом антисоветских и антирусских настроений на местах. Сложившаяся ситуация заставила сталинское руководство провести ревизию идеологии национального вопроса. Такое указание способствовало изменению направления национальной политики в сторону «великодержавного русского национализма».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новая национальная политика выделяла ведущее место русского народа на идеологическом и культурном уровнях и предусматривала укрепление русского языка и русской культуры в национальных районах страны. На политическом уровне новый подход выразился в политике русификации и привел к резкой трансформации кадров в системе региональной власти, их

замене этническими русскими. Для укрепления этнической базы в регионах началось активное переселение русских в национальные районы страны, русские стали рассматриваться как этническая скрепа в многонациональной семье советского народа.

Библиография:

1. Адамович М.Н. С. Тимашев: русская тема // *Континент*. – № 120. – 2004. – № 2. Апрель – июнь. – С. 145-160.
2. Антоненко Н.В. Национальный вопрос в программах русской монархической эмиграции // *Новый исторический вестник*. – 2008. – № 1 (17). – С. 206-214.
3. Антоненко Н.В. Программы национально-государственного устройства России социалистических партий в эмиграции // *История государства и права*. – 2011. – № 6. – С. 4-7.
4. Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. – М., (б.и.) 2009. – 430 с.
5. Вандалковская М.Г. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.); *Институт российской истории Российской академии наук*. – М.; СПб.: *Институт Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив*, 2015. – 239 с.
6. Двуглавый орёл. – 1921. – Вып. 13. – 1 (14) августа.
7. Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921 гг. – М.: *РОССПЭН*, 2004. – 847 с.
8. Каменских М.С. «Русский поворот» в национальной политике СССР начала 1930-х годов: оценки отечественной и зарубежной историографии // *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. – 2019. – № 4. – С. 93-97.
9. Милюков П.Н. Национальный вопрос: (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). – М.: *Государственная публичная историческая библиотека России*, 2005. – 158 с.

10. Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. – М.: Русский путь, 2006. – 848 с.
11. Тимашев Н.С. Центр и места в послереволюционной России (К проблеме федеративного устройства России) // Крестьянская Россия. Сб. ст. по вопросам общественно-политическим и экономическим. – Прага, 1923. – V–VI. – С. 50.
12. Фёдорова М.С. Либерально-консервативное направление общественно-политической мысли русского зарубежья 20–40-х гг. XX в: Дисс... канд. ист. наук. – М., 2003. – 238 с.
13. Чернов В.М. Пересмотр партийной программы (Доклад конференции П.С.-Р., состоявшейся в сентябре 1920 года) // Революционная Россия. – 1921. – № 3. – С. 8-11.
14. Чернов В.М. Марксизм и славянство: (К вопросу о внешней политике социализма). – Пг.: Издательство ЦК партии социалистов-революционеров, 1917. – 102 с.
15. Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С. История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 100-123.
- mysl' russkoy emigratsii [Historical thought of the Russian emigration]. 20 – 30-ye gg. – M., (b.i.). – 430s. (In Russ.).
5. Vandalkovskaya M.G. (2015) Prognozy postbol'shevistskogo ustroystva Rossii v emigrantskoy istoriografii (20 – 30-ye gg. XXv.) [Forecasts of the post-Bolshevik structure of Russia in the emigre historiography (20-30s of the twentieth century); Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]; Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk. – M.; SPb.: Institut Rossiyskoy istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ. – 239s. (In Russ.).
6. Dvuglavyy Orel [Two-headed Eagle]. – 1921. – Vyp. 13. 1(14) avgusta. (In Russ.).
7. Dnevnik P.N. Milyukova. 1918–1921gg. [PN's diary. Milyukov. 1918-1921]. – M.: ROSSPEN, 2004. – 847s. (In Russ.).
8. Kamenskikh M.S. (2019) «Russkiy povорот» v natsional'noy politike SSSR nachala 1930-kh godov: otsenki otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii [«Russian turn» in the national policy of the USSR in the early 1930s: assessments of domestic and foreign historiography] // Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra. – №4. – S.93–97. (In Russ.).
9. Milyukov P.N. (2005) Natsional'nyy vopros: (Proiskhozhdeniye natsional'nosti i natsional'nyye voprosy v Rossii) [National question: (Origin of nationality and national issues in Russia)]. – M.: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii. – 158s. (In Russ.).
10. Rossiyskiy Zarubezhnyy S"yezd. 1926. Parizh: Dokumenty i materialy [Russian Foreign Congress. 1926. Paris: Documents and Materials]. – M.: Russkiy put', 2006. – 848s. (In Russ.).
11. Timashev N.S. (1923) Tsentr i mesta v poslerevolyutsionnoy Rossii (K probleme federativnogo ustroystva Rossii) [Center and Places in Post-Revolutionary Russia (On the Problem of the Federal Structure of Russia)] // Krest'yanskaya Rossiya. Sb. st. po voprosam obshchestvenno-politicheskim i ekonomicheskim. – Praga, V-VI. – S.50. (In Russ.).

References:

1. Adamovich M. (2004) N.S. Timashev: russkaya tema [N.S. Timashev: Russian theme] // Kontinent. – № 120. – № 2. April – June. – S.145-160. (In Russ.).
2. Antonenko N.V. (2008) Natsional'nyy vopros v programmakh russkoy monarkhicheskoy emigratsii [The national question in the programs of the Russian monarchist emigration] // Novyy istoricheskiy vestnik. – №1(17). – S. 206-214. (In Russ.).
3. Antonenko N.V. (2011) Programmy natsional'no-gosudarstvennogo ustroystva Rossii sotsialisticheskikh partiy v emigratsii [Programs of the national state structure of Russia of socialist parties in emigration] // Istoriya gosudarstva i prava. – № 6. – S.4-7. (In Russ.).
4. Vandalkovskaya M.G. (2009) Istoricheskaya

12. Fedorova M.S. (2003) Liberal'no-konservativnoye napravleniye obshchestvenno-politicheskoy mysli russkogo zarubezh'ya 20–40-kh gg. XXv. [The liberal-conservative direction of the socio-political thought of the Russian diaspora in the 20s - 40s. XX century]: Diss... kand. ist. nauk. – M. – 238s. (In Russ.).
13. Chernov V.M. (1921) Peresmotr partiynoy programmy (Doklad konferentsii P.S.-R., sostoyavsheysya v sentyabre 1920 goda) [Revision of the party program (Report of the P.S.-R. conference, held in September 1920)] // Revolyutsionnaya Rossiya. – № 3. – S.8–11. (In Russ.).
14. Chernov V.M. (1917) Marksizm i slavyanstvo: (K voprosu o vneshney politike sotsializma) [Marxism and Slavism: (On the Question of the Foreign Policy of Socialism)]. – Pg.: Izdatel'stvo TSK partii sotsialistov-revol'yutsionerov. – 102 s. (In Russ.).
15. Shcherbak A.N., Bolyachevets L.S., Platonova E.S. (2016) Istoriya sovetskoy natsional'noy politiki: kolebaniya mayatnika? [History of Soviet Ethnicity Policy: Swinging a Pendulum?] // Politicheskaya nauka. – №1. – S.100 – 123. (In Russ.).

УДК 94 (5)''

НАУМОВА Наталья Александровна, соискатель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, Пятигорск), e-mail: pragpu@mail.ru

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-3-135-145

NAUMOVA N.A., Postgraduate student of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University (Russian Federation, Pyatigorsk), e-mail: pragpu@mail.ru

ПЕРСИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

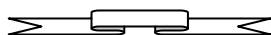
PERSIA IN THE LAST THIRD OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURY: INTERNATIONAL RELATIONS WITH NEIGHBORING STATES

Аннотация. Цель статьи – изучение взаимоотношений Персии с соседними государствами в последней трети XIX – начале XX века. В качестве источников используются материалы журнала «Нива» за 1874 год, военно-статистические сборники за 1868–1900 годы, материалы сборников географических, топографических и статистических материалов по Азии за 1895 год, записки дипломатов и др. Механизм и характер этих взаимоотношений рассмотрены на примере афгано-персидских отношений, споров между Персией и Белуджистаном, российско-персидских противоречий. Методология исследования: использован микроисторический подход и метод компаративистики (сравнительный), позволяющий выделить отличительные нюансы в исторических процессах. В рассмотренных материалах прослеживается формирование образа Персии в глазах россиян. Представлен анализ политики Персии по отношению к российскому продвижению в Закаспийскую область. Освещается «водная проблема» на приграничных территориях. В результате формируется объективный образ Персии с обозначением проблем международного сотрудничества.

Ключевые слова: Персия, Каджарская династия, Афганистан, Систан (Сеистан), Белуджистан, Хорасан, протекторат, демаркация, водные ресурсы.

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between Persia and neighbouring states in the last third of the 19th and early 20th centuries. Reliable sources such as materials of the journal «Niva» from 1874, Military-statistical collections from 1868-1900, materials of collections of geographical, topographic and statistical materials on Asia from 1895, notes of diplomats, etc. are used. The article investigates the mechanism and nature of these relationships in the context of Afghan-Persian relations, disputes between Persia and Baluchistan, Russian-Persian contradictions. Research methods such as the microhistorical approach and the method of comparative studies are used. It is stressed that these methods point to the distinctive nuances in historical processes. It should be noted that the formation of the image of Persia in the eyes of Russians takes place in the materials discussed in the paper. The analysis of the Persian policy in regard to the Russian market in the Trans-Caspian region is presented. Much attention is given to the "water problem" in the border areas. In conclusion, the author focuses on the fact that the image of Persia in the eyes of Russians turned out to be objective and with the identification of problems of international cooperation.

Keywords: Persia, Qajar dynasty, Afghanistan, Sistan, Baluchistan, Khorasan, protectorate, demarcation, water resources.

ВВЕДЕНИЕ

Обострение ситуации на Балканах и проведение Великих реформ в 60–70-е гг.

XIX века на время отвлекли внимание российской общественности от развития ситуации в Персии. Положение дел радикальным

образом меняется в середине 80-х гг. Отчасти данный процесс стимулировали успехи России в Средней Азии и ее выход к Северо-Восточной Персии в районе Хорасана, что открывало новые возможности для развития торговых и политических связей Санкт-Петербурга с Тегераном. Российское правительство и предприниматели начинают проявлять интерес к развитию торговли с Персией, что невозможно было сделать без изучения потенциала этой страны. Более того, россияне начинают проявлять интерес к Южной и Восточной Персии, считавшейся вотчиной Великобритании. Правительство России как минимум ставило задачу закрепления в Северной и Центральной Персии. В Санкт-Петербурге Персия рассматривалась как возможный фактор, влияющий на решение «Восточного вопроса», ибо она могла принять участие в войне с Османской империей. Во время Крымской войны такой поворот событий в России вполне допускался [6].

Персия традиционно вызывала живой интерес в России. Долгое время образ страны ассоциировался с восточной роскошью, прекрасной архитектурой, диковинными товарами, поступающими в Россию. Постепенно этот образ начинает несколько видоизменяться под воздействием глубинных процессов, происходивших внутри самого персидского общества, и более длительным знакомством россиян со страной. Журнал «Нива» в статье, опубликованной в 1874 году, дает, пожалуй, распространенный образ восприятия персидской истории в России, утвердившийся в последней четверти XIX века.

Журнал отсчитывает начало современной истории страны с 1510 года, когда свергается наместник Тимура и приходит Исмаил Али, приведший к власти тюркскую династию Сефевидов [17]. Правда, 1510 год, скорее, ассоциируется с другими событиями, чем те, на которые указал журнал. К этому времени Исмаил Али объединил всю страну, захватив

последними Хорасан, Мерв и другие восточные территории. Именно при нем шиизм становится официальной религией Персии [2]. В целом «Нива» положительно оценивала деятельность Исмаил Али. Вершиной развития Персии «Нива» считала годы правления Шах Аббаса I (1588–1629 гг.), когда страна достигла больших успехов во внешней политике и собственном развитии [17]. В данном сюжете журнала отмечается роль Восточной Персии в развитии страны. С одной стороны, она становится объектом бесконечных войн Персии с соседними государствами за доминирование в регионе, что сказалось на ее развитии. Жестокость покорителей региона зачастую не знала предела. Особенно издание описывало жестокость основателя династии Каджаров Ага Мохаммед хана, который после захвата Кермана обезглавил 7 тыс. чел., создав в 1736 году «башню» из черепов. Жестокость Ага Мохаммед хана отличалась крайностью, даже с учетом жесткости других правителей. С другой стороны, подчеркивалась важность Хорасана и других восточных регионов в историческом и культурном развитии страны. Один из властителей Хорасана – Кули хан – даже некоторое время являлся шахом. Правда, журнал называл его «хорасанским разбойником» [17]. Одним из критериев эффективности того или иного правителя являлось умение остановить вторжение туркменских племен в восточные районы страны.

Вся история Персии XVI – XVIII вв. была наполнена жестокостью и постоянными междоусобицами, от которых, прежде всего, страдало местное население, бесправное и обездоленное. Именно этот образ Персии постепенно в течение XIX века утверждается в России. К данному образу добавлялось политическое господство тюрков, создавших династии Сефевидов и Каджаров. Этнические персы не смогли создать мощный правящий класс, способный возглавить страну

[17]. В России утверждается мнение о противопоставлении жителей страны этим династиям. Если Сефевиды воспринимались в целом как священная династия, то Каджаров в стране презирали, особенно в среде духовенства [4].

В истории Персии XIX века журнал интересовался двумя ее властителями. Фетх Али хан, правивший страной с 1797 по 1834 год, несмотря на войны с Россией, смог с ней наладить тесные отношения, и она, вопреки противодействию Великобритании, занимает доминирующие позиции в Персии [17]. Насреддин шах, правивший страной с 1835 по 1896 год, являлся современником публикации. Журнал относил его к числу правителей, получивших хорошее образование, но погрязших в праздности и мало интересовавшихся управлением страной, особенно после гибели в 1851 году первого министра Мирзы Таки, известного персидского реформатора, который стремился укрепить страну перед угрозой внешних вызовов.

Центральное место во внешней политике Персии на всем протяжении XIX – начала XX века занимали оформление ее новых границ и проблема сохранения частичного суверенитета, чтобы не оказаться одной из колоний европейских государств. Восточные границы Персии менялись на всем протяжении XIX века. Постепенно ослабление военно-политического и экономического потенциала страны сказалось на оформлении ее границ с соседними государствами. Особенно болезненной для Тегерана являлась афганская проблема. Поэтому неслучайно в XIX веке объектом пристального внимания Тегерана оставался Афганистан и, прежде всего, Герат, традиционно тесно связанный экономически и культурно с Персией. В первой четверти XIX века персидские шахи отказались от верховного главенства над Афганистаном, но при этом они хотели сохранить контроль над Гератом. В 1837 году персид-

ские войска предприняли поход на Герат, но он заканчивается неудачно после вмешательства Великобритании, вставшей на стороне Афганистана [1]. Гератская кампания показала слабость персидской армии и её неспособность противостоять азиатским соседям, не говоря уже об армиях европейских государств [6]. В конце 1851 – начале 1852 года и в 1856 году Персия вновь стремится присоединить Герат [18]. Однако каждый раз в события вмешивалась Великобритания, заставлявшая Персию отступить. В марте 1857 года, во время мирных переговоров в Париже, Персия окончательно признала независимость Афганистана и его суверенитет над Гератом [3]. Кроме этого, Персия в пользу Афганистана отказывалась от Фараха, Фариоба и ряда других приграничных территорий. Это был существенный удар по геополитическим позициям Персии в Центральной Азии, особенно чувствительной являлась потеря Герата. Проафганская политика Лондона во многом объяснялась его стремлением максимально отодвинуть границы Персии от Индии, боясь, что Россия, используя свое влияние в стране, сможет совершить стремительный бросок к индийской границе.

На этом территориальные споры Персии с Афганистаном, который стремился расширить свои границы на западе, не завершились. В 1887 году с прекращением нападений туркмен на Хештаданскую долину правительство Персии решило возродить регион. Начинаются работы по расчистке сельскохозяйственных угодий, прибывают первые колонисты. Однако данная территория сразу подверглась нападению со стороны афганцев. Более того, Кабул предъявил свои претензии на нее на том основании, что она когда-то в административном отношении подчинялась Герату.

Важной спорной территорией во взаимоотношениях Персии с Афганистаном и Бри-

танской Индией становится Систан [18]. После распада державы Надир-шаха Систан становится объектом противостояния Персии и Афганистана. В этот период Систан некоторое время сохранял независимый статус. В 1802 году большую часть Систана захватывает Персия, она готовит почву для естественного вхождения региона в состав страны, пытаясь договориться с местными вождями. В этот период британская дипломатия, по мнению И. И. Стредьбицкого, допустила большую ошибку, сделав ставку на войну между Персией и Афганистаном, не сомневаясь в победе Кабула. В 1872 году под патронажем Великобритании Систан был разделен между Персией и Афганистаном, в результате Тегеран признал частичную потерю территории [19].

Кабул претендовал на ряд других районов, ставя вопрос о необходимости заселения систанской пустыни и ее орошения, что, по мнению Н. А. Зарудного, являлось нарушением принципа территориальной целостности Персии [18]. В 1896 году вновь возник территориальный спор между Афганистаном и Персией – Тегеран обратился за содействием в Лондон, после чего большая часть границы между государствами была демаркирована к 1903 году [18]. Процесс установления восточных границ Персии растянулся в некоторых районах до 1935 года [1]. Проведение государственной границы между Персией и Афганистаном нарушило традиционные маршруты передвижения кочевых племен, к их большому недовольству. Правда, они могли легко обходить пограничные пункты, но по мере ужесточения контроля над границей, напряженность по ее обе стороны нарастала. В условиях засухи или нашествия саранчи поток мигрантов из Афганистана направлялся в Персию или наоборот. Часто два потока пересекались.

Юридическое оформление границы между Афганистаном и Персией не останавлива-

ло новые претензии Кабула к Тегерану. В 80–90-е гг. XIX века Афганистан не раз самовольно захватывал приграничные районы Персии, в том числе в Хорасане. Данное обстоятельство вызывало большую озабоченность в России. Жители приграничных районов были напуганы враждебными действиями Афганистана, поэтому не раз В. А. Орановский слышал вопрос со стороны хорасанцев на тему «Кто сильнее: Россия или Афганистан?» [16].

Споры между Персией и Великобританией возникли при определении границы в Белуджистане. С 30-х гг. XIX века Великобритания начинает активно вмешиваться в дела Белуджистана. Регион после смерти Надир-шаха сохранял номинальную зависимость от Тегерана без определения четких границ. Он становится буфером между Британской Индией и Персией. Британские дипломаты и военные понимали исключительную роль Белуджистана для защиты Индии и Афганистана в случае войны с Россией. Через регион можно было быстро перебросить войска к Герату и Кандагару, не говоря уже о Персии. В 1841 и 1854 гг. Лондон навязал договор Келатскому (Калатскому) ханству, сделав его, по сути, своим протекторатом. В 1870–1871 гг. губернатор Кермана предпринял поход в Белуджистан для закрепления суверенитета страны над провинцией. В 1871 году он захватил порт Чехбехар, принадлежавший до этого султану Омана. Успехи Персии вызвали беспокойство в Лондоне. В 1870 году он навязал переговоры Персии и Афганистану о разграничении в Белуджистане. Британские эксперты провели линию разграничения без учета мнения персидской стороны. Персидскую делегацию на переговорах, по мнению П. А. Риттиха, возглавлял большой патриот страны, он отказался подписать соглашения и добился переноса переговоров в Тегеран. Однако правительство шаха в конечном итоге капитулировало перед англичанами. В

результате в 1863–1872 гг. значительная часть Белуджистана оказалась в составе Британской Индии.

С 70-х гг. XIX века важным фактором, определяющим политику Персии в Центральной Азии, становится продвижение в регионе России. Наступление России в Средней Азии переходит в активную фазу в 1869 году, когда войска под командованием генерала Н. Г. Столетова высадились на восточном берегу Каспийского моря, создав опорный пункт – Красноводск [7]. Россия постепенно продвигалась к границам Северо-Восточной Персии. Некоторое время в качестве буфера между Россией и Персией выступали земли, заселенные туркменскими племенами. Но такое положение дел носило временный характер.

После падения Хивинского ханства в 1873 году и признания протектората Россия начинает проявлять интерес к землям туркменских племен, что могло привести к ее конфликту с Персией, традиционно внимательно следившей за развитием событий севернее Хорасана [12]. Следует отметить, что появление России в Средней Азии и ее военные успехи привели, по мнению журналистов «Нивы», к росту ее политического авторитета внутри Персии [17]. В первой трети XVIII века большая часть туркменских земель входила в состав Персии, затем Тегеран постепенно теряет контроль над ними. Земли туркмен стали объектом борьбы за господство в регионе Хивинского ханства и Персии. Попытки восстановить былое влияние над туркменами не увенчались успехом для Персии в 1861 году, когда персидская армия была разбита туркменскими племенами. В 1869 году персидская армия одерживает победу, но она имела локальный характер и не привела к существенному укреплению позиций Персии в регионе [16].

Политика Персии по отношению к российскому продвижению в Закаспийской области

отличалась двойственностью. С одной стороны, Персия опасалась выхода России к Хорасану. С другой стороны, сама Персия постоянно страдала от набегов воинственных туркменских племен. Захватив юго-восточное побережье Каспийского моря, Россия вышла к границам Персии. В 1880–1881 гг. генерал М. Скобелев осуществил удачную Ахалтекинскую операцию, взяв в январе 1881 года штурмом крепость Геок-Тепе [8]. Через несколько дней пал Асхабад. Это был значительный успех России в продвижении в зоне проживания туркменских племен [18]. В 1881 году между Россией и Персией проходят сложные переговоры, в результате которых Тегеран признал присоединение туркменских земель к России, подписав Ахал-Хорасанскую конвенцию и Тегеранский договор [1].

При демаркации границы с Персией российская сторона осознала полное незнание ландшафта приграничной территории, без чего невозможно было установить четкую границу. Для устранения данного обстоятельства в Закаспийскую область отправляется специальная экспедиция [11]. Материалы экспедиции ускорили ход переговоров. Окончательно все спорные моменты в проведении границы и использовании пограничных рек урегулировались в российско-иранском договоре 1893 года [14].

Проведение границы между Закаспийской областью и Хорасаном породило множество проблем. Во-первых, использование водных ресурсов приграничных рек, на которые претендовали обе стороны. В Хорасане даже возникают проблемы с орошением, о чем речь пойдет ниже. В 1881 году жители Персии в долине Маныш в нарушение договоренностей существенно расширили посевы, что привело к резкому потреблению воды и обмелению реки Аннау-Су. В результате российский военный отряд занял местность, уничтожил поля и каналы, вернув статус-кво

[16]. Такие конфликты возникали и на других участках границы. В 1884–1885 гг. стороны назначают уполномоченных лиц, следивших за использованием водных ресурсов. В результате четко оговаривалась численность населения в приграничных районах, размеры посевных площадей и расход воды.

Во-вторых, граница разрезала маршруты передвижения туркмен-кочевников [16]. Почти девять месяцев они находились на территории Закаспийской области, а на зиму уходили в Хорасан. Данный факт также заставил Россию и Персию урегулировать этот спорный момент. Большинство туркмен принимает российское подданство, так как налоги в России они платили меньше, чем в Персии. К тому же они могли рассчитывать на поддержку России, находясь на территории Персии [16]. После проведения границы часть поданных Персии, в частности курды, оказались на территории России, персидские власти силой их переселили в Хорасан, чтобы не терять податное население, хотя Россия не возражала против того, чтобы они остались на ее территории.

Переговоры успешно провел посол России в Персии с 1876 по 1883 год И. А. Зиновьев, после чего возглавивший Азиатский департамент МИД России. В январе 1884 года Мерв признает вхождение в состав Российской империи. До этого правители города вынашивали план присоединения к Персии, но из этого ничего не получилось. Туркмены не раз обращались за помощью к Персии во время боев с Российской армией в 80-е гг. XIX века, но Тегеран предпочитал избегать открытой конфронтации с Россией. В 1882 году Россия создает Закаспийскую область, в 1880–1888 гг. строит Закаспийскую железную дорогу, что свидетельствовало об основательном закреплении ее позиций в Центральной Азии.

В результате демаркации границы в состав России вошли не только земли, засе-

ленные туркменами. В ряде случаев на территории империи оказались аулы с персидским населением. После проведения границы они были заброшены, а их жители ушли на территорию Хорасана. Одним из таких аулов являлся российский пограничный пункт Гярмуба. Во время проживания персов в ауле имелись большие фруктовые сады, основательные жилища. После их ухода всё пришло в запустение. Этот факт в своих очерках отмечал Н. А. Никольский [15].

Демаркация русско-персидской границы не прекратила полностью набеги туркмен на персидскую территорию, действия туркмен, занимавшихся бандитизмом, вызывали беспокойство и у российской администрации. Проведение русско-персидской границы в Средней Азии привело к разделению туркменских племен, оказавшихся на территории двух государств. И. А. Зиновьев отмечал большие проблемы с охраной границы в Закаспийской области, так как туркмены, курды и другие народы, проживавшие здесь, отличались строптивостью и даже «хищническими наклонностями» [9]. Поэтому Санкт-Петербургу приходилось предпринимать решительные меры по укреплению границы, используя силу и одновременно стремясь найти некий компромисс с местными народами.

А. М. Никольский, совершая поездку по территории Северо-Восточной Персии, посетил несколько туркменских селений. Он выяснил, что проведение четкой границы между Россией и Персией заставило часть туркмен уйти с территории России в пределы Персии, где они были полностью освобождены от уплаты пошлин [15]. Часть туркменской аристократии также оказалась перед выбором, какому из государств присягнуть на верность. По свидетельству А. М. Никольского, зачастую в качестве определяющего аргумента выступало получение воинских чинов и подарков, в чем больше всего преуспел Теге-

ран. В этой победе персидского шаха российский ученый не видел ничего страшного, сомневаясь в деловых и личных качествах многих местных аристократов [15].

Проведение четкой границы привело к возникновению конфликтов по поводу использования водных ресурсов рек, которые свое русло начинали в Закаспийской области [13]. Выход России к границам Персии привел к росту численности населения в Северном Хорасане и его экономической активности, о чем не раз будет идти речь в данной работе. Однако это привело к росту потребления водных ресурсов. Данная тенденция проявилась и в Закаспийской области. Поэтому стали возникать конфликты из-за распределения водных речных потоков между российской администрацией и властями Хорасана [10].

В 1890 году командующим войсками в Закаспийской области назначается генерал-лейтенант В. Н. Куропаткин. Он предпримет большие усилия для наведения порядка на границе и в борьбе с бандитизмом. В 1895 году он направляется в Тегеран для сообщения шаху о коронации Николая II. Во время данного визита, кроме церемониальных функций, В. Н. Куропаткин обсудил с представителями высшей власти Персии ряд проблем в двухсторонних отношениях. Центральной темой стало наведение порядка на границе и борьба с туркменскими племенами [5]. Стороны договорились о проведении мер по разоружению туркмен, что, по их мнению, должно было несколько разрядить ситуацию. Правда, В. Н. Куропаткин не очень верил в боеспособность персидской армии и финансовые возможности страны, поскольку такая акция требовала значительных ресурсов.

По мнению И. А. Зиновьева, присоединение Закаспийской области имело большое значение как для России, так и для Персии. Россия обезопасила свои владения в Средней Азии от набегов туркменских племен,

получив возможность осваивать ресурсы данного региона, особенно после завершения строительства основной ветки Закаспийской железной дороги [8]. Более того, российский экспорт получал возможность не ограничиваться торговлей с Северо-Западной и Центральной Персией, а расширить свой потенциал за счет проникновения в Восточную Персию и прилегающие к ней районы страны, в том числе в Хорасан, Систан, Белуджистан, Керман, Йезд и даже в Шираз. На взгляд дипломата, Персия также получала неоспоримые преимущества. Во-первых, она теперь не подвергалась постоянным нападениям со стороны текинских туркмен, от чего сильно страдало население Хорасана [8]. Во-вторых, относительная стабильность на границах Хорасана привела к его экономическому развитию и росту благосостояния местного населения. В-третьих, Хорасан и другие восточные провинции Персии получили возможность для создания и расширения экономических связей с Россией и другими государствами Европы.

Нестабильность на северо-восточных и восточных границах Персии заставляла Тегеран соответствующим образом размещать вооруженные силы на территории страны. В Мешхеде и Кермане дислоцировались крупные воинские гарнизоны. Правда, как уже отмечалось, генерал В. Н. Куропаткин невысоко оценивал боевой потенциал персидской армии [5]. Пехота в целом была неплохо обучена, но офицерский корпус не выдерживал никакой критики. Это с полным основанием относилось и к техническому оснащению армии. Казнокрадство и кумовство самым негативным образом сказывались на состоянии вооруженных сил страны.

Долгое время Россия не имела точных сведений о Восточной Персии. Исследования зарубежных авторов также не могли успешно решить данную задачу, так как достоверность содержащихся в них сведений вызывала

большие сомнения [12]. Они зачастую опирались на рассказы местных жителей и исследования более ранних авторов, нередко не совпадавших с реальностью. Военное ведомство страны, составляя справочники по Персии и географические карты, стремилось собрать все обстоятельные сведения о расстоянии между основными населенными пунктами страны и состоянии транспортных коммуникаций [4].

Библиография:

1. Алиев С.М. История Ирана. XX век. – М.: ИВ РАН, 2004. – 648с.
2. Базиленко И.В. Особенности эволюции религиозно-философской доктрины шиизма в историко-культурном пространстве мусульманского востока // Христианские чтения. – 2010. – 31. – С.154-171.
3. Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856-1857гг. – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – 251с.
4. Военно-статистический сборник. Вып. III. Персия, Белуджистан, Средне-Азиатские владения, Китай, Япония, Северо-Американские Соединенные Штаты, Мексика, Бразилия и Республики Средней, и Южной Америки. Сост. Н.Н.Обручев. – СПб.: Военная типография, 1868. – С. 2-10.
5. Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина. Поездка в Тегеран в 1895г. / Сведения о Персии и Афганистане. – СПб.: б.и., б.г. – С.1-59.
6. Гоков О.А. Русская военная миссия 1853-1854 гг. В Персию в контексте «Восточного вопроса»/Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XIII. Ред. сост. О.Р.Айрапетов и др. – М.: Издательский дом Регнум, 2012. – С 86.
7. Дарабади П. Центральная Азия в «большой геополитической борьбе» второй половины XIX – начала XX вв./Кавказ & глобализация. – 2007. Т.1. – С. 140.
8. Договор между Россией и Хивинским ханством 12/24 августа 1873 г. / Сборник до-

говоров России с другими государствами. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С.129-135.

9. Заметка о восточном Хоросане, составлена генерального штаба подполковником Стрельбицким (по рекогносцировке 1891 г.) / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.LXII. – СПб., 1895. – С. 148.

10. Записка о положении Белуджистанского агентства и его значение для обороны Индии (1891). Четыре записки полковника Р.Сендемана об афганских и белуджистанских делах (1886-1891) / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.LXX. – СПб.: Военная типография, 1896. – С.171-173.

11. Зарудный Н.А. Третья экспедиция по Восточной Персии (Хоросан, Сеистан и Персидский Белуджистан): 1900-1901 гг. – Пг., 1916. – С.84.

12. Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия: С прил. карты Персии. – СПб.: Типография А.С.Суворина, 1912. – 176с.

13. Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия: С прил. карты Персии. – СПб., 1912. – С. 43.

14. Исследование, произведенное в 1891-1892 годах Генерального штаба Капитаном Артамоновым Астрабад-Шахруд-Бастанского района и Северного Хоросана / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.LL. СПб., 1892. С. 137.

15. Калугина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. – 116с.

16. Лессар П.М. О распределении вод Келата и Дерезага между этими ханствами и Атеком. Восточный берег Теджена и Серакса и южнее его/ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.VI. – СПб., 1883. – 61 с.

17. Лессар П.М. Пути из Асхабда к Герату (1882) / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии.

Вып. VI. – СПб., 1883. – С. 28.

18. Маннанов Б. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX вв. – Ташкент: Наука, 1964. – 156 с.

19. Миров М.Н. Присоединение Мерва к России. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 239 с.

20. Никольский А.М. О поездке в северо-восточную Персию и Закаспийскую область. – СПб., 1886. – С. 44.

21. Никольский А.М. О поездке в северо-восточную Персию и Закаспийскую область. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1886. – 57 с.

22. Риттих П.А. Отчет о поездке в Персию и персидский Белуджистан. Ч. 1. – СПб.: Военная типография, 1901. – С. 263.

23. Российско-Персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном. Составлено Г. Штаба Полк. Кузьминым-Караваевым/ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XL. – СПб., 1889. – 136 с.

24. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXVIII. Военно-статистическое северо-восточной части Хорасана. 1894 г. Генерального штаба капитана Орановского. – СПб., 1896. – С. 110.

25. Современное положение Персии // Нива. – 1874. – № 24. – С. 380-382.

26. Тихо Российско-Персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном. Составлено Г. Штаба Полк. Кузьминым-Караваевым/ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XL. – СПб., 1889. – 1-136 с.

27. Sykes P. A history of Persia. V. 2. – London: Macmillan, 1915. – 798 p.

28. Wright D. The English Amongst the Persians. – London: Heineman, 1977. – 218 p.

References:

1. Aliyev S.M. (2004) Istoriya Irana. XX vek [History of Iran. XX century]. – М.: IV RAN. – 648 s. (In Russ.).

2. Bazilenko I.V. (2010) Osobennosti evolyutsii religiozno-filosofskoy doktriny shiizma v istoriko-kul'turnom prostranstve musul'manskogo vostoka [Features of the evolution of the religious and philosophical doctrine of Shiism in the historical and cultural space of the Muslim East] // Khristianskiye chteniya. – 31. – S. 154-171. (In Russ.).

3. Bushev P.P. (1959) Gerat i anglo-iranskaya voyna 1856-1857 gg. [Herat and the Anglo-Iranian War of 1856-1857]. – М.: Izdatel'stvo vostochnoy literatura. – 251 s. (In Russ.).

4. Voyenno-statisticheskiy sbornik. Vyp. III. Persiya, Beludzhistan, Sredne-Aziatskiye vladeniya, Kitay, Yaponiya, Severo-Amerikanskiye Soyedinennyye Shtaty, Meksika, Braziliya i Respubliki Sredney, i Yuzhnoy Ameriki. Sost. N.N. Obruchev [Military statistical collection. Issue III. Persia, Baluchistan, Central Asian possessions, China, Japan, North American United States, Mexico, Brazil and the Republics of Central and South America. Compiled by N.N. Obruchev]. – SPb.: Voyennaya tipografiya, 1868. – S. 2-10. (In Russ.).

5. Vsepoddanneyshiy otchet general-leytenanta Kuropatkina. Poyezdka v Tegeran v 1895 g. [The most submissive report of Lieutenant General Kuropatkin. Trip to Tehran in 1895] / Svedeniya o Persii i Afganistane. – SPb.: b.i., b.g. – S. 1-59. (In Russ.).

6. Gokov O.A. (2012) Russkaya voyennaya missiya 1853-1854 gg. V Persiyu v kontekste «Vostochnogo voprosa» [Russian military mission 1853-1854 To Persia in the context of the "Eastern question" / Russian Collection: research on the history of Russia] / Russkiy Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii. T. XIII. Red. sost. O.R. Ayrapetov i dr. – М.: Izdatel'skiy dom Regnum, 2012. – S. 86. (In Russ.).

7. Darabadi P. (2007) Tsentral'naya Aziya v «bol'shoy geopoliticheskoy bor'be» vtoroy

poloviny XIX – nachala KHKH vv. [Central Asia in the «great geopolitical struggle» of the second half of the 19th - early 20th centuries] //Kavkaz & globalizatsiya. – T.1. – S. 140. (In Russ.).

8. Dogovor mezhdru Rossiiyey i Khivinskim khanstvom 12/24 avgusta 1873 g. [Treaty between Russia and the Khiva Khanate 12/24 August 1873 / Collection of treaties between Russia and other states] / Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1952. – S.129-135.

9. Zametka o vostochnom Khorosane, sostavlena general'nogo shtaba podpolkovnikom Strel'bitskim (po rekognostirovke 1891 g.) [A note about eastern Khorosan, compiled by the general staff by lieutenant colonel Strelbitsky (reconnaissance in 1891)] / Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp.LXII. – SPb., 1895. – S. 148. (In Russ.).

10. Zapiska o polozhenii Beludzhistsanskogo agentstva i yego znachenie dlya oborony Indii (1891). Chetyre zapiski polkovnika R.Sendemana ob afganskikh i beludzhistsanskikh delakh (1886-1891) [Note on the position of the Balochistan Agency and its importance for the defense of India (1891). Four Notes of Colonel R. Sendeman on Afghan and Baluchistan Affairs (1886-1891)/ Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp.LXX. – SPb.: Voyennaya tipografiya, 1896. – S.171-173. (In Russ.).

11. Zarudnyy N.A. (1916) Tret'ya ekspeditsiya po Vostochnoy Persii (Khorosan, Seistan i Persidskiy Beludzhistan) [Third expedition to Eastern Persia (Khorosan, Seistan and Persian Baluchistan)]: 1900-1901 gg. – Pg., – S.84. (In Russ.).

12. Zinov'yev I.A. (1912) Rossiya, Angliya i

Persiya: S pril. karty Persii [Russia, England and Persia: With adj. maps of Persia]. – SPb.: Tipografiya A.S.Suvorina. – 176s. (In Russ.).

13. Zinov'yev I.A. (1912) Rossiya, Angliya i Persiya: S pril. karty Persii [Russia, England and Persia: With adj. maps of Persia]. – SPb., – S.43. (In Russ.).

14. Issledovaniye, proizvedennoye v 1891-1892 godakh General'nogo shtaba Kapitanom Artamonovym Astrabad-Shakhrud-Bastanskogo rayona i Severnogo Khorosana [Research carried out in 1891-1892 of the General Staff by Captain Artamonov of Astrabad-Shahrud-Bastan region and Northern Khorosan] / Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp.LL. SPb., 1892. – S. 137. (In Russ.).

15. Kalugina L.M., Dunayeva Ye.V. (1998) Granitsa Rossii s Iranom (istoriya formirovaniya) [Border of Russia with Iran (history of formation)]. – M.: Institut vostokovedeniya RAN. – 116s. (In Russ.).

16. Lessar P.M. (1883) O raspredelenii vod Kelata i Deregaza mezhdru etimi khanstvami i Atekom. Vostochnyy bereg Tedzhena i Seraksa i yuzhneye yego [About the distribution of the waters of Kelat and Deregaz between these khanates and Atek. East coast of Tejen and Seraks and south of it] / Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp.VI. – SPb. – 61 s. (In Russ.).

17. Lessar P.M. (1883) Puti iz Askhabda k Geratu (1882) [Paths from Askhabd to Herat] / Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp.VI. – SPb. – S.28. (In Russ.).

18. Mannanov B. (1964) Iz istorii rusko-iranskikh otnosheniy v kontse XIX – nachale XX-h vv. [From the history of Russian-Iranian relations in the late XIX – early XX century]. – Tash-

kent: Nauka. – 156s. (In Russ.).

19. Mirov M.N. (1960) Prisoedineniye Merva k Rossii [Merv's accession to Russia]. – M.: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. – 239s. (In Russ.).

20. Nikol'skiy A.M. (1886) O poyezdke v severo-vostochnuyu Persiyu i Zakaspiyskuyu oblast' [About a trip to northeastern Persia and the Trans-Caspian region]. – SPb. – S. 44. (In Russ.).

21. Nikol'skiy A.M. (1886) O poyezdke v severo-vostochnuyu Persiyu i Zakaspiyskuyu oblast' [About a trip to northeastern Persia and the Trans-Caspian region]. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. – 57s. (In Russ.).

22. Rittikh P.A. (1901) Otchet o poyezdke v Persiyu i persidskiy Beludzhistan [Report on a trip to Persia and Persian Baluchistan]. CH.1. – SPb.: Voyennaya tipografiya. – S. 263. (In Russ.).

23. Rossiysko-Persidskaya granitsa mezhdru Zakaspiyskoy oblast'yu i Khorasanom. Sostavleno G.Shtaba Polk. Kuz'minym-Karavayevym [The Russian-Persian border between the Trans-Caspian region and Khorasan. Compiled by G. Shtaba Regiment. Kuzmin-Karavaev] / Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp.XL. – SPb., 1889. – 136s. (In Russ.).

24. Sbornik geograficheskikh,

topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp.LXVIII. Voenno-statisticheskoye severo-vostochnoy chasti Khorosana. 1894g. General'nogo shtaba kapitana Oranovskogo [Collection of geographical, topographic and statistical materials on Asia. Issue LXVIII. Military statistical office of the north-eastern part of Khorasan. 1894 Of the General Staff of Captain Oranovsky]. – SPb., 1896. – S.110. (In Russ.).

25. Sovremennoye polozheniye Persii [The current situation in Persia] // Niva. – 1874. – №24. – S.380-382. (In Russ.).

26. Tikho Rossiysko-Persidskaya granitsa mezhdru Zakaspiyskoy oblast'yu i Khorasanom. Sostavleno G.Shtaba Polk. Kuz'minym-Karavayevym / Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp.XL. – SPb., 1889. – 1-136p. (in Engl.).

27. Sykes P. (1915) A history of Persia. V. 2. – London: Macmillan. – 798p. (in Engl.).

28. Wright D. (1977) The English Amongst the Persians. – London: Heineman. – 218p. (in Engl.).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

**В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии
Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Среднерусский вестник общественных наук» включен в
Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых
в Российской Федерации.**

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история

07.00.03 – Всеобщая история

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

"Journal of Public and Municipal administration" invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

117571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).**

Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.

При перепечатке материалов ссылка на журнал

«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.

Главный редактор П. А. Меркулов

Ответственный секретарь Е. С. Матвеева

Переводчик Е. В. Князькова

Корректор И. Л. Кургузова

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.

Адрес редакции: 3020001, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Тел./факс 8(4862)43-20-28.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

по адресу: 3020001, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Подписано в печать 28.10.2021. Дата выхода тиража в свет 10.11.2021.

Усл. п. л. 10,4.

Формат 70x100 1/16

Тираж 1000 экз. (первый завод – 25 экз. Заказ № ____).

Цена свободная.

© **Вестник государственного и муниципального управления**

Научно-образовательное издание

№ 3 (41) 2021г.